

ISSN 0869.544X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •
ВЕДЕНИЕ

2017

“НАУКА”

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5
2017
СЕНТЯБРЬ ●
ОКТАБРЬ ●

Содержание

СТАТЬИ

<i>Шимчак Д.</i> (Познань). «Мы друг друга понимаем...». Франц Иосиф и поляки в Галиции	3
<i>Филимонова А.И.</i> (Москва). Первый общехорватский католический конгресс: начало политического католицизма	14
<i>Селезнев Ф.А.</i> (Нижний Новгород). Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам 1(14) августа 1914 года.....	28
<i>Шахин Ю.В.</i> (Севастополь). У истоков центробежных процессов: словенский республиканизм на этапе становления федеративной Югославии	42
<i>Едемский А.Б.</i> (Москва). Значение субъективного фактора в активизации советско-югославских отношений начала 1960-х годов	54
<i>Никитин В.В.</i> (Москва). Визит Патриарха Алексия II в Словакию. Причины и подготовка	69

СООБЩЕНИЯ

<i>Хаванова О.В.</i> (Москва). «Я послал к нему Айхенфельда...». Биография и карьера секретаря австрийского посольства в Петербурге	80
---	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Белов М.В.</i> В. Таки. Царь и султан. Османская империя глазами россиян	88
<i>Стрелец М.В., Мезга Н.Н.</i> А.Л. Кузьминых, С.И. Старостин. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.)	93
<i>Гусев Ю.П.</i> П. Надаш. Книга воспоминаний. Роман.....	98
<i>Косик В.И.</i> В. Бондаренко. Русский некрополь на Шипке	102
<i>Косик В.И.</i> Р. Михнева, К. Грозев, Г. Рупчева. «Малката Русия» на жълтите павета.....	104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Фролова М.М.</i> VI Никитинские чтения. Славяне и Россия. Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева.....	106
--	-----

<i>Клопова М.Э.</i> Семинар «Франц Иосиф: исторический опыт народов и (над)национальный миф»	111
<i>Злыднева Н.В.</i> Международная конференция «История искусства и социализм после Второй мировой войны»	113
<i>Будагова Л.Н.</i> Возвращаясь к напечатанному	118

ЮБИЛЕИ

<i>Будагова Л.Н.</i> К юбилею Александра Владимировича Липатова	119
К юбилею Людмилы Норайровны Будаговой	121
К юбилею Татьяны Андреевны Покивайловой	123
К юбилею Галины Павловны Мурашко	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2017 г. Д. ШИМЧАК

«МЫ ДРУГ ДРУГА ПОНИМАЕМ...». ФРАНЦ ИОСИФ И ПОЛЯКИ В ГАЛИЦИИ

В так называемый конституционный период Габсбургской монархии поляки играли значительную роль в жизни этого государства. Многие из них занимали высокие посты в министерствах. Живущее в Галиции польское население получило в 60-е годы XIX в. значительные свободы и возможность развивать национальные традиции. Эта провинция стала прямо-таки польским Пьемонтом, ходили разговоры о ее «автономии». Столь привилегированное положение проистекало из хороших личных отношений с Францем Иосифом. Основой неписаного договора императора с поляками являлось декабрьское обращение 1866 г.

During the so called constitutional period in the history of the Habsburg Monarchy, Poles played an outstanding role in the life of this state. Many of them held high posts in ministries. In the 1860s, the Polish population living in Galicia got significant freedoms and the possibility to develop their national traditions. This province became a sort of Polish Piedmont, and some called its political system autonomy. Such a privileged status was due to good personal relations with Francis Joseph. The basis of this unwritten treaty between the emperor and the Poles was the December address of 1866.

Ключевые слова: Габсбургская монархия, император Франц Иосиф, Галиция, поляки.

Keywords: The Habsburg Monarchy, Emperor Franz Joseph, Galicia, Poles.

Несколько лет назад в Международном центре культуры в Кракове была открыта выставка «Галицийский миф» [1]. Экспозицию рекламировал плакат с изображением Франца Иосифа, и это не случайно. В памяти поляков галицийский миф накрепко связан с личностью «старого доброго» императора. Понятие Галиции также неотделимо от понятия галицийской автономии. Последняя же – от польских свобод и возможности развивать свои традиции под сенью императорского герба. Как утверждает историк Яцек Пурхля, Франц Иосиф стал буквально лицом галицийской автономии [2]. Во времена разделенной Польши провинцию сравнивали – приведу здесь высказывание 1867 г. галицийского политика Флориана Земялковского – с ковчегом, «в котором польский дух с помощью правительства и нашими трудами пережил непогоду варварского потопа» [3. S. 159]. Другой консервативный политик, Войцех Дзедушицкий, назвал Галицию убежищем, где поляки, словно раненый олень, укрылись от преследователей [4. S. 111].

Шимчак Дамиан – д-р наук, адъюнкт Института истории им. Адама Мицкевича в Познани (Польша).

Это не совсем верно. В памяти поляков в большей мере отразилось время после 1867 г., т.е. эпоха так называемой автономии. В тени осталось все, что происходило в 1772–1867 гг. А ведь в тот период поляки ненавидели австрийскую власть едва ли не сильнее всех прочих, под которыми им довелось оказаться после разделов страны. Как заметил выдающийся специалист по истории Галиции Збигнев Фрас, «итог первого, восьмидесятилетнего, отрезка в истории австрийского владычества был однозначно негативным» [5. S. 6]. В империях Гогенцоллернов и Романовых поляки имели куда больше вольностей. Потому-то, должно быть, польская историография о Галиции касается в основном периода автономии. «Мрачной» эпохой абсолютизма интересовались куда меньше. Параллельно с понятием галицийской автономии функционировало понятие «галицийской нужды», введенное экономистом Станиславом Щепановским [6]¹. Оно оказалось столь же прочным, как и термин «автономия». Много критических замечаний о галицийской автономии приходило со стороны поляков, проживавших в других частях поделенной страны, невзирая даже на то, что они жили при гораздо более репрессивных режимах [7]. Следовательно, если окончательную победу одержал позитивный образ Галиции, это, несомненно, заслуга Франца Иосифа и его «мифа».

«Мы друг друга понимаем», – якобы сказал Франц Иосиф представителям польского дворянства во время одной из встреч с ними во Львове [8. S. 58]. И это не случайно. Кажется, у императора было чувство, что он заключил союз с поляками. При всяком случае он охотно говорил о «взаимопонимании и доверии» [9]. Во время визитов в Галицию любил подписываться по-польски в памятных книгах, а во время встреч с поляками хвалился знанием польского языка [10. S. 77]. Давая первую аудиенцию новому наместнику в Галиции Михалу Бобжиньскому в 1908 г., Франц Иосиф наказал ему, дабы тот прежде всего стоял на страже «отношений, которые он завязал с поляками» [11. S. 12].

Заключение этого союза было чрезвычайно важным моментом в истории галицийской автономии и стало, собственно, ее отправной точкой. Обе стороны шли к этому много лет. Дорога была непростой. Молодой император, вступив на престол в декабре 1848 г., быстро разочаровал поляков. Он последовательно отказался от модели конституционной монархии, внедренной во время Весны народов, а в 1851 г. так называемым Сильвестровским² патентом вообще отменил конституцию. Некоторые обвиняли в этом советников императора, которые подсовывали неопытному правителю плохие решения [12. S. 37]. В государстве Габсбургов наступила эпоха неоабсолютизма, связанная с германизацией и централизованным управлением страной. Много польских политиков оказалось в тюрьмах и крепостях, национальная и политическая жизнь замерла. Выдающийся политик и ученый Станислав Тарновский вспоминал, с какой неприязнью восприняли его одноклассники в начале 50-х годов XIX в. сообщение о том, что директор купил и торжественно повесил в школе портрет Франца Иосифа [13. S. 209]. Это было поколение, которое даже в конце XIX в. считало позором награждение австрийским орденом [14. S. 219].

В такой ситуации Франц Иосиф в октябре 1851 г. первый раз посетил Краков и Львов. Атмосфера встречи, по воспоминаниям консервативного политика

¹ Это понятие возникло после тщательного изучения общественно-экономических отношений в Галиции, проведенного Щепановским. При этом часто забывают, что книга не сосредоточивалась на критике, а предлагала позитивную программу действий.

² На день подписания патента – 31 декабря – приходился день св. Сильвестра (*прим. перев.*).

Павла Попеля, была холодной. «Мы болезненно пережили минуты, что император пребывал в Кракове, — писал Попель. — Он еще не заслужил права на благодарность поляков» [15. S. 38]. Зато с большим энтузиазмом приветствовали императора крестьяне (признательные за отмену крепостного права в апреле 1848 г.) и евреи. Официальная пресса тоже захлебывалась от восторга. Краковская ежедневная газета «Czas» («Время») сообщала об аудиенции, которой император удостоил некоторых особ «со свойственным его предкам благорасположением» [16. S. 1].

Император выказал себя милым и приятным человеком, но о каких-либо политических уступках полякам и слышать не хотел. Впрочем, кое-что для них сделал. Прежде всего, он попробовал объединить консервативно-помещичьи круги, помиловав аристократов, которые были приговорены за патриотическую деятельность [17. S. 118]. В 1849 г. он произвел в наместники Галиции поляка Агенора Голуховского, который, однако, не пользовался популярностью среди соотечественников: после событий 1846 г. почти всякого лоялиста и слугу государя воспринимали как предателя [18. S. 47–48].

Период неоабсолютизма закончился поражениями императора на полях битв в Италии. Начался поиск новой формулы государства. Следовало примирить требования либералов, консерваторов, централистов, федералистов, отдельных народов, общественных слоев и, наконец, самого императора, который не хотел отказываться от решающего влияния на государственные вопросы. В октябре 1860 г. А. Голуховский издал так называемый Октябрьский диплом, вводивший в монархии конституционализм с федеративной окраской. В следующем году увидел свет Февральский патент [3. S. 101–102]. Таким образом, конституционализм приобрел более централизованный характер. Однако проблемы государства не были решены. Недовольны остались венгры, требовавшие возвращения всех свобод землям короны св. Стефана. Того же самого, но для земель короны св. Вацлава требовали чехи. Русины хотели разделить Галицию на западную (польскую) и восточную (русинскую) части [19; 20. S. 24–25].

А поляки? Уже в январе 1861 г. в Вену прибыла их делегация в количестве 200 человек. Поляки просили автономию для Галиции. С подобным желанием они уже выступали во время Весны народов. Естественно, они рассматривали эту провинцию как часть бывшей Речи Посполитой. С такой точки зрения галицийская автономия понималась как совокупность договоров в пользу польского народа и исключение провинции из числа управляемых непосредственно Веней коронных земель. Галицией должны были управлять поляки. И тут следует напомнить, что в состав народа не входил тогда слой польскоязычных крестьян, в котором национальное самосознание сформировалось лишь во второй половине XIX в., да и то неокончательно. Усилия поляков были парализованы Январским восстанием в Царстве Польском. На какое-то время события в Российской империи поглотили внимание галицийских поляков. В феврале 1864 г. в Галиции было введено осадное положение, отмененное весной 1865 г. После разгрома восстания в Царстве Польском перспективным для народа представлялось лишь сотрудничество с Веней. Тем более что император не собирался отказываться от конституционного курса.

В том же году Франц Иосиф назначил премьером Рихарда Белькреди — консервативного политика, который должен был преобразовать монархию в федеративное государство. Поляки увидели в этом шанс для себя. Начались переговоры. Поляки настаивали на программе автономии и высказывались за федерализацию. Среди прочих пожеланий оказалась и просьба создать

канцелярию по делам Галиции в Вене. Белькреди вследствие проигранной войны с Пруссией летом 1866 г. был заменен Фридрихом Бейстом. Тот сделал ставку на переговоры с венграми. Он стремился к иной форме государства — двуединой. Данный план необходимо было пробить в Государственном совете (хотя это и не было обязательным условием введения дуализма). Бейст заигрывал с поляками. Франц Иосиф уже в сентябре 1866 г. вновь назначил Голуховского наместником Галиции. Бывший «ренегат» и «предатель» начал полонизировать управленческий аппарат, суды и школы [21. S. 67–68]. Настроение галицийских поляков сразу улучшилось, императорский жест оценили. Чтобы убедить Франца Иосифа в правильности этого курса, в декабре 1866 г. галицийский сейм принял резолюцию, которая заканчивалась знаменитыми словами: «Не опасаясь отступить от национального мышления, с верой в миссию Австрии и с доверием к слову, произнесенному вашим императорским величеством, из глубины сердец заявляем, что стоим возле тебя, августейший государь, и стоять будем» [22. S. 170]. Эта резолюция была благосклонно принята Францем Иосифом. Она стала краеугольным камнем взаимоотношений императора и поляков. Исследователь истории галицийской интеллигенции Мацей Яновский, впрочем, отмечает: «Подобная позиция не исключала возможности изменения отношения к Австрии в случае вступления на престол нового императора» [23. S. 43].

Здесь уместно вспомнить об отношении к Францу Иосифу польских крестьян. Выше упоминалось, что национальное самосознание формировалось у них на протяжении XIX в. Тогдашний галицийский политик князь Леон Сапега вспоминал, что в преддверии получения автономии вопросы национальности не имели для крестьян значения. «Для них поляк и русин — это только разница в обрядах: поляк ходит в костел, а русин — в церковь», — писал Сапега [24. S. 265]. В феврале 1846 г. польскоязычные крестьяне под руководством Якуба Шели резали польских дворян [25]. Это произошло с молчаливого согласия австрийских властей, которые цинично использовали неприязнь к дворянству и конфликты сельского населения с двором, чтобы в зародыше задуть подготавливаемое в Галиции восстание. Деревенские жители были сильнее других преданы императору. Когда в 1859 г. разразилась война с Пьемонтом и Францией, галицийские крестьяне объявили, что «готовы вступить в ряды сражающихся, лишь бы спасти государя» [26. S. 290]³. Обожание правителя выражалось по-разному. В 1867 г. крестьяне округа Горлице-Беч выбрали его в сейм в качестве своего депутата [27. S. 60–61]⁴. Отношение к нему не изменилось вплоть до кончины Франца Иосифа, несмотря на четко выраженную к тому времени польскую самоидентификацию крестьян. Выдающийся лидер крестьянского движения Винценты Витос, определяя позицию селян, писал в 1914 г.: «Основная масса их осталась в глубине души имперской. Австрийское государство они считали своим, были всецело преданы Францу Иосифу, веря в его любовь к народу, благосклонность и справедливость» [28. S. 287].

Декабрьское обращение 1866 г. и налаживание отношений с монархом не означали завоевания Галицией автономии. Для Вены приоритетом было соглашение с венграми. Оно было заключено в июне 1867 г. Польские депутаты в Государственном совете, хотя и разделились в отношении к дуализму, все же,

³ Крестьяне грозили даже, что останутся верны императору как в 1846 г. и ради спасения доброго монарха готовы «всех панов перебить».

⁴ Это избрание не было признано, так как монарх не мог быть членом законодательного органа. Император выиграл у соперника 58 голосами против 53.

в конце концов, поддержали соглашение (в противоположность чехам). Однако, новая конституция, принятая в декабре 1867 г., вызвала у поляков недовольство. Желанной автономии и дальнейших уступок, невзирая на обещания Бейста, они не получили. Галиция осталась в австрийской части государства — на том же положении, что и прочие провинции. Уступки в области языка выглядели недостаточными. Не удалось даже протолкнуть идею создания поста галицийского канцлера. Ситуация в Галиции становилась напряженной, тем более, что верховодившие в тот момент в Вене либералы последовательно сужали самостоятельность коронных земель. В сентябре 1868 г. на сейме во Львове депутат Франтишек Смолька потребовал федерализации монархии: «Что касается королевства Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским, приемлемым выглядит лишь такое самоуправление и отношение к монархии, каковое применено к Венгерскому королевству», — звучало его предложение [29. S. 361]. Столь радикальным требованиям противилась часть политиков во главе с Ф. Землячковским и А. Голуховским. Они призывали к работе на почве достигнутых договоренностей, укреплению самоуправления, органическому труду. Впрочем, предложение Смольки было нереально уже потому, что в венском парламенте не было охотников рушить дуализм. В силу этого приняли компромиссную резолюцию с требованием формальной автономии для Галиции, но в рамках Цислейтании. Местный сейм должен был получить более широкие полномочия, а Галиция — собственный верховный суд; делегатам галицийского сейма пришлось бы ограничить свою деятельность в Государственном совете обсуждением общих вопросов, а в Галиции предлагалось создать правительство, ответственное перед местным парламентом. Известие о принятии данной резолюции произвело угнетающее впечатление в Вене. Разгневанный император отказался от запланированного визита в Галицию, хотя часть его вещей уже была доставлена в Краков. В письме к матери он сообщал, что галицийский сейм совершил глупость, исключившую возможность его путешествия в эти края [30. S. 369]. В отношениях между императором и поляками вновь повеяло холодом.

Тогдашнее либерально-централистское правительство, равно как и большинство в Государственном совете, не были заинтересованы в поддержке автономии. В Галиции росло возмущение, которое, однако, не переросло в открытый конфликт с Веней. В Кракове появилась группа консервативных политиков, названных «станьчиками»: в своих памфлетах они высмеивали ура-патриотические настроения, призывали к умеренности, спокойствию и реалистической политике, а не к максимализму и невыполнимым требованиям. Они полагали, что в благоприятное правление Франца Иосифа следует перестроить польское общество, чтобы сплотить его и усилить [31. S. 13]. Название группы происходило от имени шута короля Сигизмунда Старого⁵. Она действовала в направлении укрепления союза с Габсбургами, каковой только и мог в эпоху разделов дать надежду на лучшее будущее польского народа.

Император не хотел разрушать с таким трудом достигнутого дуализма. Слишком большие уступки полякам, сделанные к тому же неконституционным путем (ибо иного после принятия декабрьской конституции не было), вызвали бы цепную реакцию среди других народов империи. Однако ему нужен был союзник

⁵ Этот шут увековечен на картине 1862 г. авторства Яна Матейко. Название полотна было «Станьчик во время бала при дворе королевы Боны, когда пришла весть о потере Смоленска». Шут — единственный из персонажей картины, который при этом известии погружается в раздумья о судьбе Отчизны, в то время как дворяне и чиновники продолжают веселиться.

в раздираемом идейными спорами цислейтанском парламенте. На эту роль идеально подходили поляки, объединенные в дисциплинированную, консервативную фракцию — Польское коло [32. S. 45–77]. Имел значение для монарха и почти сплошь дворянский состав польской фракции.

В 1871 г. на смену либеральному правительству Франц Иосиф назначил премьером консерватора Карла фон Гогенварта. Вскоре в кабинет министров вошел председатель Польского коло Казимир Грохольский — формально как министр без портфеля, фактически же как долгожданный министр по делам Галиции [33]. На этом назначении особенно настаивал Франц Иосиф. Гогенварт должен был уладить отношения с чехами и осуществить часть польских требований. Назначая Грохольского, император получал поддержку Польского коло в Государственном совете. Впервые польский парламентарий оказался на министерском посту.

Грохольский немедленно приступил к дальнейшей полонизации Галиции, сотрудничая с Голуховским, который в третий раз стал наместником. Уже в ноябре 1871 г. Грохольский был снят с поста министра. После короткого периода политических пертурбаций, связанных среди прочего с введением прямых выборов в Государственный совет (чему поляки противились), в 1873 г. функции министра по делам Галиции были возложены на Ф. Земляковского [34. S. 144]. Император в своем указе заверил, что это доказательство его неустанной заботы о Галиции.

Пост министра по делам Галиции сохранился до самого конца Габсбургской монархии. Министра называли галицийским «послом» или «адвокатом» в Вене. С его появлением поляки получили возможность следить за работой кабинета. Благодаря этому посту в любом цислейтанском правительстве находился хотя бы один поляк. И хотя нигде не было написано, что такой министр должен быть, император следил, дабы традиция соблюдалась. Другим народам также удавалось время от времени ввести в кабинет земляка, но никогда на постоянной основе. Обычно кандидатура министра по делам Галиции обсуждалась с председателем Польского коло. В итоге польская фракция превратилась по сути в императорскую. Поляки отмечали, что возражения с их стороны против тех или иных министров либо правительств отнюдь не означали перехода в оппозицию к императору. Поэтому другие фракции не раз обвиняли польскую в угодничестве перед императором. Последний, кроме того, всякий раз выбирал именно поляка на должность наместника во Львове. Эта традиция была нарушена лишь во время Первой мировой войны, когда во главе краевой администрации встал военный. Данные назначения обычно осуществлялись при консультации с поляками, в силу чего галицийский наместник проводил не только императорскую, но и пропольскую политику.

Золотое время во взаимоотношениях поляков с Францем Иосифом — 80-е и 90-е годы XIX в. Поляки являлись тогда важной составной частью в так называемом железном кольце, то есть консервативной коалиции, поддерживавшей правительство личного друга императора Эдуарда Тааффе. В то время поляки делали необычайные карьеры в дунайской монархии, много раз исполняли обязанности министров финансов, просвещения, железнодорожного транспорта. Профессор экономики Юлиан Дунаевский возглавил в 1880–1890 гг. министерство финансов и сумел ликвидировать дефицит бюджета [35. S. 74–77]. Интересно, что поляков при Франце Иосифе вообще считали специалистами по финансам. Не случайно данный пост помимо Дунаевского занимали также Леон Билиньский [36. S. 123] (в 1895–1897 и 1909–1911 гг.,

а также как совместный министр финансов в 1912–1915 гг.), Витольд Коротковский (1907–1911), а также Вацлав Залеский (1911–1913). Казимир Бадени в 1895–1897 гг. занимал пост премьера [37]. Премьером был в 1870 г. и другой поляк – Альфред Потоцкий. Сын Агенора Голуховского (тоже Агенор) в 1895–1906 гг. руководил внешней политикой Габсбургской монархии. Эпизодически поляки также возглавляли железные дороги или, чаще, ведомство просвещения. Всего при Франце Иосифе министерские посты получили 30 поляков [38. S. 401–418]. Хуже выглядело трудоустройство поляков в главных ведомствах Венy. Не столь блестящи были их успехи и в армии: хотя среди поляков было много генералов, ни один не вошел в элиту офицерского корпуса. Во время Первой мировой войны генералы-поляки командовали самое большое дивизиями, чаще же – бригадами. Ни один не был произведен в командующие армией [39. S. 314].

Франц Иосиф любил величественность и придворный церемониал. В конце жизни он «превратился в звезду, к которой невозможно приблизиться» [40. S. 217]. Кроме того, государь имел привычки чиновника, работающего по утвержденному распорядку дня. Поэтому любое отступление от установленных правил, например, продление аудиенции или, тем более, рукопожатие с министром или политиком [41. S. 223] воспринималось как необычайное проявление милости. Поляки всегда подчеркивали такие случаи в своих воспоминаниях [42. S. 143–144; 43. S. 772].

Поездки императора в Галицию напоминали триумфальные походы. Самая известная из них состоялась в 1880 г. Энтузиазм масс произвел большое впечатление на государя. Франца Иосифа приветствовали едва ли не как настоящего короля Польши. Поддавшись настроению, император во время посещения королевского замка в Кракове объявил, что выведет оттуда войска (что и произошло, но лишь в 1905 г.). Одним из поводов посещений Галиции были военные маневры. Появление императора вызывало взрыв эмоций в окрестностях, жители которых любой ценой старались увидеть Франца Иосифа, приблизиться к нему или вручить какую-нибудь петицию [44. S. 19–20]. К примеру, в сентябре 1903 г. в связи с учениями император посетил Львов. Как писала «Gazeta Lwowska», монарх желал, чтобы прием был как можно более скромным [45. № 209. 1903. 13 IX. S. 2]. Наконец, еще одним поводом для рекламы императора являлись годовщины, вроде дня рождения Франца Иосифа, отмечавшегося 18 августа. Во Львове в этот день стреляли залпами из орудий, устраивали факельные шествия, в театрах ставились гала-представления, в костелах и синагогах проходили торжественные службы [46. S. 3]. Галицийские газеты наполнились восторженными статьями. В авангарде, естественно, шла правительственная «Gazeta Lwowska», в которой писали: «От всего сердца жители нашей страны возносят молитвы к Господу Богу, дабы Он неустанно заботился о нашем Монархе, охранял Его для нас и наполнял новой славой все Его дни – на благо государства и ради счастья всех его народов» [45. № 187. 1885. 18 VIII. S. 1; 47. S. 219]⁶. Особенно громко отмечали в Галиции круглые даты, например, 50-летие вступления Франца Иосифа на престол в 1898 г. и 60-летие в 1908 г. В магазинах продавались портреты императора, открытки с монархом, а также «Бюсты августейшего государя и августейшей государыни в гипсовых слепках со скульптур лучших мастеров» [45. № 189. 1880. 18 VIII. S. 3].

⁶ Работавший несколько лет в редакции журналист вспоминал, что подобные статьи складывались обычно из кусков текстов, изданных ранее.

Огромную роль в популяризации личности Франца Иосифа играла школа [48. S. 55—84]. Особенно начальная. В каждом классе висел портрет правителя. Один из журналистов вспоминал: «В школьных хрестоматиях всех австрийских императоров, начиная с Марии Терезии, изображали законными, богоданными властителями Польши». Нынешний же государь — это «наследник Баториев, Собеских, милостивый император Франц Иосиф I» [49. S. 59]. Прославлялся государь и в учебниках истории. В «Очерке истории Польши до новейших времен» авторства Анатоля Левицкого Франц Иосиф назван «мудрейшим и самым благородным монархом Европы» [50. S. 519]. Молодежь убеждали, что национальное развитие происходит благодаря милости монарха. Министр по делам Галиции Леонард Пентак, открывая новое здание университетской библиотеки во Львове, подчеркивал, что развитие вуза совпало со «столь важной в нашей истории эпохой, когда по милости Его Величества Львовский университет утвердился на национальной почве» [45. № 17. 1905. 23 V. S. 5].

Особенно привязано к императору было старшее поколение учителей, начавшее работать на заре автономии и хорошо помнившее предыдущий период. Эти педагоги были чрезвычайно восприимчивы к любым непатриотичным (т.е. неуважительным к монарху и Австрии) поступкам молодежи. Выдающийся польский ученый Станислав Лемпицкий вспоминал об одном из профессоров гимназии, который неустанно пропагандировал перед учениками «доброту императора Франца Иосифа к нам, полякам» [51. S. 61]. Нараставший в начале XX в. национализм воздействовал на молодежь, особенно школьную и студенческую. Когда в 1908 г. во Львове готовились торжества по случаю 60-летия правления императора, молодежь под влиянием национальных демократов организовала антиавстрийскую манифестацию в память жертв артиллерийского обстрела города в 1848 г. [52. S. 197—198]⁷. Манифестацию пытался предотвратить наместник Михал Бобжиньский, напирая на то, что акцией воспользуются украинцы для усиления антипольской пропаганды в Вене. Интересно, однако, что, согласно исследованиям историков, Галиция до 1914 г. принадлежала к провинциям, где суровее других преследовали прессу на основании закона об оскорблении величества [53. S. 57].

Расположение поляков к императору охладело после введения в 1907 г. всеобщего избирательного права в Цислейтании. Консерваторы из Польского коло решительно этому противились из опасения, что в парламент попадут радикалы всех мастей, а также русины, именовавшие себя украинцами. Перед консерваторами стояла перспектива утраты влияния и власти. Император был сторонником всеобщего избирательного права и даже призвал наместника Анджея Потоцкого к тому, чтобы «поляки взамен за все, что он сделал для них, отблагодарили его исполнением самого горячего его желания» [14. S. 204], т.е. поддержали бы неоднозначный закон. Председатель Польского коло Войцех Дзедушицкий тщетно предостерегал императора перед последствиями, напирая на неизбежное ослабление всегда преданной императору польской фракции. В конце концов поляки вынуждены были смириться и проголосовать согласно желанию властителя. Как и следовало ожидать, новое, «демократическое», Польское коло уже не было таким верным союзником императора. В нем теперь важную роль играли национальные демократы, стоявшие далеко от прогабсбургского лоялизма [54]. Один из министров по делам Галиции, Здислав Моравский,

⁷ Обстрел города покончил с Весной народов в Галиции, приведя к многочисленным пожарам и разрушению ратуши.

писал: «Император пользовался всякой возможностью, чтобы терпко подчеркнуть эту невыгодную для него перемену в Коло». Упреки были несправедливы, ведь сам же монарх и настаивал на реформе [9. S. 217].

Начало Первой мировой войны вдохнуло новую жизнь в лоялистские настроения поляков в Галиции. Крестьянский политик Винценты Витос писал в мемуарах, что «в армию шли, как на свадьбу» [28. S. 289–290]. Тем более, что Галицию с некоторых пор начали называть «польским Пьемонтом». Стала популярной австро-польская идея как один из вариантов решения польского вопроса [55. S. 57–62, 72–80]⁸. Она заключалась в присоединении к двуединой монархии в качестве третьей составляющей Царства Польского, принадлежавшего российским царям. Франц Иосиф короновался бы в Варшаве как польский король, и возникла бы Австро-Венгро-Польша [56; 57]. Под этим знаменем в Кракове появился Верховный национальный комитет, поначалу объединивший все политические силы Галиции. За австро-польскую идею сражались на фронте добровольческие отряды поляков – польские легионы. Одной из трех бригад легионеров командовал будущий маршал Юзеф Пилсудский. 5 сентября 1914 г. во время церемонии присяги легионеров на верность Францу Иосифу ведущий церемонии назвал его королем Польши [58. S. 56].

Австро-польская идея не возобладали. Габсбургская монархия уступила влияние на польских землях союзнической Германии. По инициативе последней 5 ноября 1916 г. увидел свет акт о грядущем восстановлении независимой Польши, фактически как сателлита Берлина. Власти Дунайской монархии отдавали себе отчет, что галицийские поляки не откажутся от воссоединения с соотечественниками в Царстве Польском, а потому опасались вспышки антигосударственных и ирредентистских настроений. Спеша предотвратить это, Франц Иосиф решил опубликовать акт о будущем обособлении Галиции, т.е. о придании ей статуса автономии. Это было бы воплощением польских устремлений еще 60-х годов XIX в.

Три недели спустя император скончался. Сразу поползли слухи, что умер он на самом деле давно, просто «смерть скрывали» [40. S. 174]. Был объявлен траур. На общественных зданиях вывесили траурные полотнища; отменили все развлекательные мероприятия, городской совет Львова решил установить первый в Галиции памятник монарху (что, однако, не было исполнено). Измученное войной население Галиции восприняло новость о кончине правителя равнодушно, разве что среди крестьянства, не усвоившего еще в полной мере национальное сознание, было заметно некоторое сочувствие. Для многих крестьян правивший «вечно» монарх отождествлялся с порядком и стабильностью [59. S. 64]. Крестьянский вождь Якуб Бойко записал в дневнике: «Этот монарх был к нам, полякам, расположен, и мы все жалеем о нем» [60. S. 180]. А вот помещик Ян Хупка отнесся к этому более отстраненно: «Покойный император, конечно, не был орлом, но зато был разумным человеком» [61. S. 254]. Последним аккордом правления Франца Иосифа стала череда месс и траурных мероприятий. Любопытно, что очень сдержанно к смерти императора отнеслись украинцы, по мнению которых император творил благо только полякам [62. S. 191]. Они связывали свои надежды с новым императором – Карлом.

⁸ Иначе говоря, ориентация на Австро-Венгрию. С этой идеей соперничала российско-польская, двигателем которой являлся Роман Дмовский, полагавший наиболее грозным противником польского народа Германию.

С точки зрения политики в смерти Франца Иосифа даже находили плюсы. Один из польских консерваторов заявил, что личный пакт с императором уже не связывает поляков, которые теперь могут подумать о воссоединении с Царством Польским [63. S. 146]. Причем, вопреки желанию Вены. Комиссия, созданная для объявленного покойным монархом обособления Галиции наталкивалась на все большие трудности. Поляки теряли веру в необходимость этих усилий, надеясь на скорое объединение с Царством Польским, пусть и без Австро-Венгрии. Последняя попытка создать в Галиции автономию провалилась.

Галицийская автономия юридически никогда не существовала [64. S. 239–266]. Это понятие использовали поляки, чтобы показать исключительность своего положения под властью Франца Иосифа, особенно на фоне других частей поделенной Польши. Политическая власть поляков в Галиции основывалась на заключенном в 1866 г. союзе с властителем, на общем с ним интересе, а не каком-либо декрете. Последнего так и не удалось получить. Необычайное развитие национальной жизни в Галиции, расцвет общественных, научных, культурных и образовательных организаций поляков опирались на постановления, имевшие силу также и в других частях габсбургской монархии. Подобным образом обстояло дело и с гражданскими свободами. Под властью Франца Иосифа могли развиваться все нации. Среди галицийских поляков это породило чувство лоялизма, причем, в первую очередь к императору, а уже потом – к государству. Эта привязанность сместила или даже раздражала поляков, которые приезжали в Галицию из других частей поделенной страны. Они не могли понять, почему все тут вместо независимости мечтают о воссоединении с Царством Польским под властью «милостивого к полякам» Франца Иосифа [65. S. 21]. Поляки, управляемые Вильгельмом II или Николаем II, не имели таких отношений со своими монархами. Поэтому галицийская автономия – это скорее риторическое понятие, обозначающее власть, которую имели поляки благодаря соглашению с Францем Иосифом и которую они использовали для национального развития. Трудно было подобрать другое слово для обозначения этой свободы, чем автономия.

© 2017 г. Перевод с польского В. В. Волобуева

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Mit Galicji. Kraków, 2014.
2. Galicja to potęga mitu! Tygodnik Powszechny, 05.10.2014. www.tygodnikpowszechny.pl/galicja-to-potega-mitu-24357 (дата последнего посещения 25 I 2017).
3. *Bartoszewicz K.* Dzieje Galicji, jej stan przed wojną i «wyodrębnienie». Warszawa, 1917.
4. *Daszyk K. K.* Osobliwy Podolak. W kręgu myśli historiozoficznej Wojciecha hr. Dzieduszyckiego. Kraków, 1993.
5. *Fras Z.* Galicja. Wrocław, 2003.
6. *Szczepanowski S.* Nędza Galicji w cyfrach i program energicznego rozwoju gospodarstwa krajowego. Lwów, 1888.
7. *Bujnicki T.* Galicja – najgorszy zabór. Widziane z Paryża // Kraków i Galicja wobec przemian cywilizacyjnych (1866–1914). Studia i szkice. Kraków, 2011.
8. *Biliński L.* Wspomnienia i dokumenty, 1915–1922. Warszawa, 1925. T. II.
9. *Szymczak D.* Zapiski Zdzisława Morawskiego z lat 1914–1916. Zdzisław Morawski – Wielkopolec, który został austriackim ministrem // «Niepodległość», Warszawa, 2015. T. LXIV.
10. *Bogdanowicz M. R.* Wspomnienia, Kraków, 1959. T. I.
11. *Bobrzyński M.* Z moich pamiętników. Wrocław, 2006. T. I.
12. *Łoziński J.* Wspomnienia z życia mego. Przemyśl, 2010.
13. Galicyjskie wspomnienia szkolne. Kraków, 1955.
14. Pamiętnik Mariana Dydyńskiego z Raciborska. Kraków, 2015.
15. *Skowroński J.* Kraków cesarsko-królewski. Łódź, 2003.
16. Czas. № 235. 1851 13 X.
17. *Grodziski S. Franciszek Józef I.* Wrocław, 1978.

18. *Pijaj S.* Agenor Gołuchowski (senior) – twórca «polskiej» administracji w Galicji // *Życie codzienne, gospodarka, kultura i społeczeństwo polskie w latach 1772–1918. Rozprawy z dziejów ziem polskich w okresie zaborów.* Poznań, 2015.
19. *Kozik J.* Ukraiński ruch narodowy w Galicji w latach 1830–1848. Kraków, 1973.
20. *Partacz Cz.* Razem czy przeciw sobie. Studia z przeszłości Polaków i Ukraińców (Rusinów i Haliczan). Koszalin, 2013.
21. *Pijaj S.* Między polskim patriotyzmem a habsburskim lojalizmem. Polacy wobec przemian ustrojowych monarchii habsburskiej (1866–1871). Kraków, 2003.
22. Stenograficzne sprawozdania galicyjskiego Sejmu krajowego (далее – Sten. Spraw. Sejm.), I kadencja, 13 posiedzenie 4 sesji, 10 XII 1866.
23. *Janowski M.* Inteligencja wobec wyzwań nowoczesności. Dylematy ideowe polskiej demokracji liberalnej w Galicji w latach 1889–1914. Warszawa, 1996.
24. *Sapieha L.* Wspomnienia z lat od 183 do 1863. Rzeszów, 2015 (репринт издания 1914 г.).
25. *Szuber T.* Jak(ó)b Szela 14(15) lipca 1787–21 kwietnia 1860. Warszawa, 2014.
26. Kapitani i dwie panny. Krakowskie pamiętniki z XIX w. Kraków, 1980.
27. Sten. Spraw. Sejm., II kadencja, 4 posiedzenie 1 sesji, 25 II 1867.
28. *Witos W.* Moje wspomnienia. Warszawa, 1988. Cz. I.
29. Sten. Spraw. Sejm., II kadencja, 19 posiedzenie 2 sesji, 19 IX 1868.
30. Briefe Kaiser Franz Josephs I an seine Mutter 1838–1872, München 1930.
31. Stańczycy. Antologia myśli społecznej i politycznej konserwatystów krakowskich. Warszawa, 1985.
32. *Zdrada J.* Organizacja i stanowisko Koła polskiego w wiedeńskiej Radzie Państwa 1861–1862 // «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne», z. 12 (1963).
33. *Szymczak D.* Galicyjska «ambasada» w Wiedniu. Dzieje Ministerstwa dla Galicji 1871–1918. Poznań, 2013.
34. *Fras Z.* Florian Ziemiałkowski (1817–1900). Biografia polityczna. Wrocław, 1991.
35. *Fritz W.* Für Kaiser und Republik. Österreichs Finanzminister seit 1848. Wien, 2003.
36. *Lieberman H.* Pamiętniki. Warszawa, 1996.
37. *Łazuga W.* «Rządy polskie» w Austrii 1895–1897. Poznań, 1991.
38. *Łazuga W.* «Kalkulować...» Polacy na szczytach C.K. monarchii. Poznań, 2013.
39. *Rydel J.* W służbie cesarza i króla. Generałowie i admirałowie narodowości polskiej w siłach zbrojnych Austro-Węgier latach 1868–1918. Kraków, 2001.
40. *Kożuchowski A.* Pośmiertne dzieje Austro-Węgier. Obraz monarchii habsburskiej w piśmiennictwie międzywojennym. Warszawa, 2009.
41. *Kossak W.* Wspomnienia. Warszawa, 1971.
42. *Głabiński S.* Wspomnienia polityczne. Pelplin, 1939. Cz. 1. Pod zaborem austriackim.
43. *Rozwadowski T. J.* Wspomnienia Wielkiej Wojny. Warszawa, 2015.
44. *Steinhaus H.* Wspomnienia i zapiski. Londyn, 1992.
45. Gazeta Lwowska.
46. Gazeta Narodowa. № 189. 1875 19 VIII.
47. *Wysocki A.* Sprzed pół wieku. Kraków, 1974.
48. *Hołda R.* „Dobry władca”. Studium antropologiczne o Franciszku Józefie I. Katowice, 2008.
49. *Rączkowski J.* Wśród polityków i artystów (ze wspomnień redaktora). Warszawa, 1969.
50. *Lewicki A.* Zarys historii Polski aż do najnowszych czasów. Kraków, 1897.
51. *Lempicki S.* Złote paski. Wspomnienia ze szkoły galicyjskiej, Warszawa 1957.
52. *Grabski S.* Pamiętniki. Warszawa, 1989. T. I.
53. *Dziedzio A.* Cenzura prasy w Austrii 1862–1914. Studium prawnohistoryczne. Kraków, 2012.
54. *Wątor A.* Działalność stronnictwa demokratyczno-narodowego w zaborze austriackim do 1914 r. Szczecin, 1993.
55. *Pajewski J.* Odbudowa państwa polskiego 1914–1918. Warszawa, 1980.
56. *Suleja W.* Orientacja austro-polska w latach I wojny światowej (do aktu 5 listopada 1916 roku). Wrocław, 1992.
57. *Szymczak D.* Między Habsburgami a Hohenzollernami. Rywalizacja niemiecko – austro-węgierska w okresie I wojny światowej a odbudowa państwa polskiego. Kraków, 2009.
58. *Krasicki A.* Dziennik z kampanii rosyjskiej 1914–1916. Warszawa, 1988.
59. *Nahlik S. E.* Przesiane przez pamięć. Kraków, 1987.
60. *Bojko J.* Gorące słowa. Wybór pism. Kraków, 2002.
61. *Hupka J. Z.* Czasów Wielkiej Wojny. Pamiętnik nie kombatanta. Nivska, 1936.
62. *Pajak J. Z.* Od autonomii do niepodległości. Kształtowanie się postaw politycznych i narodowych społeczeństwa Galicji w warunkach Wielkiej Wojny 1914–1918. Kielce, 2012.
63. *Jaworski W. L.* Dziariusz 1914–1918. Warszawa, 1997.
64. *Binder H.* «Galizische Autonomie» – ein streitbarer Begriff und seine Karriere // Moravské vyrovnání z roku 1905: možnosti a limity národnostního smřru ve střední Evropě. Brno, 2006.
65. *Dębicki Z.* Iskry w popiołach. Poznań, 1931.

© 2017 г. А.И. ФИЛИМОНОВА

ПЕРВЫЙ ОБЩЕХОРВАТСКИЙ КАТОЛИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС: НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОГО КАТОЛИЦИЗМА

Статья посвящена формированию Хорватского католического течения в общественно-политическом движении в Хорватии и роль Первого общехорватского католического конгресса в этом процессе.

The article is dedicated to the making of the Croatian Catholic line in the social and political movement in Croatia and the role of the First Croatian National Catholic Congress in this process.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Хорватия, католицизм, Й. Штадлер, М. Кулмер.

Keywords: Austria-Hungary, Croatia, Catholicism, Josip Stadler, Miroslav Kulmer.

В конце XIX – начале XX в. Королевство Хорватия и Славония являлось одной из экономически отсталых территорий Австро-Венгерской монархии. Несмотря на то, что в первом десятилетии число индустриальных рабочих на его землях выросло на 90 тыс. человек, сельское хозяйство оставалось основой экономики. В 1900 г. 84% населения являлись крестьянами [1. С. 56], главной проблемой для которых стала невозможность приобрести землю, основную прибыль из сельхозпроизводства извлекали банки и иностранцы, в их руках оказались практически все значительные земельные владения. Население в основной массе беднело, крестьянство «буквально увязало в векселях и ипотеках», становясь «рабами капиталистических банков и ростовщиков» [2. С. 140]. Публицисты того времени отмечали: «Иностранец, заклятый враг нашего рода, надменный венгр или лукавый немец, скупает земли наших крестьян и заселяет их, строит себе школы и вытесняет хорватов из Хорватии» [3. С. 78].

К началу XX в. общественно-политическое движение Хорватии и Славонии разделилось на три течения: либерально-демократическое, способствующее утверждению национального самосознания в рамках югославянского единства; эксклюзивистски хорватское, нацеленное исключительно на развитие национального хорватского самосознания, в котором на первый план выходили институциональные, религиозные и политические аспекты; католическое движение, организованное римско-католической церковью с целью противодействия либерально-демократическим веяниям (в том числе и югославянскому объединению). Политически активные слои хорватского общества оказались на двух противоборствующих флангах. Либерально-демократический (и антикатолический) заняла «демократическая интеллигенция» и примкнувшая к ней весьма

Филимонова Анна Игоревна – канд. ист. наук.

воинственно настроенная так называемая прогрессивная молодежь (наперед на омадина), противоположную позицию заняли национально-радикальные и консервативно-клерикальные круги [4. S. 16].

В среде католического духовенства не сложилось единства мнений относительно перспектив политического развития хорватского народа в монархии Габсбургов. Существовали различные и подчас противоположные подходы к этим вопросам. Так, в Банской Хорватии клир в целом был настроен более патриотично, при этом по-разному трактуя само понятие патриотизма: меньшая его часть пользу для народа и церкви видела в тесном сотрудничестве с законными представителями монархии. Большая же часть участвовала в оппозиционных партиях — эти представители духовенства выступали за расширение политических прав хорватского народа в целом, что соответствовало взглядам прогрессивно-либеральных кругов [4. S. 16].

Роль духовенства в национально-политических процессах оставалась решающей. Клер контролировал такие сферы, как просвещение, борьбу в ходе избирательных кампаний и организации национального характера [6. S. 476]. Таким образом, единственным влиятельным представителем политических интересов хорватского народа на рубеже веков, как подчеркивает современный хорватский историк Ю. Кришто, являлась католическая церковь, иерархи которой были уверены в том, что «прогресс несет в себе неминуемую гибель» [6. S. 7].

Однако распространение к началу XX в. либерализма и неразрывно связанного с ним антикатолицизма (и — более широко — атеизма) на хорватских землях ослабили положение католической церкви. Большинство представителей клира, столкнувшись с этим явлением, не знали, как следует реагировать на это новое явление, но и оставаться в обороне Римско-католическая церковь не могла. Охарактеризовав либеральные движения «изошренными спекуляциями идеальными понятиями просвещения, прогресса и свободы» [7. S. IX–XI], представители католической иерархии предприняли «контрнаступление» с целью расширения общественно-политического, социального и культурного влияния церкви. Новые идеи должны были обрести практическое применение, и этой цели был подчинен Первый общехорватский католический конгресс (Загреб, 3–5 сентября 1900 г.).

Общенациональные католические конгрессы занимали чрезвычайно важное место в жизни римско-католической церкви, становясь в тех странах, в которых они проводились, форумом для обсуждения наиболее актуальных вопросов современности и фундаментом объединения всех категорий населения. Резолюции конгрессов, направленные на «пробуждение католического сознания» и «усиление католического чувства», были, как правило, краткими и предельно четкими. Они указывали практические, конкретные меры для применения в жизни, любое отвлеченное и абстрактное теоретизирование исключалось.

Первый общехорватский католический конгресс стал точкой отсчета в организационно-идеологическом оформлении хорватского католицизма и оценивался как современниками, так и последующими исследователями как основатель «клерикальной программы на весь XX в.» [8].

Подготовка к конгрессу была внушительной. В 1899 г. состоялось совещание группы церковных и близких к церкви политиков, принявшее решение о проведении в 1900 г. общенационального католического съезда, объединяющего не только хорватов-католиков Загребской архиепископии, но и хорватов-католиков «всех хорватских территорий». В начале 1900 г. в Загребе был основан Центральный координационный комитет по подготовке к конгрессу, его

участники каждые две недели проводили заседания, на которых отчитывались о ходе подготовки и разрабатывали план мероприятий на следующие 14 дней. Председателем комитета был избран Враньский епископ П. Гулгер, его первым заместителем стал епископ и загребский каноник И. Крапац, вторым заместителем — народный депутат Ш. Брештински. В состав комитета вошли: прелат А. Ягатиц; редактор газеты «Katolički list», назначенный впоследствии секретарем конгресса, детально осветивший ход работы конгресса С. Коренич; каноники Ц. Рубетич и Г. Барон; народный депутат М. Амруш; профессора университета А. Бауэр, Т. Смичиклас и Ф. Врбанич; юристы К. Кватерник и И. Ружич; профессор гимназии С. Кучак. В каждой епископии основывались собственные комитеты, связанные с центральным. Их целью являлось распространение информации по поводу проведения первого столь масштабного мероприятия католической церкви на территории Хорватии и Славонии, «пробуждение воли и стремления» среди католиков-хорватов и обеспечение их массового присутствия на конгрессе.

В феврале Комитет утвердил список основных тем конгресса: территориальный вопрос, католическая жизнь, деятельность благотворительных обществ, отношения государства и церкви, социальный вопрос, воспитание детей, католическая печать, церковное искусство и литература. Из указанного ряда выделялись «особенно важная» группа проблем, непосредственно связанная с «историей, душой и отдельными нуждами хорватского народа».

Боснийский архиепископ Й. Штадлер, определявший путь развития хорватского национального движения в Боснии и Герцеговине, к тому времени сформулировал основные цели своей деятельности — закрепление клерикального компонента в идеологии хорватского национального движения. Будущий конгресс Штадлер воспринимал как средство утверждения собственных идей и начал собственную подготовку. Так, в мае 1900 г. Боснийской архиепископией было запланировано участие в очередных торжествах по поводу юбилея католического хорватского так называемого общества либеральной направленности «Требевич». Однако количество и состав представителей католического епископата, прибывшего в Сараево по приглашению Штадлера, указывает на стремление провести «смотр сил» и согласовать позиции боснийской иерархии в идейном и организационном аспекте. На торжественные мероприятия прибыли епископы практически из всех епископий югославянских территорий Австро-Венгрии: Загребской, Сплитской, Шибеникской, Крчской, Задарской, Люблянкой, Джаковской и др. Штадлер выступил с декларацией «основополагающих политических католических принципов», т.е. с религиозно-политической программой боснийского клира. Основным положением стала констатация разделения хорватского национального движения в Боснии и Герцеговине на буржуазно-либеральное и религиозное, сторонникам которого предписывалось включиться в политическую деятельность не только на территории Боснии и Герцеговины, но и за ее пределами. Штадлер заявил об обязанности хорватов, из поколения в поколение воспитанных в католической вере, «всегда преданно следовать за своим Иисусом», «проливать кровь за святыни католической веры». Обличая либеральных лидеров хорватского движения, Штадлер упрекал их в «религиозной индифферентности», даже в атеизме, что в глазах католической хорватской общественности неизбежно должно было стать несмысленным клеймом отступников, а Штадлеру и его сторонникам служило обоснованием необходимости отстранения этих и подобных им лидеров от руководства хорватским национальным движением.

Боснийский архиепископ отмечал, что единственно возможный путь к спасению — борьба за «святости веры католической», борьба «с мечом католических начал в руке», чтобы «вырезать из хорватского тела дикое мясо атеизма и либерализма», и через «боль, крик и сомнения показать, что ничто на свете не в силах оторвать нас от католического знамени». «Наказ» Штадлера был адресован всем руководителям и участникам хорватского национального движения, все они должны были, по его убеждению, усвоить истину о невозможности «противного католическому духу» отделения хорватов от католицизма во «всех сферах общественной жизни». Архиепископ осудил «преувеличенный национализм, для которого национальность является идолом, отодвигающим веру во имя национальности, народной пользы и славы без учета и вопреки законам Христова Евангелия». Таким образом, май 1900 г. в Боснии и Герцеговине стал точкой отсчета в повороте Й. Штадлера к практической политической деятельности.

Круг соратников и единомышленников Й. Штадлера состоял из каноников боснийского капитула и большинства духовенства Боснийской архиепископии, но особенно — членов Иезуитской коллегии теологического факультета в Сараеве и Классической гимназии в Травнике. Иезуиты поддерживали Штадлера во всех его начинаниях, независимо от того, касались они вопросов церковной организации, духовной жизни или общественной деятельности — во всех случаях неизменно следовало или явное, или тайное одобрение общества Сердца Иисусова, провозгласившего своим девизом призыв «*Omnia restaurare in Christo*». Помимо прочего, в это время Штадлер очертил и границы хорватских территорий, они должны были охватывать земли от Котора и Дрины до слияния Савы и Дуная в Белграде [9. S. 181–183].

В приветственном послании центральному Комитету Штадлер указал, что «поздно готовиться к войне, когда она уже идет, если хочешь стать героем в войне, готовься к ней во время мира [...] Католические конгрессы — это боевые учения для подготовки к войне». Особое воодушевление архиепископа вызвало выбранное место проведения конгресса — Загреб, «история и опыт которого для каждого хорвата является цитаделью католической веры и образцом истинной любви к своему мученическому хорватскому отечеству». Однако он с тревогой отмечал среди молодежи, если не ослабление любви к отечеству, то все же явное охлаждение религиозного чувства, без которого «невозможен истинный и глубокий патриотизм». Для исправления ситуации архиепископ предложил основать в Загребе католический интернат для университетской молодежи с задачей, во-первых, облегчить неимущим студентам обучение, во-вторых, способствовать улучшению и сбережению нравственности, в-третьих, «воодушевить той работой, коя единственно может осчастливить и возвысить наше отечество» [7. S. XXI–XXIII].

7 июня 1900 г. центральный Комитет обратился к хорватскому народу с манифестом по поводу предстоящего католического конгресса. Видные граждане Загреба вошли в состав «квартирного комитета», обеспечившего 2 тыс. квартир в городе для размещения участников конгресса — от бесплатных до дорогих. Также заслугой комитета стало украшение города трехцветными хорватскими флагами — в день начала заседаний в Загребе не было практически ни одного дома, на котором не развевался бы хорватский триколор, в том числе и на домах иноверцев. Кроме того, был основан еще комитет граждан по приему и размещению гостей. Все распорядители и обслуживающие лица конгресса носили кокарду с хорватским триколором.

К организации конгресса привлекли университетскую молодежь: студенты должны были провожать и встречать участников заседаний и наблюдать за порядком. Ректор Загребского университета Г. Арнольд в здании университета предоставил пять конференц-залов, а помощник главы общества «Хорватский сокол» Хануш — здание общества для торжественных заседаний конгресса. Доступ как на торжественные, так и на секционные заседания имели исключительно участники конгресса, при входе каждый из них предъявлял специальный пропуск, изготовленный в архиепископии.

Центральный Комитет принял решение пригласить на конгресс и представителей интеллигенции, и военной и гражданской администрации Хорватии и Славонии. В первую очередь был приглашен эрцгерцог Леопольд Салватор и бан Куэн Хердериари, мэр Загреба Адольфо Мошински и другие видные деятели.

На заседания конгресса со всех территорий, населенных хорватами, собрались хорватские прелаты: Загребский архиепископ Юрай Посилович, Джаковский архиепископ Йосип Юрай Штросмайер, епископ о. Крка Антун Махнич, Люблянский епископ Антун Еглич, епископ Дубровника Йосип Марцелич, Боснийский архиепископ Йосип Штадлер и др. Накануне заседаний в резиденции Загребского архиепископа Посиловича состоялось совещание всех хорватских епископов — из Хорватии, Славонии, Боснии и Далмации.

Заседания Первого общехорватского католического конгресса были открыты 3 сентября 1900 г. в Загребе в здании общества «Хорватский сокол» в обстановке необычайной торжественности. На площадях и улицах хорватской столицы «ничего не было ни видно, ни слышно, кроме объединенного народа хорватского, представленного в главном городе навиднейшими сыновьями разьединенного хорватского отечества».

На этом заседании присутствовали пять тыс. человек. Количество представителей духовенства — участников торжественного заседания, а также гостей от различных сословий населения (им были предоставлены места на галерее) свидетельствовало о том, что католическая церковь занимает ключевое место в национальной жизни хорватов. Председатель конгресса Мирослав Кулмер в приветственной речи связал просвещение, прогресс и спасение хорватских земель и хорватского народа с католической церковью. Он выделил два главных вопроса, угрожающих спокойствию и безопасности католического мира: анархизм и социализм. По поводу первой проблемы Кулмер предложил издать государственные законы, предусматривающие наказание анархистов и применение против них вооруженной силы. Он с удовлетворением констатировал, что «законы уже готовы, а вооруженная сила государств наращивается все больше и больше». Именно сейчас, по его мнению, настало время признания церкви как основы государственной жизни, источника, из которого берут начало все государственные предписания.

Главным тезисом в докладе Кулмера звучала обеспокоенность угрозой государству из-за его отхода от традиционных христианских ценностей, отказа от ведущей роли римско-католической церкви в жизни общества.

Кулмер обращался к хорватам, «населяющим территорию Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии и Герцеговины и Истрии» и, прежде всего, к молодежи. Руководствовался он прямыми директивами главы Св. Престола. Делегация хорватской молодежи (включая школьников) под руководством самого Кулмера была принята Римским папой на аудиенции, в ходе которой ему был преподнесен дар — «драгоценность в виде золотого сердца и пять тыс. итальянских

лир золотом». «Св. отец невероятно возрадовался», — отмечал М. Кулмер, — «и как только дар ему был передан, сразу же выразил свое восхищение». 15 августа 1900 г. глава Св. Престола направил ответное послание, в котором определил место хорватской молодежи в «общем усилении укрепления церкви» как «особенное», связанное с ее торжественным обязательством «pro aris et focis за веру и дом воевать твердо и отважно». Обращаясь к Кулмеру, понтифик поручил ему вдохновлять хорватскую молодежь, чтобы она «непоколебимо выполнила свои обязательства» [7. S. 9–15].

Итак, конгресс, созванный для всех католиков-хорватов, был призван бороться с ослаблением религиозного чувства, с расширением религиозного индифферентизма и его проявлениями во всех сферах национальной жизни, а также его целью являлось усиление сознания хорватского народа как «*Antemurale christianitatis*» (оплота христианства, т.е. опоры римско-католической церкви), как противостояния религиозному равнодушию, духовной избалованности и ослаблению христианской морали. Способом борьбы были определены: оживление религиозного сознания, усиление активности религиозной жизни, создание условий для воплощения в жизнь «истинных идеалов», поскольку без них «не существует истинного прогресса». Для хорватского народа ставились три основные задачи: отделение его от «гибельных» либеральных и революционных течений, формулирование религиозно-национальной программы и поиск наиболее эффективных методов для его организации на началах «истинной веры».

По территориальным претензиям хорватов выстраивалась сложная идеологическая схема. Во-первых, в торжественной речи по поводу начала работы конгресса М. Кулмер выделил, не называя еще конкретно, наличие у хорватского народа некоего «горячего стремления, которое рано или поздно будет реализовано», выразив убеждение, что это желание, поддерживаемое церковными иерархами, «особенно полезно для католической веры и Церкви, будет реализовано в наши дни». Во-вторых, унаследованная и неотъемлемо вошедшая в кровь и плоть хорватского народного организма верность и преданность Св. Престолу, заслуженное наименование хорватов как «*Antemurale christianitatis*» особым образом приближают этот народ к Апостольской столице. В результате, как заявил Кулмер, сам понтифик подсказывает хорватам наиболее эффективный способ служения римско-католической вере: «Св. Отец папа как глава церкви может подобающим образом, свободно и беспрепятственно исполнять свою апостольскую миссию лишь при условии бытности его абсолютно суверенным владельцем собственных и лишь ему одному принадлежащих территорий» [7. S. 19].

Отсюда следовал вывод о том, что обязательной предпосылкой для выполнения хорватским народом миссии, возложенной на него римско-католической церковью, является появление устойчивого хорватского национального сознания. Затем этническое самосознание должно укрепиться и распространиться «среди близких хорватам народов», «на хорватских территориях». В этой связи с особым воодушевлением приветствовалось присутствие на конгрессе далматинских епископов.

Примечательно, что хорватские иерархи попытались утвердить собственные национальные приоритеты: подчеркивалось, что подобно тому, как «для благоденствия Св. Престола необходима самостоятельность, независимость и суверенность св. Отца папы, особая и ему лишь одному принадлежащая территория», также и хорватская привилегия, дарованная энцикликой «*Grande munus*» и резолюцией Комитета по обрядам от 22 августа 1900 г. о праве совершать божественные службы на старославянском языке, необходима и для веры, и для

церкви хорватской, более того, этот «драгоценный залог» благосклонности Св. Престола необходимо не только сохранить, но и расширить.

4 сентября, во второй день, еще до 8 ч. утра, Загреб огласился колокольным звоном, участники конгресса посетили св. мессу, которую служил Сеньский епископ Маурович, затем они направились в здание университета, в котором в 9 ч. началась работа различных секций. Первая часть первой секции была посвящена теме «Католическая жизнь». Во вступительной речи Ужицкий епископ Войнович, помимо прочего, отметил, что настало время мирянам выполнять божественную миссию и встать бок о бок с духовенством «за дело Божье». Но отличие хорватских земель, по его мнению, от других католических стран заключается в том, что «наша церковь всегда находилась в состоянии мира», на нее «со времен Иосифа II не совершалось никаких покушений»: но «героизм может появиться только в борьбе, в борьбе рождаются герои и только в войне рождается армия. Поэтому и не удивительно, что у нас нет таких мирян, которые встали бы на защиту Церкви и ее прав». Следовательно, задачей хорватского духовенства должно стать создание воинствующего типа мирян-католиков, причем создание «ни в коем случае не случайное, импульсивное, импровизированное, а тщательно продуманное выращивание каждого такого мирянина».

Предложение Ужицкого епископа заключалось в следующем: во-первых, исключить из числа преподавателей закона Божьего в школах и гимназиях случайных людей и обеспечить назначение специалистов с особой подготовкой, чтобы они оказывали решающее влияние на образовательно-воспитательный процесс. Во-вторых, на высшей ступени образования, в университете, молодежь не должна быть предоставлена сама себе, она «не должна слышать гибельные и опасные теории», «всем течением, наносящим ущерб вере, необходимо найти противоядие» — таким противоядием является основание кафедры христианской философии. Именно христианская философия, по мнению докладчика, является ключом к решению всех государственных и социальных вопросов. Не случайно папа издал энциклику «Aeterni Patris», в которой отметил, что философия «завязла в науке и осталась на обочине христианской традиции», результатом чего стал «разгул индифферентизма и скептицизма» [7. S. 33], и утвердил официальным католическим религиозным философом Фому Аквинского, связавшего христианское вероучение (в частности идеи Августина Блаженного) с философией Аристотеля, проведя четкую и резкую границу между верой и знанием. Следовательно, проблемы философского и человеческого знания, указывал К. Войнович, уже успешно разрешены Фомой Аквинским, более того, он заложил фундамент для решения в будущем всех вопросов, волнующих человечество.

Третий пункт его программы предусматривал вместо закрытой коллегии Св. Иеронима основание в Риме учебного заведения, где священники из разных епископий могли бы повысить качество знаний в области канонического права, философии, искусства и т.д. Выпускники указанного заведения получили бы соответствующую подготовку для работы в университете Загреба. В университетской среде их деятельность не должна ограничиваться религиозной сферой, но охватывать все злободневные вопросы как общественной, так и частной жизни, их проповеди должны привлекать не только молодежь, но и преподавателей. Таким образом, в соответствии с четвертым пунктом плана, молодежь следует объединять вокруг христианского знамени и по примеру многих стран — Австрии, Венгрии, Франции и Германии — создавать, начиная с Загребского университета, так называемые христианские католические союзы, призванные «обустроить и всю христианскую обитель». Кроме того, при университете,

по успешному примеру г. Граца, необходимо основать для студентов общежитие, чтобы они находились под надзором и не подвергались бы различным искушениям.

В результате работы первой части первой секции конгресса была принята резолюция, состоящая из нескольких пунктов. Пункт первый утверждал необходимость воспитания мирян католической церкви в Хорватии в направлении рационального знания догматических истин, прав, устройства и истории церкви с целью ее защиты наряду с духовенством и под руководством епископата в общественной жизни. Средствами для реализации принятого решения было избрано назначение в качестве вероучителей в средние школы и гимназии священников с высоким уровнем общего культурного развития и философско-религиозной подготовкой. Второй пункт провозглашал в качестве идейной основы преподавания христианской философии в Загребском университете энциклику Льва XIII «Aeterni Patris». Согласно третьему пункту священникам с ораторскими способностями и глубокими знаниями христианской апологетики, поручалось создать в университете Загреба особую службу проповеди. Четвертый пункт предписывал в хорватском университете создать организацию — католический союз, доступный всем студентам-католикам, в котором они могли бы совершенствовать знания христианских начал, творить дела милосердия и принимать участие в общецерковных торжествах или событиях. Согласно пятому пункту в университете создавалось общежитие как воспитательное учреждение для университетской молодежи.

Вторая часть первой секции конгресса была посвящена благотворительным обществам, при этом явно выявилось стремление большинства высшей иерархии формально «отчитаться об успехах» в этой сфере и отодвинуть социальный вопрос на задний план, отдав приоритет вопросам общественно-политического значения. В ходе развернувшейся дискуссии священник В. Бек выделил основные недостатки в предпринимавшихся римско-католической церковью методах оказания помощи неимущим: деятельность значительной части благотворительных организаций не приносит ожидаемого результата, поскольку «каждый видит, что сам способ помощи далек от положительных характеристик, обездоленные сироты должны голы и босы ждать наступления установленных чисел. Если же несчастным что-то и перепадает, то вручается со всевозможной торжественностью, об этом кричат всюду и во все горло, чтобы все увидели, какое добро сделали добродетели! Однако тот, кто творит истинные дела милосердия, молчит об этом, стараясь, чтобы никто об этом не узнал, чтобы “левая рука не знала, что делает правая”». Кроме того, средства для благотворительности используются разные, в том числе милосердие зачастую является аргументом в конкурентной борьбе, т.е. выгоду получают совсем не нуждающиеся люди, а предприниматели и торговцы». Таким образом, заключил Бек, настало время повернуть благотворительную деятельность орденов «на путь истинного милосердия, а не превращать ее в американскую рекламу» [7. S. 50–51].

Однако в итоге по поводу благотворительных обществ была принята резолюция с довольно размытыми формулировками, смысл которой сводился к пожеланиям развивать религиозную жизнь общества в соответствии с христианской моралью, поддерживать деятельность католических орденов, конгрегаций и благотворительных обществ.

В этой же секции было принято чрезвычайно важное практическое решение: вернуть на хорватские земли Орден иезуитов.

Заседания второй секции были посвящены теме «Отношение государства к церкви» и проходили под председательством А. Ягачича. Брештински предложил отождествить церковь и государство. Применительно к Хорватии и Славонии суть проблемы, по его мнению, заключается в том, что католики составляют подавляющее большинство хорватского народа, и они в прямом смысле принадлежат к разным системам — к церкви и государству. Для будущей деятельности хорватов-католиков между ними необходимо установить идентичность. Брештинский утверждал, что государство по определению не может быть независимым ни от закона Божьего, ни от догматов римско-католической церкви, о чем прямо указывается в энциклике Льва XIII от 1 ноября 1885 г. «О христианском государстве», отмечающей, что Божий промысел предоставил власть над миром не одному установлению (государству), а разделил ее между государством и церковью. Церковь, указывал Брештинский, не выказывает никакого особенно предпочтения какой-либо форме государственного устройства, признает государственный суверенитет и независимость, однако цель и источник государственной власти заключается в Боге, в Божественных установлениях, в предписаниях Иисуса Христа, св. Петра и его наследниках — епископате. Главное отличие церкви от государства заключается в ее универсальном характере, она была создана для всех народов и всех государств безотносительно географических границ и временных ограничений [7. S. 66–69].

Наиболее важными сферами интереса церкви в государстве Брештинский определил «брак, школу и историю» (исторические связи между государством и церковью) и предложил три средства закрепления церковных позиций в этих сферах. Во-первых, заключение конкордата с государством. При этом в случае нарушения его положений со стороны государства церковь может полагаться только на помощь верующих, которым «следует придерживаться не государственных, а церковных предписаний». Брештинский ссылаясь на энциклику Папы «О свободе человека» от 20 июня 1888 г., призывающей «подчиняться не людям, а Богу». Согласно директивам Папы, сопротивление неприемлемым для католиков государственным мерам должно проходить исключительно в пассивной форме. Однако Брештинский утверждал, что обязанности католиков не должны ограничиваться пассивным созерцанием, у них в наличии имеется «целое поле для активных действий», включающее законные, конституционные средства для изменения законоположений, противоречащих церкви», а также гражданские права. Активное сопротивление антидогматическим актам, по представлению Брештинского, должно принести ощутимую выгоду не только церкви, но и «нашему отечеству» [7. S. 74, 80].

Впрочем, неоднократно высказанное Римским папой неодобрение активного сопротивления государственным установлениям представляется не более чем политкорректным реверансом, поскольку в энциклике «Об обязанностях» сам понтифик недвусмысленно заявил, что «церковь не может оказывать поддержку и защищать тех, кто не признает за ней прав, кто является ее противником, кто стремится к отчуждению религиозных и гражданских интересов, неразделимых по своей сути [...] отступление перед врагом, бездействие там, где вопиет жестокий глас против истины — трусость» [7. S. 81].

Во-вторых, интересна трактовка Брештинским понятия национальности — «оно обширнее государства, одна национальность может населять несколько государств при сохранении культурного единства» — это явная апелляция к идеям иллиризма, правашей и клерикальных групп о том, что исконно хорватскими землями являются Далмация, Босния и Герцеговина, Истрия. Однако при этом,

подчеркивал Брештинский, отдаление католического народа от Св. Престола является неприемлемым. Старокатолицизм и иные национальные церкви, отрезанные от папского престола «не имеют шансов на выживание», — говорил Брештинский, подкрепляя свой тезис цитатами русских философов — Соловьева, утверждавшего, что «все национальные церкви — ничто иное, как государственные церкви, лишенные какой-либо свободы», и Аксакова, указавшего на «отречение церкви, составляющей часть одного государства, от своей миссии [...] и не имеющей вследствие этого никаких оснований для своего существования».

В-третьих, отделение церкви от государства, распространившееся в Новое время, недопустимо, и оно вызвало решительный протест Св. Престола, поскольку оно «не предоставляет церкви никаких дополнительных возможностей, а лишь душит уже существующие» [7. S. 75–76].

В принятой по данной проблеме итоговой резолюции наиболее важными являются положения о том, что государство и церковь в своей сфере компетенции являются суверенными и независимыми друг от друга; государство и церковь должны достигать своих целей согласованной деятельностью и взаимной поддержкой; ради достижения согласия по всем недогматическим вопросам им следует заключать договоры и конкордаты; государство обязано обеспечивать применение церковного права и других обязательств, накладываемых церковью на государство по конкордату или иному законодательному акту. Последний (седьмой) пункт резолюции, что представляется особенно важным, предписывал католикам исполнять гражданские права и обязанности согласно церковному закону, но в случае противоречия государственных постановлений под руководством епископата им следовало использовать все морально законные средства с целью упразднения законов, противоречащих церковным [7. S. 97–98].

В рамках борьбы за права церкви на территориях с достаточно развитой системой политических партий выраженного христианского характера не рекомендовалось создавать отдельные католические партии с четкими политическими программами, поскольку они могут расколоть и ослабить ряды католиков и воспрепятствовать доступу в свои ряды католикам, имеющим иные политические взгляды.

Резолюции по вопросу католической печати указывали хорватам-католикам как преданным сынам католической церкви, на протяжении веков бесстрашно защищавших свою святую веру, европейское воспитание и свободу, не читать и не поддерживать антирелигиозные издания, но, напротив, поддерживать и распространять патриотические издания, пронизанные католическим духом. Католическим журналистам и публицистам, в соответствии с энцикликой Св. Престола «*Pergrata nobis*» от 14 сентября 1886 г., рекомендовалось писать умеренно и рассудительно, дух сочинений должен «быть един с позицией церковной иерархии», т.е. следовать в одном направлении с церковными прелатами в защите религиозных начал. Особенно подчеркивалась необходимость уважения к епископату как божественному установлению, любая критика служителей церкви должна трактоваться как нападки на саму церковь. Представителей интеллигенции участники конгресса призвали бок о бок со священниками и учителями участвовать в общенародной защите идеалов римско-католической веры с целью воспитания поколений на истинно католических и патриотических хорватских принципах [7. S. 126–127].

Работа третьей секции, председателем которой являлся Матия Оршич, была посвящена социальному вопросу. Докладчиком выступил Юрай Врбанич. Главным тезисом его доклада стала идея о необходимости реформирования

общества, построенного и функционирующего не на христианских принципах. Единственным образом построения общественных отношений является христианская обитель. Любые реформы, выходящие за рамки обители, не касающиеся вопроса ее обустройства, являются излишними. Единственной важной задачей, таким образом, является создание фундамента общества — христианской обители, заложенного в строгом соответствии с религиозными и моральными нормами. И к реформированию собственно общественно-политической системы можно приступать лишь после ее выполнения, главной же задачей является укрепление фундамента государства — среднего сословия, а не рабочих, поскольку конкретные социальные условия хорватского народа не позволяют говорить о значительной доле пролетариата в его среде. Под средним сословием докладчик понимал ремесленников и крестьян. Первые в связи с наступлением крупного интернационального капитала и ростом торгового оборота оказались в неблагоприятной ситуации, помощи извне ожидать не следует, поддержку ремесленникам может оказать хорватская интеллигенция, единство, солидарность, взаимопомощь и взаимовыручка.

В развернувшейся дискуссии депутат Г. Тушкан отметил, что выручить из беды крестьян при помощи предложенных в резолюции мер невозможно, поскольку на протяжении столетий католическое духовенство и так трудилось на основе указанных благородных принципов. Тушкан отметил общую апатию, наступившую в католическом мире и неспособность предложить действенные меры.

Авторитетный священник Ф. Иванишевич выделил основные препятствия для развития благосостояния хорватских земледельцев: общее негативное отношение в хорватском обществе к сословию землепашцев как к наименее значимому, «отсутствие внимания к слабому голосу сельских тружеников, умоляющему о помощи в их нуждах и заботах», практически непреодолимые барьеры в получении кредитов, отсутствие средств для рационализации хозяйствования, плохо развитое транспортное сообщение и т.п. Он отметил, что, согласно статистическим данным, $\frac{5}{8}$ хорватского общества составляют крестьяне, следовательно, самым «горячим» на данном этапе для хорватов является не рабочий, а аграрный вопрос. Картина, нарисованная Иванишевичем, отражала тяжелые условия борьбы за существование хорватских крестьян. В частности, он отметил бесполезность взывания к чувству христианского милосердия богатых, владельцев значительных земельных угодий, которые, за редким исключением, стремятся не облегчить жизнь крестьян, но, напротив, всеми правдами и неправдами отнять у них последнее имущество, прежде всего землю. Для этого богачи использовали различные средства, в том числе предоставление займов под высочайшие проценты и на очень короткий срок. В этом случае неурожай или любое стихийное бедствие приводило к продаже с молотка земли крестьянина в счет погашения долга. Патриотично настроенный католический священник, указывал Иванишевич, не может равнодушно наблюдать за подобными случаями бессмысленного и неоправданного «сдирания трех шкур» с плеч несчастных землепашцев. Выходом из порочной системы отношений, по его мнению, является пример организации крестьянских сберегательных касс и касс взаимопомощи в Германии, Бельгии, Франции, Италии и даже в различных частях Австрийской империи — Чехии, Тироле, Истрии, Каринтии и Крайне. В этих объединениях исключена спекуляция, их управитель платы за свою работу не получает, никаких дивидендов не извлекается, поскольку средства предоставляются исключительно для бытовых и хозяйственных нужд. В состав членов подобных экономических содружеств закрыт доступ тем, кто ведет безнравственный образ жизни:

мотам, пьяницам, игрокам, лентяям и т.п., за строгим соответствием членов задруг христианским нравственным принципам должны следить приходские священники. Проблема хорватских крестьян и их пастырей, по мнению Иванишевича, заключается в разрозненности и отсутствии единого долгосрочного плана действий, в оторванности центров хорватской национальной жизни — городов, где сконцентрирована интеллектуальная и финансовая элита, от основной массы населения.

Иванишевич был одним из немногих, кто критиковал устроителей конгресса за стремление «сшить великую Хорватию на основе великих программ», при этом совершенно выпуская из вида самую большую часть населения — крестьян. В результате «пропадают целые села, одно за другим», земледельцы разоряются, они вынуждены искать лучшей доли в чужих краях, «на их место приходят иностранцы, скупают собственность, поселяются на хорватских землях и уничтожают хорватский дух и католическую веру». Основание под руководством священников нескольких сотен задруг, работа духовенства в школах с целью развития и укрепления среди населения христианского духа позволит, по убеждению Иванишевича, во главе с римско-католической иерархией создать «великую организованную армию хорватских крестьян», обороняющих и сохраняющих католическую веру и хорватское отечество [7. S. 147, 155].

Иванишевича поддержал священник И. Бабич и отметил, во-первых, крайнее обнищание крестьян «в каменистой Герцеговине, скалистой Боснии и Истрии» и невозможность получения ими за свой урожай сколько-нибудь значительных средств. Во-вторых, он предложил с целью сбора и сохранения финансов созданных сотен задруг основать общенациональный центральный комитет с местными филиалами, во главе которого должно поставить верховную управу.

Тем не менее в ходе обсуждения социального вопроса среди участников конгресса выделились две неравные группы. Среди первой и наиболее многочисленной четко выявилось стремление в оценке сложившейся системы общественных отношений избегать острых и актуальных проблем, ограничиваясь весьма умеренными общими замечаниями, не прозвучало и намек на необходимость увеличения заработной платы, кардинального изменения положения рабочих и их взаимоотношений с работодателями, радикального пересмотра отношения к рабочим и крестьянам. Мнение второй группы — сторонников более глубокого и конкретного подхода к решению назревших проблем услышано практически не было.

Резолюции по самому насущному социальному вопросу напоминали печальную формулу «разговоров в пользу голодающих»: в них рекомендовалось улучшать гигиенические и материальные жилищные условия рабочих, не допускать превышения рабочего времени «свыше сил рабочих», ограничить, а в перспективе и вообще запретить труд детей, а из «здравоохранительных» и моральных соображений — и труд женщин [7. S. 164–165]. Таким образом, на конгрессе выявилось несоответствие между уровнем поставленных задач (борьба «по всей линии фронта» с наступающим капитализмом в социально-экономической области и либерализмом в сфере идеологии) и способами их реализации (не изменяя существующего положения вещей укрепить традиционными средствами влияние римско-католической церкви и принципы католицизма в общественном сознании). В итоге участвующий в дискуссии д-р Неуманн констатировал, что ни один пункт ни одной резолюции не является радикальным [7. S. 145–153].

На заседании первой секции второго дня работы конгресса главным событием стал доклад Боснийского архиепископа Штадлера, встреченного бурными

и продолжительными аплодисментами публики. Он содержал два основных постулата: необходимость защиты веры и дома. В обосновании своей позиции Штадлер, во-первых, отметил преемственность задач — современные хорваты-католики являются наследниками «старой Хорватии, в которой предки хорватов, каждый с беспримерной жертвенностью, отважно и бесстрашно лицом к лицу встречали захватчиков, и в той борьбе их вера в Бога и в свою правоту лишь укреплялась и закалялась». Штадлер утверждал: «Наша обязанность — сохранить для потомков святыни отечества и веры, с тем чтобы Хорватия, которую среди остальных народов всегда отличала любовь к отечеству и вере, и далее оставалась таковой [...] Мы — хорваты и католики, хотим и будем ими [...] Сейчас, на этой встрече, мы перед всем миром заявляем: мы — хорваты, мы — (как бы не хотелось некоторым это у нас отнять) католики. Мы и то, и другое. Сейчас наша задача — поставить свои права и свои обязанности на твердые, ясные основы [...] Мы, хорваты и католики, хотим и останемся таковыми [...] вместе с нашим первым хорватским католическим конгрессом. Он будет истинным очагом, к которому мы, слабые и немощные, припадем и принесем огонь в наши дома, передадим его и другим — ослабевшим в вере [...] Мы станем прежними хорватами, борющимися за свой дом и веру» [7. S. 211–218]. Таким образом, одним из главных постановлений Первого хорватского католического конгресса стало принятие формулы «хорваты — католики».

Относительно конкретных национальных целей Штадлер провозгласил «Да здравствует боснийская Хорватия!». Брештинский указал, что хорватское отечество является даром Божиим, что доказывается его исключительной природой — «от истринского морского побережья до Боки, от словенских Альп до Савы, где Дунай вливается в скалистые боснийские пейзажи», следовательно, «хорватские земли следует объединить, и этот процесс уже начался в направлении, указанном боснийским архиепископом» [7. S. 337]. Кулмер подчеркнул, что будущее всех хорватов от Моравы до Триглава только в католической вере, только так возможно осуществление национальных хорватских идеалов [7. S. 399].

К. Кватерник, выступивший с докладом «О благотворительных обществах», подчеркнул, что народ, проникнутый католическим духом, неотъемлемо стоит на позиции «Брат мне тот, кто по вере брат». При этом нельзя допустить, чтобы эта заповедь «ложно и тенденциозно трактовалась», чтобы «любовь к ближнему привела этот народ к индифферентизму и позволила ему стереть со своего чела несмываемую печать знамени святого креста, отстранить распятие по воле тех, кто не видит в этом народе того, что видеть следует: покров толерантности не должен скрывать религиозный индифферентизм, моральное разрушение» [7. S. 241].

Хорватский конгресс поставил вопрос: угрожает или способствует национальным и патриотическим чувствам универсальная католическая церковь? Ответ неожиданно прозвучал как программная установка: «Римская церковь давно признает важность национальности, которая для отдельных народов является даже более широким понятием, нежели родина», «отечество может перестать существовать с ликвидацией государственных границ, в то время как некоторые национальности охватывают собой несколько государств и создают в этом веке свои государства, невзирая на географические границы государств, основываясь на силе своего культурного единства». Столь мудрое и «для отдельных народов благоприятное понимание любви по отношению к своей национальности выразил римский Престол в том числе и организацией и поддержкой религиозных

и культурных учреждений для отдельных народов; освятил понятие национальности хорватов своим дозволением проводить богослужение на старославянском языке». На основании данного посыла был сделан вывод о бессмысленности для хорватов стремиться к созданию независимой национальной или государственной католической церкви и тем более подвергать нападкам «необоримый столп католической церкви – примат св. Петра» [7. S. 306–308].

Таким образом, на Первом общехорватском католическом конгрессе в очередной раз был подтвержден универсальный характер римско-католической церкви для всех народов и государств мира, ее независимость от географических и временных рамок. Хорватский народ был выделен особо, ему был присвоен почетный титул «оплота христианства» («Antemurale Christianitatis»). Формирование духовного облика и идейной жизни хорватских учащихся и студентов римско-католическая церковь стремилась поставить под свой контроль с целью воспитания нового типа хорватской католической интеллигенции. После окончания Загребского конгресса на хорватских землях отмечается возникновение «организованного католицизма». По итальянской, австрийской и германской моделям параллельно друг другу стали развиваться Хорватское католическое движение и Социальный католицизм (позднее оформившийся в так называемую L'Azione Cattolica – Католическую акцию). Опорой в выполнении целей конгресса предстояло стать всем – и духовенству, и мирянам. Таким образом, «церковное войско» вновь, как во времена Тридентского собора, было призвано в бой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V. Istorija Jugoslavije. Beograd, 1972.
2. Kovačić I. Senj u hrvatskom narodnom pokretu godine 1903/4 // Senjski zbornik. Senj, 1993. № 20.
3. Бєрућ Д. Хрватско праваштво и Срби. Нови Сад, 2005. Књ. 1.
4. Perić I. Hrvatska državotvorna misao u XIX i XX. stoljeću. Zagreb, 2002.
5. Trogrljić S. Katolička crkva u Istri pred izazovom nacionalnih, socijalnih i idejnih podjela (kraj 19. i početkom 20. stoljeća) // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 2002. Br. 2.
6. Krišto J. Dalekosežne posljedice netočnog pridijevanja: Je li bio klerikalizma u Hrvata? // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1993. № 25(2–3).
7. Korenić S. Prvi hrvatski katolički sastanak održan u Zagrebu dne 3., 4. i 5. rujna godine 1900. Zagreb, 1900.
8. Архив Српске Академије Наука и Умјетности. Заоштавштина В. Новака. Бр. 14474.
9. Đaković L. Političke organizacije bosanskohercegovačkih katolika. Zagreb, 1985.

© 2017 г. Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ

ВОЗЗВАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА К ПОЛЯКАМ 1 (14) АВГУСТА 1914 ГОДА

Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам стало результатом сложной политической комбинации получить поддержку поляков.

The manifesto of Grand Duke Nicolai Nikolaevich to Poles was a result of a complicated political combination aimed at gaining support by the Poles.

Ключевые слова: Первая мировая война, польский вопрос, неославизм, Германия, Николай II, А.В. Кривошеин, П.Б. Струве, В.А. Сухомлинов.

Keywords: World War I, The Polish question, Neo-Slavism, Germany, Nicholas II, A.V. Krivoshein, P.B. Struve, V.A. Sukhomlinov.

«Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ!» [1. 1914. 2 VIII] — эти слова из воззвания верховного главнокомандующего русскими войсками великого князя Николая Николаевича от 1 августа 1914 г. стали поворотным пунктом в истории Польши, разделенной в начале XX в. между Российской империей, Австро-Венгрией и Германией. Пятью днями ранее надежду на соединение «разорванного на три части польского народа» публично выразил депутат от Келецкой губернии, секретарь Польского коло В. Ф. Яронский [2. С. 92]. Это произошло на заседании Государственной думы 26 июля 1914 г.

Польские историки считают, что Яронский опередил власти Российской империи в постановке польского вопроса, подтолкнув министра иностранных дел С. Д. Сазонова к тому, чтобы подготовить декларацию о будущем Польши, которая была издана в виде воззвания верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича [3. С. 252; 4. С. 230]. Российские исследователи, напротив, игнорируют речь Яронского. Они считают инициаторами акта 1 августа¹ исключительно русских дипломатов и военачальников из окружения верховного главнокомандующего [5. С. 482–485; 6. С. 33; 7. С. 40]. Однако даже если прямой связи между речью польского депутата и воззванием великого князя Николая Николаевича не было, нельзя отрицать ее воздействия на атмосферу, в которой создавался этот документ. Ведь выступление Яронского получило значительный резонанс в российских политических кругах. Во многом это произошло потому, что, как вспоминал один из самых авторитетных польских общественных деятелей того времени Роман Дмовский, речь Яронского,

Селезнев Федор Александрович — д-р ист. наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

¹ В тексте даты, кроме особо оговоренных случаев, даются по старому стилю.

призывавшего к освобождению польских земель, «лишала оружия противников войны, русских германофилов» [4. С. 231].

Здесь Дмовский обозначил проблему раскола российской политической элиты по отношению к войне. Накануне ее одна часть верхов в лице Николая II, министров Н. А. Маклакова и И. Г. Щегловитова стремилась удержать Россию от вовлечения в общеевропейский конфликт. Когда этого сделать не удалось, указанные политики (назовем их условно «голубями») стремились придать войне строго оборонительный характер.

Тон здесь задал сам император опубликованной в газетах речью после молебна в Зимнем дворце 20 июля 1914 г. В ней царь торжественно заявил, что не заключит мира «до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей» [8. 1914. 21 VII]. Иначе говоря, условием окончания войны объявлялась не победа над Германией, а лишь отсутствие ее войск на российской территории. Дипломат Г. Н. Михайловский увидел здесь повтор слов Александра I, сказанных в начале Отечественной войны 1812 г. «о том, что мир не будет заключен пока ни одной пяди русской земли не останется под вражеской властью» [9. С. 58]. Вспомним в этой связи, что в русской исторической памяти оборонительная война 1812 г. четко отделяется от наступательных заграничных походов 1813–1814 гг.

«Ястребы», в отличие от «голубей», наоборот выступали за наступательный характер войны и полагали, что Россия должна вести ее до победного конца в тесном единении с союзниками – Францией и Англией. Однако объяснить обществу смысл наступательной войны против Германии было непросто. Ведь никаких существенных противоречий между двумя странами не было. В этой связи нельзя не привести афоризм из эмигрантских воспоминаний одного из руководителей российского МИД Б. Э. Нольде: «Не цель борьбы с Германией привела к войне с ней, а война заставила искать эту цель» [10. С. 83].

В Совете министров «ястребы» доминировали. Их идеологом и организатором являлся главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин. Близко наблюдавший его тогда А. Н. Яхонтов вспоминал: «После объявления войны нельзя было не заметить в нем крупного душевного переворота: его захватили величие и небывалый масштаб разразившихся событий, и в нем чувствовалось, если так можно выразиться, непрестанное внутреннее горение или особый пафос, отнюдь не напускной, а глубоко искренний». «С этим повышенным настроением, невольно отражавшимся на других, – вспоминал Яхонтов, – он отдавался работе в Совете министров, ища тех решений и выдвигая те лозунги, которые поднимали бы дух в стране и возбуждали бы волю к победе» [11. С. 317].

Лозунг возрождения Польши как раз принадлежал к числу таковых. Если бы «новый царский манифест возвестил целью войны воссоздание Польши, то война из оборонительной превращалась бы в наступательную», – разъяснял в своих воспоминаниях дипломат Г. Н. Михайловский [9. С. 58].

В польском вопросе для Кривошеина имелась и личная составляющая. Он провел детство в Варшаве [12. С. 369]. Его мать, урожденная Яшинская, была полькой. Впрочем, на первом месте для Кривошеина, конечно, находился военно-политический аспект польской проблемы.

С точки зрения «ястребов» лозунг восстановления Польши был привлекателен тем, что делал невозможным компромисс между Россией и Германией, поскольку предусматривал аннексию германских территорий. Достижение этой цели согласно точной формулировке С. Д. Сазонова «было неразрывно связано

с поражением Германии» [13. С. 374]. Причем поражением разгромным. Философ и публицист Е. Н. Трубецкой в этой связи указывал, что если объединение польских земель «в данный исторический момент вообще возможно, оно осуществимо лишь в случае решительной победы держав Тройственного соглашения над Австрией и Германией» [1. 1914. 31 VII]. Понятно, что в другом случае Германия свои польские территории никогда бы не отдала.

И, наоборот, примирение Петербурга и Берлина было возможно только на антипольской основе. Точно также как до войны добрососедские отношения между Россией с одной стороны, Австро-Венгрией и Германией с другой стороны, по словам Е. Н. Трубецкого «существовали и поддерживались за счет славянства и, в особенности, за счет Польши». «Именно соучастие в разделе Польши поддерживало сплочение, — подчеркивал публицист, — совместная борьба против родственного нам славянского народа, вот что служило источником близости между нами». После начала войны ситуация с точки зрения Трубецкого диаметрально изменилась: теперь русские и поляки должны объединиться на антигерманской основе. «Россия, восстанавливающая Польшу, и Польша, как оплот России против германизма, — вот та связь взаимности, которая теперь объединяет два народа», — разъяснял он [1. 1914. 8 VIII].

Следует сказать, что идея русско-польского сближения на почве борьбы с «германизмом» родилась гораздо раньше. Она имела важнейшее значение в генезисе неославизма [14. С. 150, 152–154]. Залогом успеха в борьбе с «германизмом» неослависты называли объединение славянства вокруг России. Но, чтобы оно стало возможным, русским следовало примириться с поляками. «Либеральная польская политика в огромной степени подымет наш престиж в славянском мире», — написал еще в 1908 г. входивший в круг неославистов П. Б. Струве [15. С. 58].

Кроме Струве к неославистам принадлежал ряд видных российских общественных деятелей, включая кадетов, прогрессистов, октябристов и националистов (А. И. Гучков, В. А. Маклаков, Н. Н. Львов, М. М. Ковалевский, И. Н. Ефремов, Н. А. Хомяков, В. А. Бобринский и др.). Именно на основе этого политического спектра в августе 1915 г. возник Прогрессивный блок. Следует сказать, что импульс к его созданию исходил от того же А. В. Кривошеина, который метил в премьеры и хотел иметь в Думе поддерживающее его большинство [16. С. 375]. Планы подобного рода этот влиятельный министр вынашивал, по меньшей мере, с 1913 г., когда публично озвучил свою программу преодоления раскола между «правительством» и «обществом». В начале Первой мировой войны стратегия Кривошеина получила реальные очертания: он, по оценке Ф. А. Гайды, вознамерился «на патриотической волне установить прочные отношения с думским большинством» [17. С. 282, 376].

Польскому вопросу здесь принадлежала особая роль. Именно вокруг его обсуждения Кривошеин начал объединять общественных деятелей и политиков. Важную информацию об этом содержит письмо депутата Государственной думы октябриста А. И. Звегинцева, полученное Кривошеиным 9 августа 1914 г. (оно введено в научный оборот Ф. А. Гайдой). Из него следует, что главноуправляющий землеустройством и земледелием намеревался привлечь к разработке польского вопроса депутатов Государственной думы [17. С. 380].

Но сначала площадкой для обсуждения польской тематики стали неославистские структуры. Из них особой активностью отличалось Общество славянского научного единения. Оно объединяло общественных деятелей прогрессистско-кадетского толка. На его базе образовалась неформальная «Группа ученых

и общественных деятелей прогрессивного направления, интересующихся иностранной политикой и сочувствующих славянам». Она регулярно собиралась с 1912 г., со времен Первой балканской войны. На ее собраниях председательствовали прогрессисты М. М. Ковалевский, И. Н. Ефремов, М. П. Чубинский, член Государственного совета кадет А. В. Васильев.

22 июля 1914 г. «Группа ученых и общественных деятелей ...» провела заседание в доме А. Н. Брянчанинова, издателя неославистского журнала «Новое звено». Там были приняты четыре резолюции, касавшиеся начавшейся войны. Из них одна была посвящена польскому вопросу. Участники собрания, отметив, что «Польше, по условиям театра военных действий, суждено испытать особенно тяжелые последствия», признали необходимым, «чтобы удары, принятые на себя Польшей были оценены по достоинству русским обществом и правительством», а польский вопрос в результате войны был «наконец, разрешен на началах славянского братства и справедливости» [18. С. 1056].

24 июля отчет об этом собрании, вместе с резолюцией по польскому вопросу был опубликован популярной петербургской газетой «Биржевые ведомости» [8. 1914. 24 VII]. Таким образом, к указанной проблеме было привлечено внимание широких кругов общества.

На другой день, 25 июля 1914 г., «Группа ученых и общественных деятелей...» организовала крупное мероприятие, собравшее представителей тех политических сил, которые в 1915 г. объединились в Прогрессивный блок. Это был внепартийный банкет российских общественных деятелей в ресторане Кюба. Число его участников составило около 250 человек. Председательствовал на банкете видный неославист А. И. Введенский. В организационный комитет вошли также руководители Общества славянского научного единения В. М. Бехтерев, В. Д. Плетнев, А. Н. Брянчанинов и секретарь Санкт-Петербургского общества мира Е. П. Семенов. В качестве руководителей и ораторов были приглашены П. Б. Струве, члены Государственного совета Д. А. Олсуфьев, В. И. Гурко, члены Государственной думы А. М. Александров, А. И. Шингарев, В. А. Бобринский, М. В. Челноков, петербургский городской голова И. И. Толстой. Хотя некоторые из приглашенных ораторов, в частности А. И. Шингарев и В. А. Бобринский, не успели приехать в Петербург, состав участников мероприятия оказался весьма представительным [8. 1914. 24 VII].

Польская тематика находилась в числе основных вопросов, обсуждавшихся на банкете. Отношение к полякам на нем было очень теплым. Слова сербского гостя, профессора Косича о том, что «поляки – это наш обиженный брат, которого мы должны посадить среди нас», были встречены криками одобрения. От имени поляков выступал член Государственного совета Чеслав Карпинский. Он подтвердил, что в Польше господствует дух лояльности, а мобилизация в российскую армию прошла без происшествий. Назвав немцев «злейшими врагами» польского народа, Карпинский выразил надежду, что по отношению к полякам «с высоты трона и в Думе» будет сделан широкий жест, достойный русского народа. Участники банкета поддержали резолюцию, внесенную одним из его организаторов – А. Н. Брянчаниновым. Там имелся пункт и о Польше. Было отмечено, что все русские люди объединились в едином патриотическом порыве, но отдельного упоминания заслуживают наличие его у поляков, которые вследствие своего географического положения должны вынести всю тяжесть первого столкновения борющихся армий [3. С. 234].

Предполагалось, что эта резолюция, как выражение настроения «всех словес русского общества», будет передана депутатам Государственной думы,

заседание которой должно было состояться 26 июля [8. 1914. 23 VII, 24 VII]. В тот же день на чрезвычайную сессию собрался и Государственный совет. И в той, и в другой палате от имени своего народа предстояло выступить польским депутатам. Есть все основания думать, что содержание их речей было согласовано между Ч. Карпинским и В. Яронским (секретарями Польского коло соответственно Государственного совета и Государственной думы). Возможно, какие-то советы на сей счет были даны Карпинскому русскими неославистами, когда он был на банкете у Кюба. Иначе трудно объяснить, почему оба выступления польских представителей — А. Мейштовича в Государственном совете и В. Яронского в Государственной думе — были выдержаны в нехарактерном для польских политиков духе неославизма. И Мейштович, и Яронский вспомнили Грюнвальдскую битву, где поляки и русские дали отпор тевтонам, и выразили надежду, что оба народа в борьбе с вековым врагом славянства забудут прежние распри [4. С. 230–231].

Однако в этих речах имелось одно существенное различие. В Государственном совете из уст польского депутата не прозвучало пожелания о воссоединении польских земель. Члены этой палаты в большинстве были настроены враждебно к полякам и незадолго до этого заседания провалили законопроект о введении городского самоуправления в Царстве Польском. Идея возрождения Польши могла встретить у них холодный прием. Зато в Государственной думе призыв Яронского «к соединению разорванного на три части польского народа» вызвал бурные рукоплескания [2. С. 92].

На другой день самая читаемая российская газета — «Новое время» — в общем материале о заседании Государственной думы, очень благожелательно прокомментировала выступление польского представителя [20. 1914. 27 VII]. Более того, 28 июля «Новое время» поместило особую статью «Война и поляки», посвященную вопросам, затронутым в речи Яронского.

Газета полностью одобрила его идею о лишении Германии и Австро-Венгрии их польских владений, радовалась тому, что поляки уразумели, что «место их на стороне тех, кто борется за свободу коренного польского края, кто стремится к освобождению устьей Немана и Вислы, этих главных артерий польской и литовской земель». Намекая на то, что часть поляков желает победы Австро-Венгрии, «Новое время» писало: «Все стремления Польши должны быть направлены теперь не на то, чтобы распространить немецкое владычество на малороссийские и балканские земли, а чтобы, пользуясь историческим моментом столкновения всего германского и славянского миров, освободить четыре миллиона польских братьев, изнуренных под пятой германизма в Познани, чтобы вернуть польской земле те области, где Пяст основал гнездо польской государственности». В заключении автор статьи одобрял выступления польских депутатов Государственной думы и членов Государственного совета и делал вывод о том, что русское общество «по достоинству оценило их», а в русско-польских отношениях наступила «новая эра» [19. 1914. 28 VII].

Следует отметить, что «Новое время» было тесно связано с неославистами. В газете работал видный идеолог неославизма Д. Н. Вергун [15. С. 150]. Председателем совета акционерного общества «Новое время» в 1913 г. был избран неославист А. И. Гучков [20. С. 9]. Имел рычаги воздействия на эту газету и А. В. Кривошеин [21. С. 63].

Скорее всего, как раз Кривошеин, знавший, что царь регулярно читает «Новое время», в преддверие встречи с Николаем II инспирировал появление в номере этой газеты за 28 июля статьи «Война и поляки». Видимо, именно

для императора предназначались имевшиеся в ней слова об освобождении устья Немана. Речь шла об отторжении от Германии Мемельской области с очень важным в стратегическом и экономическом отношении портом Мемель (Клайпеда). Естественно, Мемельская область должна была войти в состав основной части Российской империи, а не автономной Польши, что могло прельстить Николая II и оправдать в его глазах идею наступательной войны против Германии, с захватом части ее территории. Император не мог не обратить внимания и на пассаж о стремлении Австро-Венгрии установить господство над «малороссийскими землями». Николай II очень негативно относился к поощрению официальной Веней украинского сепаратизма, базой которого являлся австрийский Львов. С другой стороны, он сам оказывал личную поддержку «москвофилам» Галичины и Угорской Руси. В этой связи Кривошеин мог увлечь императора идеей присоединить эти австрийские провинции, завершив тем самым собиравшие русские земли и уничтожив очаг «украинофильства».

28 июля Кривошеин встретился с Николаем II [23. С. 48–49]. Как я полагаю, он нарисовал перед монархом захватывающие перспективы объединения под его скипетром польских земель, приобретения Россией устья Немана с прекрасным портом на Балтике и освобождения «подъяремной Руси» — «достояния Владимира Святого и Ярослава Осмомысла». 29 июля Николай II посвятил в эти планы военного министра В. А. Сухомлинова, и тот записал в своем дневнике: «Был с докладом в Петергофе. Настроение государя бодрое, твердое. Предложение о сформировании наместничества Царства Польского, объединив Галицию, Познань». Ниже Сухомлинов добавил: «Предполагавшийся на сегодня отъезд в Москву отложен на воскресенье 3 авг[уста]» [23. С. 24]. Поездка переносилась на пять дней. По справедливому суждению А. Ахматовича, причиной этого могла быть только необходимость подготовки акта по польскому вопросу [3. С. 254].

В историографии, однако, утвердилось мнение о том, что идея манифеста о будущем Польши принадлежала С. Д. Сазонову. С этим нельзя согласиться. Сазонов действительно симпатизировал полякам. По собственному признанию он, со времени службы в Русской миссии при Ватикане поставил правилом «смягчать по мере возможности постоянно повторявшиеся, особенно на религиозной почве трения между русской администрацией и польским населением» [13. С. 372]. В 1914–1916 гг. Сазонов усиленно продвигал проект предоставления объединенной Польше широкой автономии. И, тем не менее, в июле 1914 г. он не мог внушить Николаю II мысль о создании наместничества Царства Польского, включавшего Галицию и Познань. Причина проста: 29 июля император принял Сазонова уже после того как озвучил это намерение в разговоре с Сухомлиновым. Перед этим министр иностранных дел имел доклад у царя только 22 июля, когда польский вопрос еще не встал на повестку дня [22. С. 48–49]. Таким образом, 29 июля, во время приема Сазонова, у императора уже имелось решение об издании манифеста по польскому вопросу. Николай II поручил министру иностранных дел подготовить соответствующий проект. Причастный к его составлению Роман Дмовский недвусмысленно указывал, что это было повеление самого царя [3. С. 254].

Сразу после приема у императора, Сазонов энергично принялся за работу. Он поручил составить проект текста начальнику ближневосточного отдела МИД Г. Н. Трубецкому, поскольку знал, что тот живо интересуется польским вопросом и является сторонником русско-польского примирения.

Трубецкой входил в круг московских либералов-неославилов и проводил в МИДе их внешнеполитическую программу, включавшую и примирение

с поляками. Вскоре после возвращения на дипломатическую службу (он нес ее в 1896—1906 гг. и вновь с 1912 г.) князь составил записку о необходимости изменить российскую политику в Польше в связи с опасностью «возможного возникновения общеевропейской войны в недалеком будущем». Когда война разразилась он, естественно сразу стал думать о реализации своего проекта и, по воспоминаниям дипломата Б. Э. Нольде, «первый поставил во весь рост проблему Польши, как задачу русской политики военного времени». Именно предложения Г. Н. Трубецкого, согласно Нольде, «определили собой политику, выражением которой послужило воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам» [10. С. 229]. Эта оценка прекрасно знавшего кухню МИДа Нольде подтверждает, что не Сазонову, а Трубецкому принадлежала идея акта по польскому вопросу.

Трубецкого поддержали входившие в круг его общения либералы-неославысты. Накануне и в начале войны князь интенсивно контактировал с ними. Есть все основания полагать, что Трубецкой входил в число «нескольких дипломатов», упомянутых газетой «Биржевые ведомости» среди участников экстренного совещания «Группы ученых и общественных деятелей прогрессивного направления, интересующихся иностранной политикой и сочувствующих славянам», которое состоялось в доме Брянчанинова накануне войны [8. 1914. 18 VII].

Особенно близкие отношения сложились у Г. Н. Трубецкого с П. Б. Струве. Об этом в частном письме в сентябре 1914 г. сообщил один из осведомленных представителей оппозиционной общественности (М. М. Карпович) [24. С. 418]. По данным Ричарда Пайпса, Трубецкой в июльские дни 1914 г. организовал частные контакты Струве с высокопоставленными правительственными чиновниками [25. С. 259]. Среди них, возможно, был А. В. Кривошеин. Во всяком случае, в следующем году Струве уже вел с Кривошеиным доверительную переписку [26. С. 42, 50, 56]. Сблизились они, скорее всего, как раз во время совместной разработки комбинации по польскому вопросу, важнейшим элементом которой была публикация в «Новом времени» статьи «Война и поляки».

Причастность к ее написанию Трубецкого, на мой взгляд, косвенно подтверждается тем, что фраза об устье Немана и Вислы, как о необходимых для России приобретениях, есть и в указанной выше публикации «Нового времени», и в письме Г. Н. Трубецкого, относящемся «к первым неделям войны» [10. С. 230].

Таким образом, когда С. Д. Сазонов пригласил Трубецкого на обед, чтобы дать ему указания, касающиеся содержания акта по польскому вопросу, князь был к этому полностью готов. Министр полагал, что в этом акте, который мыслился как царский манифест, следует провозгласить единство польской территории, свободу веры, языка и регионального самоуправления. Сазонов рекомендовал, чтобы в манифесте содержалось положение о том, что первые выстрелы пушек положили конец недавнему прошлому, когда русские и поляки враждовали [3. S. 254].

Обо всем этом рассказано в эмигрантских мемуарах Трубецкого «*Souvenirs diplomatiques sur 1914*» («Дипломатические воспоминания о 1914 году»). Они были опубликованы уже после его ухода из жизни в парижском журнале «*Le Monde Slave*». Этот ценный источник широко использован в книге А. Ахматовича. Следует, однако, указать, что в воспоминаниях Трубецкого при переводе старого календарного стиля в новый, закралась ошибка. Это видно из того, что заседание совета министров, где обсуждался проект возвания, отнесено к 13 августа нового стиля (по старому — 31 июля). Но точно известно, что в этот день правительство не собиралось. Оно

заседало 30 июля [27. С. 27]. Значит обед Сазонова с Трубецким, состоявшийся в день предшествующий заседанию кабинета, имел место 29 июля по юлианскому календарю, а не 30 июля (12 августа), как пишет Ахматович. Соответственно 29, а не 30 июля Г. Н. Трубецкой составлял проект воззвания.

Известно, что он пригласил для участия в этой работе П. Б. Струве, Н. Н. Львова и С. А. Котляревского [3. С. 254]. Вопрос о том, зачем Трубецкому понадобилась их помощь, следует рассмотреть особо. Ведь, будучи публицистом высокого уровня и прекрасно разбираясь в теме, он сам мог легко сочинить несколько предложений воззвания. Тем не менее, несмотря на спешность порученной Сазоновым работы, Трубецкой счел необходимым потратить время на эту беседу. Указанный факт можно объяснить тем, что встречи Г. Н. Трубецкого с П. Б. Струве, а возможно и с видным неослави́стом Н. Н. Львовым в эти дни были регулярными. Не исключено, что они ежедневно собирались для обмена мнениями. Их роль в составлении акта по польскому вопросу нашла отражение в уже цитированном письме М. М. Карповича, доверительно сообщившего своему корреспонденту, что «воззвание Главнокомандующего к полякам было написано Струве и Н. Н. Львовым» [24. С. 418].

Таким образом, можно очертить круг основных разработчиков политической комбинации, результатом которой стало издание воззвания великого князя Николаевича к полякам. Это А. В. Кривошеин, Г. Н. Трубецкой, П. Б. Струве, Н. Н. Львов. Ее успех зависел от ряда факторов. В том числе от приема воззвания в польской среде. Чтобы оно получило благоприятный отклик, необходимо было согласовать его основные положения с представителями польской элиты. Поэтому Н. Н. Львов привел на встречу с Трубецким, Струве и Котляревским Романа Дмовского, лидера Национально-демократической партии, который в тот день приехал в Петроград. Дмовский ознакомился с текстом и одобрил его.

В тот же вечер Трубецкой показал подготовленный проект Сазонову. Тот дал высокую оценку документу, сказав: «Это именно то, что нужно» [3. С. 254]. Дмовскому, который пришел вместе с Трубецким, российский министр иностранных дел предложил вместе с чиновниками МИДа начертить будущую западную границу Польши [3. С. 256].

Однако Дмовский был не совсем удачной фигурой для того, чтобы служить олицетворением польского общественного мнения: двумя годами ранее он не был поддержан польскими избирателями на выборах в IV Государственную думу. С другой стороны репутация Дмовского, который во время русско-японской войны вел переговоры с эсерами и посетил Токио, могла в устах консервативного министра внутренних дел Н. А. Маклакова послужить аргументом против издания акта по польскому вопросу. Для успеха проекта нужно было привлечь другого польского политика — более авторитетного среди соотечественников и благонадежного в глазах российских властей. В качестве такового был выбран председатель Польского коло Государственного совета граф С. И. Велепольский. Председатель совета министров И. Л. Горемыкин срочно вызвал его к себе. Предметом беседы стал акт русского правительства по отношению к Польше [28. С. 28].

Подключение премьера Горемыкина к процессу доказывает активную роль А. В. Кривошеина. По весомому мнению С. В. Куликова, Кривошеин в это время являлся подлинным руководителем кабинета, «фактическим премьером» [29. С. 43]. Номинальный глава правительства — И. Л. Горемыкин — неизменно с ним соглашался и, по сути, являлся его орудием. Вот и в данном случае,

поскольку самому Кривошеину по его должности встречаться с Велепольским было не с руки, за него это сделал премьер.

Взаимодействие Горемыкина и Кривошеина хорошо показал А. Н. Яхонтов («Находясь в постоянном дружеском общении, они обычно заранее сговаривались по крупным вопросам и в заседании Совета министров действовали рука об руку») [11. С. 319]. Так произошло и при обсуждении польского вопроса на заседании правительства 30 июля 1914 г.

Текст манифеста к полякам, составленный Трубецким, Струве, Львовым и Котляревским, представил Совету министров С. Д. Сазонов. Это стало полной неожиданностью для членов Совета и вызвало настоящую бурю. Сазонова упрекали в том, что он не ознакомил с текстом коллег, утверждали, что этот документ может вызвать у поляков нереальные надежды. Особенно резко выступал министр внутренних дел Н. А. Маклаков. Его поддержали министр юстиции И. Г. Щегловитов и министр народного просвещения Л. А. Кассо. Важным аргументом стало то, что русский император не должен издавать манифест, обращенный к полякам Познани и Галиции, потому, что они являются подданными другого государства. Дело спас Горемыкин, предложивший, чтобы документ вышел за подписью верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича [3. С. 256–257].

Эта реконструкция хода заседания Совета министров, сделанная А. Ахматовичем на основе воспоминаний Г. Н. Трубецкого, подтверждается скупыми строками А. Н. Яхонтова, кратко записавшего основное содержание прений 30 июля [27. С. 25]. Польский вопрос шел по порядку седьмым. Первым в этом пункте у Яхонтова стоит слово «подпись» – так он зафиксировал полемику по вопросу о том, чье имя следует поставить под обращенным к полякам документом. Далее излагается похвала полякам за отсутствие «случайностей и протестов» в ходе мобилизации, переданная варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского военного округа Я. Г. Жилинским. Скорее всего, ее озвучил военный министр В. А. Сухомлинов, поскольку примерно те же слова он произнес на заседании 1 августа.

Затем идет резюмирующая часть, в которой подведены итоги дискуссии. Она состоит из двух пунктов. Первый начинается так: «Воззвание – соединить разрозненных поляков». Здесь, во-первых, зафиксировано, что обращение к полякам будет иметь форму воззвания, т.е. акта, который монарху подписывать не подобало. Во-вторых, изложена главная идея этого документа – провозглашение в качестве одной из целей войны воссоединение польских земель. Ее следовало сохранить при переделке представленного Сазоновым проекта. Изменения в текст документа поручили внести В. А. Сухомлинову. Об этом у Яхонтова написано так: «Редакция в[оенного] м[инистра] по согласованию с м[инистром] и[ностранных] д[ел]».

В этом же пункте зафиксировано решение обратиться с особым воззванием к «русским Галиции». Оно было опубликовано 5 августа 1914 г. Как уже говорилось, идея его издания, вероятно, была подана А. В. Кривошеиным Николаю II во время их встречи 28 июля. Это воззвание дополняло обращение к полякам и работало на достижение той же цели: официальное провозглашение войны «освободительной» (т.е. наступательной). Но если воззвание к полякам носило преимущественно антигерманский характер, то обращение к «русским Галиции» – антиавстрийский. Именно такое понимание отразилось в дневниковой записи В. А. Сухомлинова от 30 июля («Одобрено составление прокламаций для Германии и Австрии») [23. С. 24].

Второй пункт резюме прений предусматривал направление телеграммы варшавскому генерал-губернатору Я. Г. Жилинскому с выражением благоволения полякам за их лояльность при мобилизации.

Редактировать текст воззвания Сухомлинову помогал Кривошеин. (Именно он, согласно Яхонтову, обычно «находил проникновенные слова и торжественные фразы для манифестов и прочих актов того времени, большинство которых не миновало его редакторского пера» [11. С. 319].) Черновик обращения к полякам, написанный рукой Кривошеина, находится в фонде Романовых Отдела рукописей Российской национальной библиотеки [30. Л. 6]².

Об участии Кривошеина в редактировании названного документа свидетельствовал также Н. Н. Янушкевич. Этот генерал накануне войны занимал должность начальника Главного управления Генерального штаба, а после ее начала стал начальником Штаба верховного главнокомандующего. Таким образом, он в это время был ближайшим советником великого князя Николая Николаевича. Ниже приводится отрывок из показаний Янушкевича Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

«После объявления войны и до выезда на ставку, точно день не помню, ко мне в г. Петрограде позвонил б[ывший] военный министр генерал Сухомлинов и предложил мне выслушать текст акта к польскому народу, только что заслушанного и одобренного Советом министров. Это оказалось воззвание великого князя к польскому народу политического характера. Генерал Сухомлинов просил меня немедленно на память протелефонировать текст этого акта верховному главнокомандующему, испросив его одобрения и согласия на подписание этого воззвания. Вместе с тем генерал Сухомлинов предупредил меня, что идея воззвания высочайше одобрена и просил довести об этом до сведения великого князя, указав, что в редактировании этого документа участвовали Сергей Дмитриевич Сазонов и Александр Васильевич Кривошеин». Сухомлинов добавил, что «если великий князь согласен в принципе на это воззвание, то текст его будет окончательно установлен Советом министров или же некоторыми избранными им лицами». Янушкевич немедленно связался по телефону с великим князем Николаем Николаевичем, который находился в своем имении Знаменка под Петергофом. Великий князь одобрил идею воззвания и сказал, что раз воззвание высочайше одобрено, то он, конечно, «исполнит высочайшую волю» [32. С. 140].

После этого Сухомлинов подключил Н. Н. Янушкевича (они были друзьями) к завершающему этапу подготовки воззвания. О важной роли Янушкевича в этом процессе свидетельствует обнаруженное А. Ю. Бахтуриной в Архиве внешней политики Российской империи письмо за подписью военного министра Сухомлинова, где говорилось о том, что «к 31 июля 1914 г. С. Д. Сазоновым, Н. Н. Янушкевичем и Сухомлиновым был разработан текст воззвания к полякам и представлен императору». Причем на письме имеется официальная помета о том, что Николай II «изволил читать» упомянутый документ. Кроме того, А. Ю. Бахтурина цитирует телеграмму Янушкевича Сазонову из Ставки 2 августа 1914 г. о том, что Николай Николаевич «ознакомился с текстом *нашего обращения* (курсив Бахтуриной. — Ф.С.) к польскому народу» [6. С. 28].

Предполагалось, что воззвание будет опубликовано на русском и польском языках. Для этого его нужно было перевести. По просьбе Сазонова это сделал С. И. Велепольский [28. С. 28].

² Автор приносит искреннюю благодарность Ф. А. Гайде, сообщившему ему об этом документе.

Между тем оппоненты Кривошеина и Сазонова сделали попытку сорвать публикацию этого документа. 30 июля Николай II имел разговор с министром юстиции И. Г. Щегловитовым [22. С. 50]. После беседы с ним император, видимо, решил не спешить с публикацией воззвания к полякам. Еще более должен был укрепить Николая II в этой мысли министр внутренних дел Н. А. Маклаков, принятый императором 31 июля [22. С. 50]. Председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, посетивший царя в тот же день, но позднее, надо думать, действовал в противоположном направлении. (Глава кабинета, по свидетельству М. В. Родзянко, «энергично стоял за поляков и за проведение во всей силе воззвания великого князя» [28. С. 121].)

Сазонов, похоже, не знал о развернувшейся борьбе. 31 июля он уверенно говорил французскому послу М. Палеологу о том, что император «решил восстановить Польшу и дать ей широкую автономию», и его намерения будут в скором времени обнародованы великим князем Николаем Николаевичем. Сазонов рассказал послу о намерении «сегодня вечером» послать проект Манифеста великому князю [33. С. 77].

Трудно сказать, осуществил ли министр иностранных дел это намерение. Если верить воспоминаниям Ю. Н. Данилова, генерала-квартирмейстера при верховном главнокомандующем, Николай Николаевич не только видел проект Сазонова до отъезда в Ставку, но и подписал его. Однако затем Николай II будто бы «выразил мысль, не следует ли данному воззванию, для большей его значительности, придать форму Манифеста от высочайшего имени». В результате дело затянулось и, не дождавшись окончательного решения императора, великий князь уехал в Ставку [33. С. 213]. (Это произошло в одиннадцать вечера. Поезд Николая Николаевича отправился от станции Новый Петергоф.)

К фактической стороне воспоминаний Данилова возникает много вопросов, однако в них, несомненно, нашла верное отражение нервная атмосфера, в которой находились великий князь и военные из его окружения 31 июля, ожидая решения царя.

Франция, ощутившая в это время мощный удар германской армии, настойчиво требовала от русского союзника отвлечь немцев, начав наступление на Восточном фронте. Николай Николаевич был намерен откликнуться на этот призыв, несмотря на то что мобилизация российской армии еще не завершилась. 31 июля он известил французов о том, что на следующее утро начинает наступление [34. С. 92].

Однако эта операция была не подготовлена. Ее исход во многом зависел от позиции польского населения, жившего в районе театра военных действий. Поэтому перед военными стояла насущная задача — сохранить лояльность поляков в прифронтовой полосе. Именно это, по мнению А. Ю. Бахтуриной, определяло логику великого князя Николая Николаевича, начальника его штаба Янушкевича и военного министра В. А. Сухомлинова [6. С. 33–34].

Польскую карту разыгрывали и Германия с Австро-Венгрией. 27 июля вышла совместная прокламация командования их восточных армий, призывавшая жителей российской части Польши к вооруженному восстанию и обещавшая им «освобождение от московского ига» [4. С. 231]. В распоряжении австрийцев уже имелись польские вооруженные части — «стрельцы» Юзефа Пилсудского. Тот еще 24 июля объявил о том, что в Варшаве образовалось национальное правительство, которое назначило его начальником польских вооруженных сил.

29 июля 1914 г. Пилсудский занял Кельцы, губернский центр на западной границе русской Польши (там не было постоянного гарнизона), и начал пропаганду

восстановления Польши под скипетром Франца Иосифа [34. С. 94]. Оставлять этот город в руках Пилсудского было нельзя, как и провоцировать враждебное отношение к русской армии местных поляков. Поэтому 30–31 июля руководство российских вооруженных сил всячески торопило царя с публикацией воззвания к полякам. Особо следует отметить энергичные действия В. А. Сухомлинова. На второй день после публикации этого документа он с гордостью сообщил своему знакомому генералу-поляку А. Ф. Бабянскому (тот, находясь уже в отставке, издавал польскую газету «Dziennik Petersburski»), что «лично повлиял на императора» [3. С. 253].

На случай, если бы убедить царя не удалось, Сухомлинов и Янушкевич подготовили запасной вариант: обращение от имени Николая Николаевича к русским войскам о необходимости доброжелательного отношения к полякам. Судя по заголовку, его составил Н. Н. Янушкевич, формально еще возглавлявший главное управление Генерального штаба. Вот текст этого документа: «От главного управления Генерального штаба. Августейший верховный главнокомандующий повелел поставить в известность всех чинов действующей армии и население, что Россия воюет по вызову общего врага всего славянства. Поляки как на русской территории, так и в пределах Германии и Австро-Венгрии, доказавшие свою лояльность, будут находиться под особым покровительством нашей армии в смысле обеспечения их личной и имущественной безопасности от всяких насилий. Всякие нарушения личных и имущественных прав поляков, не уличенных во враждебных России действиях, будут караться по всей строгости закона военного времени» [19. 1914. 2 VIII].

Хотя формально обращение адресовалось военным служащим российской армии, в большей степени оно было рассчитано на поляков. Не случайно его спешно, еще до публикации, перевели на польский язык. Перевод был осуществлен в редакции «Dziennik Petersburski». Его редактору, А. Ф. Бабянскому, русский текст 31 июля привез адъютант военного министра Сухомлинов. Хотя сам Бабянский в свидетельских показаниях перед Варшавским судом на процессе «Ледницкий против Василевского» назвал этот документ воззванием великого князя Николая Николаевича к полякам, из контекста ясно, что речь идет о названном выше обращении к чинам русской армии [3. С. 259].

В Варшаве вечерние газеты напечатали его уже 1 августа. В России оно было опубликовано 2 августа вместе с Воззванием верховного главнокомандующего к полякам.

Решение о публикации в газетах Воззвания великого князя Николая Николаевича было принято на заседании Совета министров 1 августа по докладу Сухомлинова. В унисон с военным министром выступали Кривошеин, считавший, что из ситуации необходимо «извлечь максимум выгод», и Сазонов, успокаивавший противников воззвания тем, что объединенная Польша не станет суверенным государством, а польский язык будет использоваться «только на местах». Однако оппоненты Сухомлинова, Кривошеина и Сазонова были недовольны. Щегловитов боялся «горьких плодов». Маклаков предсказывал, что расхлебывать последствия придется МВД, и говорил, что нельзя такие вопросы решать без Совета министров [27. С. 29].

На эту фразу министра внутренних дел следует обратить пристальное внимание. Без Совета министров вопрос о немедленной публикации воззвания, еще не подписанного номинальным автором — великим князем Николаем Николаевичем — мог решить только царь. Когда и под чьим влиянием он это сделал?

31 июля Николай II еще был склонен не торопиться с изданием воззвания, и Николай Николаевич уехал, так и не подписав этот документ. На другой день (1 августа) в 11 ч. утра у императора были великий князь Сергей Михайлович, затем Барк, Саблер и Рухлов, незаинтересованные в польском вопросе. После завтрака Николай II принял В. А. Бобринского. Этому визиту в скупом на подробности дневнике царь уделил больше места, чем обычно, указав, что это тот Владимир Бобринский, который «поступил из Гос. думы в Гусарский полк и будет состоять в штабе 8-го корпуса у Радко Дмитриева» [22. С. 50].

Бобринский ранее присутствовал на состоявшемся 31 июля 130 славянском обеде, где активно обсуждался польский вопрос. Секретарь Польского кола Государственного совета Ч. Карпинский заявил там, что поляки «будут биться до последней капли крови, до подписания мира в Берлине» [1. 1914. 1 VIII]. Принятая участниками резолюция гласила: «Должны быть устранены печальные недоразумения, которые мешали установиться братским отношениям между русскими и поляками, и, отобранные от Германии и Австрии коренные польские провинции вместе с Привислинским краем и устьем Вислы должны составить единый политический организм, неразрывно связанный с Россией» [18. С. 1058–1059]. Резолюция также требовала переименовать Петербург в Петроград [19. 1914. 1 VIII].

Несомненно, Бобринский с присущим ему темпераментом передал все подробности Николаю II, который относился к этому политику с симпатией и доверием. (Царь поддерживал деятельность руководимого В. А. Бобринским Галицко-русского общества.) В итоге император принял решение и о переименовании столицы, и о публикации воззвания к полякам, о чем было доведено до сведения министров через В. А. Сухомлинова.

2 августа 1914 г. все основные русские газеты от «Речи» до «Земщины» опубликовали это воззвание. «Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, — говорилось от имени верховного главнокомандующего, — но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресенья польского народа, братского примирения его с великой Россией». Суть воззвания содержалась в его заключительной части: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении» [35. 1914. 2 VIII].

Еще раз подчеркну: на момент публикации воззвание все еще не было подписано Николаем Николаевичем. Только 2 августа Сухомлинов направил его русский и польский текст в Ставку. В сопроводительной записке на имя Янушкевича говорилось: «Дорогой Николай Николаевич. Прилагаю два воззвания для подписи Его Императорского Высочества, — на польском экземпляре надо подписать “Mikolaj”, а не “Николай”» [36. С. 215].

Воззвание благополучно дошло до Ставки, и Янушкевич не замедлил сообщить Сазонову о том, что великий князь Николай Николаевич «ознакомился с текстом нашего обращения к польскому народу» [6. С. 28]. Местоимение «нашего» указывает на то, что Янушкевич считал себя и Сазонова непосредственно причастными к изданию воззвания. Это же нужно сказать о В. А. Сухомлинове и А. В. Кривошеине. Само же оно явилось плодом сложной политической комбинации, разработанной А. В. Кривошеиным, П. Б. Струве, Г. Н. Трубецким и Н. Н. Львовым и направленной на то, чтобы углубить вражду между Россией и Германией и не допустить сепаратного мира между ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Русские ведомости.
2. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. В 4 т. М., 2014. Т. 1. Эволюция взглядов.
3. *Achmatowicz A.* Polityka Rosji w kwestii polskiej w pierwszym roku Wielkiej Wojny 1914–1915. Warszawa, 2003.
4. *Юрковский Р.* Польские депутаты Государственной думы и Государственного совета и их деятельность в начале Первой мировой войны // Первая мировая война и Государственная дума: Материалы Международной научной конференции. Казань, 17–18 октября 2014 года. М., 2015.
5. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997.
6. *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 2004.
7. *Тимошинов А. А.* Польские добровольческие формирования на стороне России в 1914–1915 годах // Славяноведение. 2014. № 4.
8. Биржевые ведомости.
9. *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. В 2-х кн. М., 1993. Кн. 1. Август 1914 – октябрь 1917 г.
10. *Нольде Б. Э.* Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж, 1930.
11. *Яхонтов Арк.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 7.
12. *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2002.
13. *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991.
14. *Дьяков В. А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.
15. *Струве П. Б.* Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // *Струве П. Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.
16. *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на пути к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.
17. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.
18. Исторический вестник. 1914. № 9.
19. Новое время.
20. Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 3.
21. *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1965. Т. 75.
22. Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. М., 2013. Т. 2. Ч. 2: 1914–1918.
23. Генерал В. А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы: сборник документов. М., 2014.
24. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014.
25. *Пайнс Р.* Струве: правый либерал, 1905–1944. М., 2001. Т. 2.
26. А. В. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А. И. Гучкова, А. Д. Протопопова, П. Б. Струве // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1994. Кн. 5.
27. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А. Н. Яхонтова: (Записки заседаний и переписка). СПб., 1999.
28. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. М. – Л., 1926. Т. VI.; 1927. Т. VII.
29. *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
30. ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1.
31. Русско-польские отношения в период мировой войны. М., 1926.
32. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
33. Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.
34. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917). М., 2014. Т. 1. 1914 год. Начало.
35. Речь.
36. Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем // Красный архив. 1922. Т. 1.

© 2017 г. Ю.В. ШАХИН

У ИСТОКОВ ЦЕНТРОБЕЖНЫХ ПРОЦЕССОВ: СЛОВЕНСКИЙ РЕСПУБЛИКАНИЗМ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ ФЕДЕРАТИВНОЙ ЮГОСЛАВИИ

В статье рассматриваются конфликты интересов между Словенией и центральным правительством на этапе становления югославской федерации. Словенское общество подошло к нему с завышенными ожиданиями, поэтому недовольство централизацией приобретало там более выраженный характер, чем в других республиках Югославии. Партийное руководство Словении рассматривало эти явления как проблемы переходного периода и надеялось их преодолеть.

The article considers the conflicts of interests between Slovenia and the central government at a stage of formation of the Yugoslav federation. Slovenian society entered the process of negotiations with overestimated expectations, therefore their discontent with the centralisation was much more pronounced there, than in any other republic of Yugoslavia. The party leadership of Slovenia treated it as problems of a transition period and hoped to overcome them.

Ключевые слова: Югославия, Словения, централизация, республиканизм, конфликт интересов.

Keywords: Yugoslavia, Slovenia, centralisation, republicanism, conflict of interests.

Центробежные процессы в титовской Югославии обычно привлекают внимание исследователей позднего этапа существования югославской федерации. Однако ранние центробежные явления практически не попадают в поле зрения исторической науки. Данная статья преследует цель разобрать один из аспектов этой почти не исследованной темы и рассмотреть центробежные процессы на примере отношений Словении и союзного правительства на этапе конституирования югославской федерации. Словения взята для рассмотрения потому, что в первые годы существования федеративной Югославии именно в этой республике центробежные процессы обнаруживали себя наиболее заметно.

В основе этих процессов лежали особые интересы партийного, государственного руководства республики, складывающегося в ней государственного аппарата, а также вовлеченных в политическую борьбу масс, из числа которых рекрутировались управленческие кадры. Эти интересы и их проявления необходимо как-то обозначить. В югославском политическом лексиконе был выработан обширный перечень выражений, обозначающих борьбу за свои местные интересы в ущерб интересам целого. Из всего этого многообразия предпочтительнее воспользоваться термином республиканизм. Термин политически нейтрален, уже

Шахин Юрий Владимирович — доцент Института экономики и права Академии труда и социальных отношений (г. Севастополь).

применялся в научных исследованиях и вполне уместен, когда речь идет о специфических республиканских интересах, противопоставляемых союзному центру.

В истории словенского республиканизма можно выделить несколько этапов, которые прямо связаны с общей динамикой развития югославского общества. Первый такой этап начинается в мае 1945 г. и оканчивается в начале 1947 г. В это время происходит становление основ новой югославской государственности и общественного строя, который обычно именуют социализмом. Для Словении этот этап важен еще и тем, что именно тогда впервые сложилось словенское национальное государство. Открывается данный этап освобождением словенских земель от немецкой оккупации в мае 1945 г., а его завершение в начале 1947 г. отмечено несколькими важными событиями. 17 января 1947 г. принята конституция Народной Республики Словении и тем самым закреплены созданные в ней государственные учреждения, а также место республики в федерации. В феврале 1947 г. Югославия заключила мирный договор с Италией, тем самым была сформирована основная территория республики, хотя окончательно процесс завершился в 1954 г. после раздела Свободной территории Триест. В апреле 1947 г. в Югославии началась реализация первой пятилетки. С принятием первого пятилетнего плана закончился подготовительный период, когда закладывались новые хозяйственные механизмы.

Таким образом, первый этап – это этап становления, когда выстраивались новые отношения в обществе. Было бы странно, если бы этот процесс протекал гладко. Новые учреждения должны были притереться друг к другу, что с неизбежностью порождало конфликты из-за их возможных функций и полномочий. Специфика Словении заключалась в том, что словенское общество подошло к этому этапу с чрезвычайно завышенными представлениями о правах и возможностях своей будущей республики в югославской федерации. Отчасти эта ситуация сложилась исторически, отчасти ей способствовала политика Коммунистической партии Югославии. Правда, применительно к Словении нужно учитывать не только линию ЦК КПЮ, но и линию ЦК Коммунистической партии Словении (КПС), которая была образована в составе КПЮ еще в 1937 г.

В ходе Второй мировой войны очаг освободительного движения в Словении развивался обособленно от общеюгославского сопротивления. Между зоной действий словенских партизан и основным регионом, где разворачивалось народно-освободительное движение, лежала территория, подконтрольная усташам. Словенские отряды никогда не пребывали в прямом подчинении Верховного штаба, а находившиеся в его распоряжении мобильные пролетарские бригады не заходили на территорию Словении вплоть до весны 1945 г. В связи с этим присутствие словенцев в ядре будущей Народно-освободительной армии Югославии было незначительным. Лишь некоторые хорватские отряды и определенное количество посланцев Верховного штаба принимали участие в совместных боевых действиях со словенскими отрядами. Таким образом, психологический эффект боевого братства был выражен в отношениях словенских и остальных югославских борцов слабее, а население не привыкло видеть в своих защитниках представителей всех народов Югославии. Однако дело заключалось не только в объективных причинах. Свою роль сыграла позиция ЦК КПЮ и в частности Эдварда Карделя, входившего в Политбюро ЦК КПЮ и ближайшее окружение Йосипа Броза Тито. Именно Кардель настоял, чтобы Политбюро ЦК КПЮ позволило словенским отрядам действовать только на территории Словении и тем самым не вливаться в общие ряды Народно-освободительной армии [1. S. 486]. Словенские историки интерпретируют эту договоренность

как соглашение о том, что у Словении будет после войны своя отдельная армия [2. P. 141]. В годы войны в словенском движении сопротивления действительно распространилось мнение, что это будет так. Каково же было его разочарование, когда 18 мая 1945 г., сразу после освобождения, все словенские отряды были включены в югославскую армию на общих основаниях [3. S. 22–23].

Обособленное развитие словенского очага сопротивления привело к внешним отличиям некоторых базовых институтов, создаваемых в ходе борьбы на основе единой партийной тактики. Так, КПЮ, будучи верна заветам VII конгресса Коминтерна, стремилась создать антифашистские народные фронты. Компартия Словении реализовала это стремление раньше и независимо от остальной части КПЮ. В результате во всей Югославии это объединение называлось Единый народно-освободительный фронт и потом в 1945 г. было переименовано в Народный фронт, а в Словении его аналог назывался Освободительным фронтом (ОФ). Это различие сохранялось вплоть до 1953 г., когда фронт был реорганизован и переименован в Социалистический союз трудового народа сразу во всей стране.

Для регулирования финансовых вопросов на освобожденной территории региональный орган власти – Президиум Словенского национально-освободительного совета решил создать специальный институт. 12 марта 1944 г. он основал Денежное учреждение Словении. На его основе в Словении стала складываться своя финансовая система, обособленная от той, которую создавал Президиум Антифашистского веча народного освобождения Югославии в зоне непосредственного контроля Верховного штаба. В июне 1945 г. Президиум Словенского национально-освободительного совета принял специальный закон о статусе Денежного учреждения. Оно по сути превращалось в словенский банк с филиалами во всех округах республики. Однако Министерство промышленной политики Югославии основало 12 мая 1945 г. Промышленный банк с явным намерением централизовать финансовую систему и потеснить Денежное учреждение. В марте 1946 г. Борис Кидрич тогдашний первый секретарь ЦК КПС вспоминал: «Денежное учреждение долго пользовалось большой поддержкой коммунистов, часто коммунисты были в первых рядах борьбы, чтобы Денежное учреждение Словении взяло все под свою руку и сделало невозможной деятельность Промышленного банка. Иногда этот лозунг более сильно акцентировался, а иногда прятался за различными предложениями» [4. S. 181]. Таким образом, даже члены правящей партии полагали в 1945 г., что Словения может иметь свою отдельную финансовую систему.

Завышенные ожидания статуса Словении возникли не только в силу изоляции очага сопротивления, но и в силу сознательной политики руководства словенских сталинистов. Вот как обозначил ее Кидрич, который лично участвовал в ее разработке и проведении: «В ходе народно-освободительной борьбы было положительным подчеркивать национальный вопрос, поскольку этим мобилизовались массы на борьбу против оккупантов и за национальное и демократическое освобождение» [4. S. 199]. Главным лозунгом ОФ был лозунг «национального единства в вооруженной борьбе против оккупантов и фашизма» [4. S. 147]. Соответственно выстраивалась и официальная пропаганда. Как отмечал Кидрич в январе 1946 г., в прессе все кишело терминами «нация» и «национальный», которые употреблялись даже там, где можно было сказать «народ» и «народный» [4. S. 173]. Оценивая результаты этой тактики в другой своей речи, произнесенной в конце 1945 г., Кидрич отметил, что отныне «нет больше той широты, которая была очень важна в течение всех четырех лет [войны] и которая

сыграла значительную роль [...] Постоянное подчеркивание нашего единства и широты вызвало у нашего актива отсутствие бдительности к реакции. Факт, что в ОФ и Коммунистическую партию внесено много национализма и социализма. Элементы национализма несовместимы с путем нашей партии [...] Именно через ОФ, с помощью которого мы побеждали четыре года, к нам может вернуться враг» [4. S. 142–143]. Под социализмом Кидрич подразумевает христианский социализм и социал-демократию. В декабре 1946 г. он добавил: «Элементы национализма сейчас еще так сильны, что проникли даже в ряды партии» [4. S. 412]. Речь шла об устойчивой тенденции.

Таким образом, стремясь вовлечь как можно более широкие массы в освободительную борьбу, словенские сталинисты способствовали проникновению националистических настроений в движение, которое они возглавляли. Словенские земли отличались достаточно высоким уровнем развития капитализма, поэтому для словенского национализма существовала зрелая социальная база, он был широко распространен. Но словенские сталинисты, по-видимому, предполагали, что главное – это взять власть, а уж потом они с этим явлением как-нибудь справятся.

Помимо прямого вовлечения националистов в ОФ работал еще один канал переноса националистических настроений в ряды движения. В годы войны оно активно привлекало на свою сторону верующих и духовенство. Между тем католическое мировоззрение занимало важное место в поддержании словенской национальной идентичности. В XVIII–XIX вв. католическое духовенство сыграло исключительно важную роль в формировании словенской нации. Именно из его рядов в основном выходили кадры словенской национальной интеллигенции. В результате словенское самосознание оказалось обременено религиозной составляющей: одним из признаков словенской национальной идентичности стал рассматриваться католицизм. Во второй половине XIX в. даже светские либералы, конфликтовавшие с католической церковью, сходились с клерикалами во мнении, что сознательный словенец – непременно верующий католик [5. С. 132, 206, 211, 215, 222, 233, 256; 6. Р. 53]. Исторически важная роль духовенства предопределила доминирование в словенских землях католических партий. С 1880-х годов по 1941 г. они были основной политической силой. Привлекая в ряды ОФ духовенство и рядовых верующих, КПС создавала условия для комплексного переноса словенского национализма в освободительное движение. В первый год после войны лидеры ОФ подчеркивали, что католики играют важную роль в руководстве новой власти, а также указывали на отсутствие какой-либо антирелигиозной программы [4. S. 43, 53–54, 484]. Лишь враждебность высших католических иерархов заставила их менять религиозную политику.

Поскольку тактика КПС по завоеванию власти предполагала не трансформацию словенского национального самосознания, а использование его таким, как оно есть, массы, вовлеченные в политическую деятельность через ОФ, принесли туда и традиционно укоренившийся взгляд на югославизм. За единичными исключениями словенцев не привлекали интегральные варианты югославизма. Наблюдалось либо равнодушие к югославизму, либо принимался федеративный вариант, но в любом случае подавляющее большинство словенских культурных и политических деятелей исходило из четкого представления, что словенцы совершенно особый народ.

Не следует возлагать на словенских сталинистов какую-либо особую вину за этот маневр с национализмом. КПЮ в ходе войны повсеместно пыталась апеллировать к национальным чувствам и патриотизму. Можно вспомнить попытки

ее сотрудничества с четниками в Ужицкой республике именно на этой почве. Однако в большинстве других регионов Югославии сложилась иная расстановка сил, чем в Словении: сталинисты оказывались в остром конфликте с местными националистами или по крайней мере с их частью.

Когда общество находится на распутье, даже незначительные воздействия могут существенно влиять на вектор его последующего движения. Оказывая поддержку словенскому национализму в годы войны, КПС получила ряд проблем после освобождения. В Словении возникли завышенные ожидания по поводу будущего республики, при столкновении с действительностью они разбились, это укрепило националистические чувства и при прочих равных условиях затруднило борьбу с ними. А сами их проявления охватили более широкую сферу, чем в других республиках Югославии. Если там мы знаем о проявлениях республиканизма во второй половине 1940-х годов только на экономической почве, то в Словении он встречается непосредственно на политическом уровне.

Для характеристики настроений, с которыми пришлось партии бороться в Словении на этапе становления федерации, стал даже применяться специальный термин «сепаратизм». Далеко не все проявления республиканизма были ему тождественны (республиканизм это более широкое явление), но он, так сказать, закреплял особое качество республиканизма в Словении. В историографии даже предпринимались попытки дать ему определение. В одной из посмертно изданных работ Бранко Петрановича сказано: «Сепаратизмом называли все виды замыкания, стремления к экономической и культурной автономии, экономический партикуляризм, тенденции экономического автаркизма по отношению к целому» [7. S. 431]. Другие историки пытаются свести понимание словенского «сепаратизма» исключительно к противостоянию централизаторским тенденциям в области экономики [5. С. 385; 8. S. 364]. Экономические проявления были наиболее распространенными, но только ими рассматриваемое явление не ограничивалось — местами присутствовала и политика.

Теперь рассмотрим конкретные проявления конфликтов. Прежде всего начнем с армии. Как уже упоминалось, словенцы столкнулись с созданием единой общегославской армии только после окончания войны, что резко отличало их от большинства других народов Югославии. По сути, эта армия предстала перед ними в уже готовом виде.

Вопрос отношения словенцев к единой югославской армии исследован слабо. Судя по сведениям источников, в мае—июле 1945 г. имели место враждебные проявления и трения. Так 2 июля 1945 г. Кидрич на конференции республиканских пропагандистов в Любляне указал на необходимость борьбы с шовинизмом и среди его возможных проявлений отметил неправильное отношение людей на местах к армии. В частности местные активисты раздувают любую ошибку, которую «армия совершит на местах» и защищают не армию от местных масс, а местные массы от армии. В этом их «поддерживают и наши руководящие товарищи на разных местах» [4. S. 40]. На сегодняшний день известны два таких примера. Функционер Народной защиты 22 мая 1945 г. извещал правительство Словении, что армия угоняет в сторону Загреба лошадей и коров. В конце 1945 г. уполномоченный ЦК КПС докладывал, что различные единицы югославской армии вывозят на юг продовольствие и урожай [9. S. 124]. Состоявшееся 5 июня заседание Политбюро ЦК КПС указало на преувеличения в подобных отчетах и в то же время констатировало, что «грабежи были», и предложило «самокритично признать, что местность (teren) дает подарки армии» [10. S. 29—30]. Судя по протоколу заседания, конфликты отмечены в отношениях с IV и III армиями.

Последняя была представлена тремя дивизиями, имевшими только оперативные единицы, и не имела гарантированного обеспечения. Предположительно она снабжалась за счет конфискованных припасов. Еще одним источником конфликтов было изъятие промышленного оборудования в пользу армии, которое производилось по договоренности со словенскими властями, а также использование заводов для военных нужд самими армейскими подразделениями. Последнее обстоятельство порождало недовольство в рабочей среде [4. S. 84].

5 июня Политбюро ЦК КПС совместно с армейским руководством разбирало ситуацию и выявило интересную закономерность: «отношения между народом и армией хорошие», но «плохие между руководствами» [10. S. 30]. В развитии конфликтов были виновны обе стороны. Так, офицеры югославской армии слабо представляли, с кем имеют дело, поэтому им нужно было специально объяснить, какую роль играли словенцы в освободительной борьбе. А со стороны словенских руководителей имело место непонимание югославских общегосударственных задач. Очевидно, это были последствия изоляции словенского очага партизанского движения. Чтобы оздоровить ситуацию Политбюро решило направить на места специальный циркуляр и развернуть пропагандистскую кампанию по взаимному сближению.

Конфликты происходили не только по линии армия—гражданские. Они наблюдались и внутри армии, после включения туда словенских единиц. Здесь на переднем крае тоже находились люди, облеченные властными полномочиями. В августе 1945 г. Политбюро ЦК КПС собиралось на конференции словенских офицеров в Югославской армии «остро критиковать сектантско-шовинистические ошибки наших» [10. S. 38]¹. В чем состояли ошибки офицеров-словенцев, мы не знаем, но для их разбора были приглашены Бошко Шилегович — политкомиссар IV армии и Светозар Вукманович-Темпо — начальник Главного политуправления Югославской армии.

На словенские проблемы обратило внимание высшее руководство страны. 4 декабря 1945 г. Политбюро ЦК КПЮ провело совместное заседание с Политбюро ЦК КПС. Характеризуя ситуацию в Словении, докладчик отметил: «Существует некий антагонизм к армии, — и чтобы опровергнуть словенские заблуждения добавил, — Армия народная». Протокол заседания не содержит упоминания, кто автор этих слов, однако есть веские основания считать, что их произнес Тито [7. S. 100]. Записей о подобных же проблемах в других республиках в протоколах Политбюро ЦК КПЮ нет.

В марте 1946 г. Кидрич вновь коснулся этого вопроса, причем в публичном выступлении. В начале 1946 г. из-за задержек с поставками леса армия сама начала заготавливать его в словенских горах [9. S. 126]. Вероятно это и заставило Кидрича вновь говорить о проблеме. Он отметил плохое отношение словенских парторганизаций к армии, а также конфликты в отношениях населения и армии, органов власти и армии. По его словам, они были вызваны неправильной реакцией на действия армейских подразделений, однако никаких примеров, позволяющих понять суть дела, Кидрич не привел. Конфликты потребовали вмешательства ЦК, и после его директив отношение парторганизаций к армии улучшилось. Похоже, Кидрич имел в виду решения Политбюро ЦК КПС

¹ В протоколе имеется путаница. По смыслу текста конференция должна состояться после заседания Политбюро, и речь о ней ведется в будущем времени, однако по датам, содержащимся в протоколе, дело выглядит так, будто она уже состоялась. Вероятно, в какой-то из дат допущена описка.

от 5 июня 1945 г. Тем не менее он продолжал говорить о проблемах в настоящем времени: «В особенности случается, что наши активисты раздувают отдельные выпады со стороны [армейских] подразделений, выпады, которые неизбежны и которые нельзя устранить, если хочешь иметь армию» [4. S. 184]. На данный момент мы не знаем ничего подобного в других республиках. Вероятно, конфликты населения с армией бывали и там, но трудно представить, чтобы в них армии противостояли парторганизации. Это прямой результат иллюзии об отдельных словенских вооруженных силах, созданной в годы войны.

В конце 1945 г. прошло публичное обсуждение проекта новой конституции Югославии, закреплявшего федеративное устройство страны. В связи с этим в Политбюро ЦК КПС ожидали активизации словенского сепаратизма. «Сепаратизм будет проявляться косвенно», — отметила Вида Томшич [10. S. 52]. Похоже, она была права — источники и историография до сих пор не дают каких-либо значительных фактов сепаратистских настроений при обсуждении проекта конституции. Известно лишь об одном случае в Министерстве местного транспорта Словении. 13 декабря при рассмотрении проекта директор государственных железных дорог Йоже Боршинар выдвинул поправки к ст. 88, определяющей компетенцию союзных министерств (в итоговом тексте она стала ст. 87). Проект предусматривал, что союзные министерства имеют право назначать при правительствах республик своих уполномоченных. Боршинар предложил, чтобы в случае союзного Министерства транспорта этих «делегатов» назначало не оно само, а республиканские министерства. Он также предложил создать при союзном министерстве транспорта вече из представителей республик [4. S. 466–467]. Обе идеи были отвергнуты, но вторая восторжествовала через неполные пять лет. Когда весной 1950 г. был взят курс на децентрализацию, представительство республик в руководстве всех союзных органов, отвечающих за экономику, стало нормой.

Уже на первоначальном этапе существования новой Югославии КПЮ заложила основы экономической системы советского образца с характерной для нее централизацией в управлении собственностью и товарообменом. Для многих хозяйственных работников в Словении это оказалось неприятной неожиданностью. По идее, они должны были знать, хотя бы в самых общих чертах, что советской экономике присущ централизм, но они без энтузиазма встретили этот курс. По-видимому, черты самостоятельной хозяйственной жизни, заложенные в годы войны, были для них слишком привлекательны.

С мая 1945 до лета 1946 г., словенские хозяйственные министерства лишь частично подчинялись союзным органам и «были довольно самостоятельны при формировании и реализации плана экономического либо промышленного восстановления на словенской территории» [11. S. 346]. Эта самостоятельность порождала известные проблемы — Словения не могла привлечь дополнительные средства из союзного бюджета. Однако попытки ограничить хозяйственную самостоятельность республики вызвали недовольство с первых же месяцев после окончания войны. Уже 3 августа 1945 г. в Политбюро ЦК КПС констатировали «неправильную реакцию наших» на централизм. Иван Мачек отметил: «По вопросу централизма. В наших министерствах слишком неправильно трактуется отношение Словения — Югославия. Люди потом открыто выражают свое недовольство» [10. S. 35].

Одна из важнейших проблем, вокруг которых развернулись трения, — управление государственной собственностью. В конкретных условиях создаваемой в Югославии хозяйственной системы эта проблема включала также вопросы

планирования. Собственно госсектор стал доминировать среди предприятий, использующих наемный труд, уже летом 1945 г. В декабре 1946 г. была проведена еще одна национализация, которая сделала господство госсектора подавляющим. Осенью 1945 г. Союзная плановая комиссия (СПК) потребовала подчинить крупнейшие предприятия Словении союзному управлению. В июле 1946 г. по советскому образцу промышленные предприятия были разделены на предприятия союзного, республиканского и местного подчинения. Самые крупные предприятия Словении оказались под прямым управлением Белграда. СПК известила республики, что сама будет разрабатывать планы для объектов общегосударственного значения [11. S. 346–347; 12. S. 432]. Все эти меры вызывали недовольство в хозяйственных министерствах.

Централизация управления включала централизацию в финансовой сфере. Здесь союзная политика тоже столкнулась с недовольством. Словенские хозяйственники противопоставляли Денежное учреждение Словении союзным банкам, выдвигали финансовые проекты, которые разрушали общий югославский финансовый план, в частности тормозили обращение денежной массы, скрывали наличие ресурсов [4. S. 180–182; 8. S. 364; 13. S. 27]. На этой почве даже возникла идея развития промышленности только за счет собственных средств. Такой путь позволял избежать централизации. Кидрич подверг его критике на партконференции в Любляне в марте 1946 г.

Недовольство в Словении вызвал не только сам факт концентрации управленческих полномочий в Белграде, но и качество управления. В этом вопросе недовольство высказывали даже республиканские министры [10. S. 36, 62]. В упомянутой речи Кидрич отнес данное явление к особому типу проявления сепаратизма и охарактеризовал так: «Это убеждение ряда наших товарищей, что в Белграде господствует беспорядок, что планы не настолько ценны, чтобы их стоило принимать во внимание [...] Недооценка планов, правил хозяйственных министерств в Белграде и переоценка собственных организационных мер зачастую заходят так далеко, что циркуляры, которые приходят из Белграда, и в которых требуют того или этого, попросту высмеивают» [4. S. 182–183]. Особенно критически к союзным планам относились в республиканском Министерстве торговли и снабжения. В 1945 г. союзные планы там считали неэффективными и неадекватными, называли союзные предписания невыполнимыми, слишком конкретизированными, «зачастую экономически бессмысленными и вредными» [11. S. 347]. Со своей стороны союзные плановые органы могли себе позволить эту критику игнорировать. Как отмечает историк Й. Принчич, в это время разрабатывались союзные планы развития, но мнение словенских хозяйственников не учитывалось и не привлекалось в достаточной мере [11. S. 346]. Впрочем, стоит предостеречь от абсолютизации этих фактов. Здесь мы имеем дело с начальным этапом становления нового хозяйственного механизма, а его участники еще крайне слабо представляют себе, как нужно действовать – у них еще просто не накопился опыт.

Следующая проблема, прямо вытекающая из управления собственностью – распределение прибыли и инвестиционная политика. В тогдашнем хозяйственном механизме эта проблема тесно связана с вопросом распределения бюджетных средств, так как основным источником пополнения бюджетов в ней была прибыль предприятий, изымавшаяся в виде налога с оборота. Вопрос распределения прибыли и инвестиций вращался вокруг курса на индустриализацию. Индустриализация воспринималась как залог счастливого будущего, поэтому сразу после победы югославские сталинисты начали разрабатывать амбициозные

планы промышленного развития. Руководители Словении не составляли исключения. Но сама Словения как раз была исключением в Югославии — это была промышленно развитая республика. Союзные руководители делали ставку на ускорение промышленного развития других республик при использовании материальных ресурсов Словении, а в самой республике индустриализация должна была протекать в более умеренном темпе. Эта реальность вступала в конфликт с завышенными ожиданиями словенских хозяйственников. Уже в период послевоенного восстановления промышленности для них прозвучал тревожный звонок. Составляя план на 1946 г., республиканская плановая комиссия задумала потратить на восстановление промышленности 2400 млн динаров. Из них 960 млн она рассчитывала получить у Белграда. Однако СПК одобрила выделение лишь 375 млн. Еще суровой обошлись союзные власти с бюджетом Словении на 1946 г. Республиканский проект исходил из расходной части бюджета в размере 3800 млн динаров, однако союзный закон утвердил ее равной 1263 млн динаров [11. S. 346].

Летом 1946 г. союзные власти обязали Словению отчислять излишки бюджетных поступлений в союзный бюджет, разработанный тогда же проект первого пятилетнего плана предусматривал перераспределение инвестиций в пользу более отсталых республик. Кидрич, как пишут словенские историки, заявил, что крупных вложений в словенскую промышленность не будет, зато нужно увеличивать накопления в Словении и в виде налога с оборота отчислять в союзный бюджет [11. S. 347; 12. S. 432; 13. S. 27]. По словам Принчича, с этим решением связан пик недовольства союзной политикой в первые послевоенные годы. На самом деле пятилетний план предусматривал крупные вложения в словенскую промышленность, но они были меньше, чем завышенные аппетиты словенских хозяйственников, что и вызвало их возмущение.

Уступив союзному центру контроль над управлением и основными инвестициями, словенские управленцы тем самым уступили и в вопросах распоряжения основным капиталом. Начиная с 1946 г. Министерство строительства Словении стало помогать индустриализации других республик не только финансово. Оно начало отправлять в Македонию, Боснию, Герцеговину и Черногорию стройотряды со своей техникой, материалами, транспортными средствами и специалистами. По указанию свыше словенские предприятия стали отдавать часть своих основных фондов другим республикам. В 1946 г. это сделали три предприятия. Здесь тоже возникала почва для трений, так как словенские хозяйственники сопротивлялись выводу основного капитала из их республики. Порой они это делали успешно. В частности им удалось предотвратить перемещение в Хорватию фабрики глинозема и алюминия [11. S. 349, 351; 14. S. 271].

Еще одним мощным источником конфликта интересов в экономической области стала борьба за дефицитные товары, включая такой специфический товар, как рабочая сила. Она получила развитие благодаря созданию административной системы снабжения. В борьбе за обычные товары инициатива могла исходить от любой стороны, в то время как в области рабочей силы зачинщиком конфликта на данном этапе выступал только союзный центр. Вот примеры таких столкновений на экономической почве.

В декабре 1945 г. сложилась напряженная ситуация в югославской энергетике: топлива и электричества не хватало. Внезапно союзное правительство прислало в Люблянину телеграмму, где потребовало от Словении передать в свое распоряжение часть местных запасов угля. Между тем в республике лишнего угля не было. Она в тот момент не могла даже выполнить свои обязательства по поставкам

электричества в Хорватию, где от Словении зависело электроснабжение Загреба. В связи с этим вопрос поставок электричества поднимался на уровне Политбюро ЦК КП Хорватии [15. S. 150]. Союзная телеграмма оказалась в Любляне совсем некстати. Для решения вопроса 17 декабря пришлось собрать заседание Политбюро ЦК КПС. В тот момент не прошло еще и двух недель, как Тито раскритиковал словенских руководителей за сепаратизм на заседании Политбюро ЦК КПЮ. Потому обсудив проблему, словенское Политбюро вынуждено было уступить союзному правительству.

В следующем, менее драматичном примере, инициатива принадлежала Словении. Из журнала «Narodna država» мы узнаем, как в конце 1946 г. различные республики боролись за плановые поставки потребительских товаров на 1947 г. Так как планы потребностей первоначально составлялись на основе оценок, это позволило республиканским руководителям проявить «партикуляристские настроения»: все республики, кроме Сербии, завысили заявки на предметы потребления. Разные республики проявили себя в разных сферах. Словения лидировала по части требований хозяйственного мыла, причем по сравнению с заявками других республик с резким отрывом. В абсолютных величинах она хотела 4200 тонн. Редакция журнала посчитала нужным объяснить, что это 350 грамм на потребителя, а такая норма предусмотрена только для категории тяжелых рабочих [16. S. 32–33]. Среди словенских потребителей, снабжаемых по карточкам, они составляли относительно небольшую часть, и словенские плановики прекрасно знали это, но видимо стремились обеспечить свое население по максимуму.

Обратную сторону попыток потребовать как можно больше дефицитных товаров составляли попытки сокрыть их наличие у себя. В связи с этим, начиная с осени 1945 г. союзные власти присылали инспекции для выявления неучтенных запасов. Первая такая проверка прибыла из союзного Министерства промышленности уже в октябре 1945 г. [11. S. 347]. Это тоже был источник недовольства в республике. Впрочем, бывали случаи противоположного свойства, когда предприятия союзного подчинения не пускали на свою территорию представителей республиканских контрольных комиссий. Чтобы снять источник конфликтов, Министерство промышленности в январе 1947 г. решило предоставить республикам право контроля над работой союзных предприятий [4. S. 422].

В области рабочей силы объектом борьбы стали квалифицированные специалисты, которых союзный центр пытался изъять из словенских предприятий и учреждений, чтобы перебросить в районы приоритетного развития. Масштабы этого явления еще требуют изучения, но, похоже, они относительно невелики: Принчич отмечает, что во второй половине 1940-х годов из Словении были направлены в другие республики около ста специалистов [11. S. 351]. К таковым относились инженеры, связанные с железными дорогами, лесохимией, электроэнергетикой, производством цемента и т.д., геологи, врачи. Помимо специалистов центр интересовала перспективные управленцы из партийных кадров. Последняя группа пополняла главным образом центральные органы управления. В частности, такой карьерный путь проделал в эти годы Кидрич. В июне 1946 г. его назначили министром промышленности Югославии, после чего он оставил должность секретаря республиканского ЦК, вскоре возглавил СПК, а потом одновременно стал председателем Хозяйственного Совета Югославии.

В отличие от обычного товара, рабочей силе вовсе не безразлично, где она будет использоваться, поэтому квалифицированные специалисты, инженеры и техники сопротивлялись их переводу на «южные стройки».

В словенском Министерстве строительства в шутку говорили, что у всякого молодого специалиста, которого выбирали для перевода в другие республики, обнаруживалась особая болезнь, которую называли «боснийский психоз» [11. S. 351]. Зачастую специалисты находили союзников в лице своего начальства. Эта проблема в частности поднималась на двух заседаниях Хозяйственного Совета Югославии 22 и 23 июля 1946 г.² Тогдашний председатель СПК Андрия Хебранг возмутился, не называя конкретные республики: «Когда требуют кадры из республик и министерств, где они есть, все их скрывают», — но тут же намекнул, что речь не идет о Боснии и Черногории. Окончательно вещи назвал своими именами Кидрич на втором заседании. Он подверг критике Словению и Хорватию за то, что они придерживают у себя кадры и не отправили достаточно специалистов в Боснию, Македонию и Черногорию. Кидрич потребовал отправить специалистов и пригрозил: «Если Словения и Хорватия с этим добровольно сразу не согласятся, мы будем вынуждены предпринять административные меры». Тогда же Кидрич посетовал, что в республиках есть перспективные кадры из числа коммунистов, «но республики их ревниво оберегают». Вину он возложил на правительства как развитых, так и отсталых республик [17. S. 75, 80, 93, 103–104, 108–109]. Таким образом, уже в 1946 г. сопротивление изъятию кадров поднималось до уровня республиканских правительств.

Если подвести итог, то получается, что конфликт интересов между Словенией и союзным центром в экономической сфере развивался из-за последовательной политики Белграда, направленной на ограничение возможностей республик управлять собственностью, распоряжаться прибылью, товарной массой и квалифицированными кадрами. В случае Словении этот конфликт имел более острый характер в силу изначально завышенных ожиданий словенских управленцев. Стоит отметить, что меры централизации предполагали также введение союзной монополии внешней торговли, унификацию цен и изменение механизмов их формирования, но о реакции на них мне ничего не известно.

Теперь уточним, что представляла собой среда, в которой развивался конфликт интересов со словенской стороны. Обобщая данные источников и словенской историографии можно видеть такую картину: на уровне центрального аппарата управления Словении носители республиканизма концентрируются в хозяйственных учреждениях, и в первую очередь в хозяйственных министерствах. Среди этих министерств поименно фигурируют Министерство промышленности и Министерство торговли и снабжения, также упоминаются «финансовые круги» без привязки к конкретному учреждению. В аппарате министерств высшее звено республиканизма представлено на уровне министров и «ответственных функционеров». Среда охватывает также министерских работников, которые обозначаются как специалисты и «профессиональная общественность». На более низких звеньях управления сторонники республиканизма представлены управляющими крупных государственных предприятий, работниками окружных и местных народных комитетов. На всех уровнях эта

² Публикаторы протоколов Хозяйственного Совета подошли к делу формально и представили как записи двух разных заседаний выписку из протокола от 19 июля и протокол от 23 июля 1946 г. Несмотря на различие в датах содержание документов тождественно. Они отражают записи одного и того же заседания. Когда же оно состоялось? Ответ дает сравнение с протоколом заседания от 22 июля. Порядок обсуждения кадровых вопросов таков: в протоколе от 22 июля они ставятся в общем, а в протоколе от 19 либо 23 июля те же вопросы рассматриваются более предметно, с определением виноватых и мер воздействия. Таким образом, заседание со спорной датой не могло состояться до 22 июля. Следовательно, остается только датировка 23 июля. А дата 19 июля представлена в документе ошибочно.

среда представлена как беспартийными, так и партийными кадрами. Изучение конфликтов вокруг армии позволяет добавить сюда офицеров-словенцев и местные парторганизации [4. S. 181–183; 10. S. 35, 63; 11. S. 346–347; 12. S. 432; 13. S. 26–27; 14. S. 271]. Как видим, носители республиканизма представлены в Словении на достаточно высоком уровне. Он распространен и вглубь и вширь. Тем не менее республиканизм в те годы не захватывал высшее партийное руководство республики, где была сосредоточена вся реальная власть. По оценке словенских историков оно поддерживало курс Белграда на централизацию, а сторонники республиканизма не находили у него сочувствия, когда возникали конфликты интересов [12. S.432; 13. S. 26].

Централистски настроенным словенским лидерам того времени казалось, что республиканизм, даже доросший до степени сепаратизма, исторически преходящее явление, которое уйдет в прошлое в связи с успехами строительства социализма. Кидрич даже развил теорию, объясняющую противодействие централизации в Словении. По его мнению, здесь сказывался исторический опыт малого народа, для которого в прошлые эпохи противодействие любому централизму служило важным способом национального выживания [4. S. 180–181, 198; 8. S. 364; 10. S. 36]. Теоретики того времени вполне логично могли ожидать, что развитие национального словенского государства и общественной собственности оставит республиканизм в прошлом. Но с высоты сегодняшнего дня этот вывод опровергнут практикой. Возникает правомерный вопрос: в чем истоки его теоретической несостоятельности? К сожалению, ответить на него невозможно в хронологических рамках данной статьи, потому что любой аргумент, не выходящий за рамки 1945–1947 гг., легко отразить ссылкой на то, что это трудности переходного периода. Эти рассуждения могут быть опровергнуты только с опорой на более поздний исторический опыт, а его осмысление — это уже предмет других публикаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mihaljević J.* Kolektivna biografija jugoslavenskog komunističkog rukovodstva: Jože Pirjevec, Tito i drugovi, Zagreb, 2012 // Radovi zavoda za hrvatsku povijest filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu. 2012. Knj. 44.
2. *Repe B.* Slovenians and the Federal Yugoslavia // Balkan Forum. An international journal of politics, economics and culture. 1995. Vol. 3. № 1.
3. *Pirjevec J.* Tito i drugovi. II deo. Btograd, 2013.
4. *Kidrič B.* Sabrana dela. Beograd, 1985. Knj. 4.
5. *Куркина Л. А., Пилько Н. С., Чуркина И. В.* История Словении. СПб., 2011.
6. *Repe B.* Between myths and ideology: some views on Slovene contemporary historiography. Ljubljana, 2009.
7. Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11. jun 1945–7. jul 1948). Beograd, 1995.
8. *Milosavljević O.* «Centralizam» i «republikanizam» (Nacionalizam u Jugoslaviji 1945–1955) // Sociologija. 1992. № 3.
9. *Prinčič J.* Denarno-blagovni odnosi Slovenije z drugimi jugoslavanskimi republikami (1945–1950) // Prispevki za novejšo zgodovino. 2012. № 1.
10. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945–1954. Ljubljana, 2000.
11. *Prinčič J.* Mesto Slovenije v procesu industrijalizacije Federativne Jugoslavije (1945–1956) // Slovenci in država. Ljubljana, 1995.
12. *Štih P., Simoniti V., Vodopivec P.* Slovenska zgodovina: družba – politika – kultura. Ljubljana, 2008.
13. *Prinčič J.* Slovensko gospodarstvo v drugi Jugoslaviji. Ljubljana, 1997.
14. *Repe B.* Slovenci in Federativna Jugoslavija // Slovenci in država. Ljubljana, 1995.
15. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. Zagreb, 2005. Sv. 1.
16. Narodna država. 1947. № 3.
17. Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog saveta Vlade FNRJ: 1944–1953. Beograd, 1995. Knj. 1.

© 2017 г. А.Б. ЕДЕМСКИЙ

ЗНАЧЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В АКТИВИЗАЦИИ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА 1960-х ГОДОВ

На основе доступных к настоящему времени для изучения советских и югославских архивных документов, часть из которых вводится в научный оборот впервые, и с учетом достижений сербской и отечественной историографии, в статье рассматривается роль наиболее влиятельных членов высшего югославского руководства в активизации взаимоотношений Москвы и Белграда в первой половине 1960-х годов. В статье поставлены под сомнение имеющиеся в отечественной историографии доказательства в пользу тезиса о роли А. Ранковича как решающей в произошедшей активизации советско-югославских связей.

On the basis of available documents from the Soviet and Yugoslav archives, many of which are used in a scholarly work for the first time, and considering the most recent publications of the Russian and Serbian historiography, the article explores the role of most influential members of the Yugoslav leadership in activation of contacts between Moscow and Belgrade in the first half of the 1960s. The article questions the views, taken for granted in the Russian historiography, that Aleksandar Ranković was playing the decisive role in revitalisation of the Soviet-Yugoslav relations.

Ключевые слова: советско-югославские отношения и конфликты, И. Броз Тито, Э. Кардель, А. Ранкович, С. Вукманович, Н.С. Хрущев, А.А. Громыко, белые пятна истории, генетическое родство авторитарных режимов.

Keywords: Soviet-Yugoslav relations and conflicts, Josip Broz Tito, Edvard Kardelj, Aleksandar Ranković, Svetozar Vukmanović, Nikita Khrushchov, Andrei Gromyko, white spots in history, genetical kinship of authoritarian regimes.

К изучению советско-югославских отношений периода их активизации в первой половине 1960-х годов историки приступили всего десять лет назад. Первые публикации за рубежом и в России появились одновременно¹. Определяющую роль в их исследовании до недавних пор сыграли ученые из государств бывшей Югославии, преимущественно Сербии, изучая тему в контексте организации югославским руководством движения неприсоединившихся государств. Они опирались, в основном, на внешнеполитические

Едемский Андрей Борисович – д-р ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ В отечественной историографии пионерской была обзорная статья А.С. Стыкалина, последняя часть которой коснулась истории советско-югославских связей начала 1960-х годов [1. С. 100–102]. Дальнейшего развития данная тема помимо небольшого отрывка в фундаментальном труде по политической истории Югославии XX столетия (2011 г.), не получила [2. С. 679–680].

документы тех лет югославского происхождения, что предопределило и их трактовку (изложен ход событий, выделены основные этапы, показана динамика произошедшей активизации во взаимосвязи с международным контекстом). Был сделан и вывод о том, что успешное проведение в Белграде встречи лидеров неприсоединившихся стран (1–5 сентября 1961 г.) поставило СССР перед необходимостью поддержания хороших отношений с Югославией².

Значительные научные заделы, созданные сербскими учеными, позволили отечественным историкам сравнительно быстро перейти к системному изучению указанного периода, уделяя внимание более тщательному прочтению уже известных югославских документов и введению в научный оборот дополнительных советских и югославских архивных материалов.

В отечественной историографии наметились два направления в подходах к изучению этого периода, различающиеся степенью зависимости от соотношения между опорой на предыдущие исследования и изучением архивных документов. В соответствующей главе («Советско-югославское сближение») монографии Б. С. Новосельцева автором уделено внимание действиям югославского руководства в начале сентября 1961 г., когда «неожиданно острая позиция Югославии на Белградской конференции была ясным и недвусмысленным шагом навстречу советской инициативе, направленной на нормализацию двусторонних отношений», а «успех Белградского саммита увеличивал значимость Югославии для советской внешней политики». Исследователь идет дальше своих предшественников, конкретизируя этапы «очередного советско-югославского сближения», которое, по его мнению, «традиционно началось с обмена письмами» в конце марта – начале апреля 1962 г., было продолжено во время визита А. А. Громыко в Югославию в апреле 1962 г., когда стороны перешли «от стадии консультаций и взаимных дипломатических реверансов к более конкретным переговорам» [8. С. 47–51]. Сходного взгляда на значение Белградской конференции придерживается А. С. Стыкалин: «Осенью 1961 года происходят события, способствовавшие новому советско-югославскому сближению. Исследователь подчеркивает значение принятого на саммите неприсоединившихся стран «программного документа, давшего основания официальной Москве воспринимать движение

² За исключением сотрудника Института современной истории Сербии, историка-востоковеда Й. Чавошко, который называет «безусловной главной причиной визита» Тито в СССР в декабре 1962 г. китайско-индийский пограничный конфликт, несмотря на то, что «в официальной записи переговоров между делегациями он не был упомянут впрямую» [3. Р. 74] большинство исследователей едины во мнении, что высшей точкой «сближения с Москвой» стал визит в Советский Союз югославской делегации во главе с Тито в декабре 1962 г [4. С. 460–462], рассматривая его в контексте улучшения советско-югославских отношений. Вместе с тем о самом ходе, причинах и датировке нового сближения СССР и ФНРЮ сообщается с определенными особенностями. Сотрудник Института современной истории (Белград) Д. Богетич акцентирует внимание на весне 1961 г., когда имели место «первые шаги к нормализации отношений с СССР» [5. С. 27]. По мнению его коллеги Д. Трипковича, специальный внимания заслуживают события конца 1960 – начала 1961 г., поскольку предпринятые тогда «конкретные шаги [...] превратились в последовательно развивающуюся тенденцию улучшения югославско-советских отношений в первой половине 1960-х годов, распространяющуюся на все стороны двусторонних отношений», включая связи между правящими партиями [6. С. 111]. Известный сербский историк Л. Димич называет период до осени 1961 г. «замороженным состоянием». По его мнению, такие «качественные изменения, как усилившийся интерес Москвы к Югославии и снижение советского давления в межгосударственных отношениях, были очевидны уже в конце 1961 года». Они оказались «встроены» в продолжившийся в СССР процесс «десталинизации», в развитии которого было заинтересовано югославское государственное и партийное руководство [7. С. 266–267].

неприсоединения в качестве своего потенциального союзника в противостоянии империализму», а также советское удовлетворение антизападной риторикой выступления Тито на этом совещании» [9. С. 253]³.

Другое направление в отечественных исследованиях полагает невозможным игнорировать события самого начала десятилетия (январь и сентябрь 1960 г.), считая именно их наиболее яркими признаками последующей активизации отношений между Белградом и Москвой [10. С. 338–356; 11. С. 195–207]. В определенной мере оно продолжает, наполняя фактами, трассированную Трипковичем [6. С. 106–107], ныне получившую развитие соответствующую линию в исследованиях историков Сербии и созвучна последним тенденциям в новейшей сербской историографии, согласно которым визит в СССР председателя Совета профсоюзов Югославии С. Вукмановича-Темпо в середине января 1960 г. признается «введением в новый период» югославско-советских отношений [12. С. 208].

Таким образом, за последнее время отечественным исследователям удалось, используя сначала югославские архивы, а затем – открывающиеся возможности изучения соответствующих советских документов из российских архивов (АВП РФ, РГАНИ, ГАРФ) внести значимый вклад в изучение темы. Перекрестное использование югославских и советских документов при опоре на опубликованные работы сербских историков позволило в сравнительно короткий срок расширить понимание имевших место процессов, синтезировать новые данные с известными югославскими документами, а также выявить и ввести в научный оборот дополнительные материалы, и за сравнительно короткий срок получить ряд новых результатов, в числе которых: обоснованное снижение хронологической границы начала активизации отношений до января 1960 г., вывод о взаимном интересе советского и югославских руководителей в активизации отношений и др. В результате появилась необходимость решения ряда дополнительных исследовательских задач, а также выявлены вопросы, нуждающиеся в уточнении, расширен круг специфических тем, которые следует изучить дополнительно [13. С. 317–318]. Среди этих задач важное значение приобретает вопрос о персональном факторе в активизации отношений Белграда и Москвы в начале 1960-х годов. Современное состояние источниковой базы позволяет не только описывать ход событий и выносить те или иные общие оценки по поводу активизации связей (нормализации, сближения), но и более детально определить степень влияния отдельных членов руководящих кругов в обеих странах (прежде всего Югославии) как на стагнацию взаимоотношений, так и на их активизацию.

В российской историографии сравнительно недавно выдвинут тезис о том, что «укрепление позиций А. Ранковича в начале 1960-х годов стало предвозвестием улучшения отношений с СССР». Он уже дважды встречается в изданиях Института славяноведения РАН. И если в первый раз он обосновывался ссылками на работы зарубежных и отечественных исследователей, то повторно – без ссылок [8. С. 43; 14. С. 42].

³ Исследователь сдвинул границу начала нового этапа, в отличие от соответствующей предыдущей статьи, где решающей была названа произнесенная в мае 1962 г. в Болгарии речь Хрущева. По мнению А. А. Стыкалина, причина «поворота» в отношениях» заключалась не столько в высокой оценке руководством СКЮ решений XXII съезда КПСС об углублении десталинизации, сколько в однозначно заявленной Тито готовности встать на сторону КПСС в намечившемся к этому времени конфликте с КПК [1. С. 101].

Вынесение суждения о корреляции «укрепления позиций» Ранковича и улучшения отношений ФНРЮ и СССР (несмотря на использование при этом весьма неопределенного термина «предвозвестие») весьма знаменательно. Его появление является показателем перехода изучения проблемы в новую качественно иную фазу. Вместе с тем сам тезис представляется далеко не бесспорным и требует более внимательного рассмотрения как в части аргументов, приводимых в его поддержку, так и его проверки с использованием доступных ныне к изучению архивных документов и иных материалов.

Ссылки на ряд работ, которыми обосновывается предложенная зависимость двух явлений не во всем убедительны, а также страдают избирательным подходом⁴. Специальный просмотр указанных в ссылке работ на предмет подтверждения тезиса о корреляции роста влияния Ранковича и улучшения советско-югославских отношений приводит к выводу, что наиболее серьезные аргументы содержатся лишь в двух из них. Одна — текст советской аналитической записки от 2 августа 1966 г., хранящейся в РГАСПИ в так называемом «деле» Й. Броз Тито А. Ю. Тимофеевым, изданной в переводе на сербский язык в белградском научном историческом журнале «Токови исторје» [15. С. 118–120]. Данный документ уже известен специалистам. Он имеется в личных делах/досье⁵ нескольких югославских руководителей, хранящихся в РГАСПИ (помимо «дела» Тито [16. Ф. 495. Оп. 277. Д. 21/2. Л. 109–112], так же и в делах/досье А. Ранковича и Э. Карделя). Аутентичность документа сомнений не вызывает и его использование в поддержку тезиса о корреляции уместно, но страдает противоречивостью и избирательностью. Данная справка была подготовлена 2 августа 1966 г. в связи с необходимостью оценки серьезных перестановок в югославской правящей элите, начатых в начале июля того года смещением А. Ранковича с занимаемых им постов. Этот документ уже был ранее введен в научный оборот в России и Сербии применительно к изучению хода советско-югославских отношений середины 1960-х годов [17. С. 168–188; 18. С. 15–39]. Применительно к обоснованию тезиса о корреляции значения усиления позиций Ранковича и улучшения советско-югославских отношений начала 1960-х годов может быть использована лишь та часть документа, в которой речь идет о предыстории событий июля 1966 г. Следует обратить внимание на избирательный подход к данному материалу. При публикации документа уже самим заголовком — «[...] Советский взгляд на политические трансформации в Югославии 1966–1968 гг.» [15. С. 115] — было указано на его односторонность в оценках. Публикаторы и издатели предупреждали, что документ отражает лишь концентрированное

⁴ Помимо этого они, к большому сожалению, еще и небрежно выполнены. В подобных случаях отсутствие указания на необходимые страницы недопустимо, особенно при ссылке на монографию, которая не посвящена исключительно данной проблеме. Отмеченные «небрежности» дают основание с самого начала сомневаться в том, что в приведенных работах действительно содержат аргументы в поддержку указанного утверждения.

⁵ Материалы, поначалу являвшие собой подборку анкет и характеристик, хранившихся в «личных делах» руководящих деятелей югославской компартии еще перед Второй мировой войной, которые вели сотрудники кадровых служб центрального аппарата Коминтерна, после формального роспуска Коминтерна 15 мая 1943 г. продолжили собирать сотрудники международных отделов ЦК ВКП(б)/КПСС и в дальнейшем, когда КПЮ/СКЮ стала правящей партией в Югославии, но они дополнялись и другими материалами. Папки, как правило, по-прежнему имели заголовок «личное дело», но в них включались также и выписки из материалов Посольства СССР в Югославии, имевшие отношение к указанным лицам, газетные вырезки, различные материалы, отражающие основные события и связи объектов анализа и т.п., что позволяет называть их уже не «личное дело», а «досье». В дополнение к большинству из подобных дел/досье, соответствующие сотрудники аппарата ЦК вели также и собственное информационное досье, состоящее преимущественно из материалов ТАСС и публикаций советской печати в связи с объектом информационного изучения.

советское представление относительно развития политико-экономических процессов в СФРЮ и не может быть полноценной исчерпывающей характеристикой югославской действительности, при этом применительно к середине 1960-х годов, т.е. через пять лет после того, как началось упомянутое улучшение отношений Москвы и Белграда. Таким образом, уже сам заголовок свидетельствует об изначальной шаткости использования документа в доказательствах по поводу югославской ситуации начала 1960-х годов.

Помимо этого во введении к публикации А. Ю. Тимофеева содержатся предостережения о противоречивости приводимых в документе рассуждений. Одно из них явно не в пользу аргумента о корреляции роста влияния Ранковича и улучшения югославно-советских отношений: в 1966 г. «советская сторона очевидно преувеличивала» возмужность Ранковича, ибо он с 1963 г. «потерял последние формальные связи с госбезопасностью» [15. С. 117]. Данная констатация означает, что как раз в предшествующий период (начало 1960-х годов) Ранкович эти «последние формальные связи» как раз терял, что явно не свидетельствует в пользу достоверности утверждения об усилении его позиций, как «предвозвестия» активизации советско-югославских отношений в начале десятилетия.

Сходным образом следует оценить и еще один аргумент, предъявленный в поддержку тезиса о корреляции возвышения Ранковича и активизации контактов Белграда и Москвы. В справке от 2 августа 1966 г. имеется абзац, описывающий обострение борьбы в югославской верхушке после публикации Заявления совещания компартий в ноябре 1960 г. В нем сообщается о произошедшей полемике между Карделем и Ранковичем, когда, как указано в документе, последний «высказывался за сближение с СССР и другими социалистическими странами, за необходимость участия в международных совещаниях коммунистических и рабочих партий. Кардель же отстаивал свои ошибочные теоретические положения, настаивал на укреплении связей с Западом» [16. Ф. 495. Оп. 277. Д. 21/2. Л. 110–111]⁶.

В доступных советских документах 1961 г. нет сведений о том, что советские дипломаты имели столь детальную информацию о подобных спорах. Это ставит под сомнение если не истинность этого утверждения, то, по крайней мере, время его появления в советских документах. Документы АВП РФ за первую половину 1961 г. свидетельствуют, что советские эксперты действительно придавали большое значение тому, что югославское руководство воздержалось от обострения полемики с Москвой и сдержанно отнеслось к критике СКЮ, вынесенной в тексте Заявления совещания коммунистических и рабочих партий: ограничилось лишь несколькими статьями и опубликовало под заголовком «Шаг назад» соответствующий доклад В. Влаховича⁷. По всей вероятности, информация о жестокой дискуссии между Карделем и Ранковичем в начале 1961 г. имеет более позднее происхождение, но ее источник неизвестен. В соответствующих информационно-аналитических досье ЦК КПСС сведений или указаний на нее в других документах, за исключением упомянутой справки от 2 августа

⁶ Здесь и далее цитаты даны не в обратном переводе с сербского на русский, а из оригинального документа на русском языке.

⁷ Авторы справочных материалов, готовившихся в посольстве СССР в ФНРЮ полагали (по всей видимости, используя сообщение еженедельника ЦК СКЮ «Комунист»), что 10 февраля 1961 г. имело место расширенное заседание Исполкома ЦК СКЮ, на котором В. Влахович выступил с докладом. Его текст впоследствии был опубликован под заголовком «Шаг назад» [20. Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 195. Д. 26. Л. 74].

1966 г., нет. Более того, само утверждение вызывает обоснованные сомнения и по другой причине. Дело в том, что соответствующий протокол заседания Исполкома ЦК СКЮ от 10 февраля 1961 г. в югославских архивах отсутствует⁸. К тому же доступные ныне к изучению югославские документы, хранящиеся в архивах Белграда, свидетельствуют, что обсуждение в югославском руководстве политики в отношении СССР имело место лишь на представительном совещании у Тито 11 февраля 1961 г., где обстоятельный доклад сделал посол ФНРЮ в Москве Л. Мойсов. [19. Политичка архива (ПА). 1961. Ф. 133. Д. 20/38282]. В данном случае наиболее вероятной представляется следующая версия произошедшего: заседание Исполкома ЦК СКЮ действительно намечалось провести 18 февраля. 14 февраля в рамках его подготовки потенциальным участникам были разосланы необходимые материалы⁹. С учетом того, что в тот же день, 14 февраля, Тито отплыл из гавани города Сплит (Хорватия) в продолжительное африканское турне, заседание 18 февраля если и было проведено в его отсутствие, то точно не было расширенным. Скорее всего оно вообще не состоялось, что и объясняет отсутствие протокольной записи его проведения. Опубликованные же в еженедельнике «Коммунист» 22 февраля «Решение Исполкома ЦК СКЮ по поводу Заявления 81 коммунистических и рабочих партий, датированное 10 февраля, и материал «Шаг назад», названный докладом В. Влаховича, якобы прочитанный на расширенном заседании Исполкома ЦК СКЮ [22. S. 288–298], были обсуждены и приняты заочно или вообще на каком-то ином совещании югославского руководства, документальные свидетельства о котором в архивах пост-югославских стран до настоящего времени не обнаружены.

Следует предостеречь от избирательного использования документа от 2 августа 1966 г. для подтверждения тезиса об усилении влияния Ранковича и активизации отношений Белграда и Москвы. В частности, в нем содержится фраза, позволяющая опровергнуть тезис о корреляции: «После 1961 г. (улучшение отношений с СССР) позиции Ранковича и его сторонников еще более усилились [16. Д. 21/2. Л. 110–111], приведенная в ней последовательность (позиции Ранковича «еще более усилились» после улучшения отношений с СССР) опровергает рассматриваемый тезис о корреляции. Собственно говоря в документе утверждается иное: позиции Ранковича усилились после улучшения советско-югославских отношений, а не наоборот (усиление позиций как «предвозвестие» улучшения отношений).

В более внимательном рассмотрении нуждается и аргументация выдвигаемого тезиса о корреляции со ссылкой на соответствующий раздел («Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций») фундаментального труда Института славяноведения РАН, в котором как доказательство усиления Ранковича приводится факт его упоминания (с февраля 1963 г.) на второй позиции

⁸ Из информации картотеки фонда 507 (ЦК СКЮ) в Архиве Югославии, г. Белград, ясно, что еще при составлении перечня заседаний Исполкома ЦК СКЮ на соответствующей карточке от 18 февраля 1961 г. было указано на отсутствие протокола упомянутого заседания. Помимо этого имеется запись о том, что участникам заседания был направлен проект ответа на Заявление совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в ноябре 1960 г. [21. Ф. 507. III/95. 18 II. 1961].

⁹ В соответствующей карточке картотеки записано, что в подготовительных материалах к заседанию 18 февраля 1961 г. имеются: приглашение на Расширенное заседание Исполкома ЦК СКЮ, намеченное на 18 II 1961 г. с повесткой: 1) Замечания на проект ответа на Заявление совещания в Москве; 2. Форма ознакомления организаций СКЮ с ответом; 3. Разное, а также Список (датирован 14 февраля) лиц, которым был вручен материал для рассмотрения на заседании 18 февраля и проект ответа на заявление, опубликованное в начале декабря 1960 г. после совещания коммунистических и рабочих партий в Москве [21. Ф. 507. III/85].

в списках участников заседаний Исполкома ЦК СКЮ, тогда как в документах, оформляющих заседания высшего руководства в 1961–1962 гг., Ранкович был третьим после Тито и Карделя [2. С. 704]. Наблюдение о месте в иерархии на основе протоколов заседаний высшего руководства – серьезный аргумент¹⁰, учет веса политика при помощи места, отводимого ему во внутренних документах, безусловно, важно. Данный критерий подтверждается на примере С. Вукмановича, который в январе 1960 г. во время поездки в Советский Союз, помимо рутинных контактов по профсоюзной линии, имел продолжительную беседу с Н. С. Хрущевым. Летом 1960 г. его фамилия в протоколе заседания Исполкома ЦК СКЮ была дана четвертой¹¹.

Тем не менее данная аргументация не является подтверждением тезиса о зависимости между ростом влияния Ранковича и улучшением советско-югославских отношений применительно к началу 1960-х годов. До февраля 1963 г. (когда Ранкович становится вторым в списках югославского руководства), т.е. в 1960–1962 гг. (период начальной активизации отношений), он этой позиции не занимал. Следовательно, если судить по этому критерию, Ранкович уступал во влиятельности Карделю, и активизацию советско-югославских отношений в 1960–1962 гг. следует связывать в большей мере с сильными позициями Карделя, чем с усилением Ранковича. Это противоречит утверждению о том, что усиление позиций Ранковича стало предвозвестием улучшения отношений с СССР. Следует также обратить внимание на то, что в этом случае действовала иная зависимость – укрепление связей между Белградом и Москвой, произошедшее в результате визита Тито (с участием Ранковича) в Советский Союз в декабре 1962 г. усилило позиции Ранковича как участника переговоров с Хрущевым (как ранее в случае с Вукмановичем).

С учетом рассмотренных доказательств, позволительно сделать вывод о том, что предложенная аргументация в пользу тезиса о зависимости между «усилением позиций» Ранковича и улучшением отношений Белграда и Москвы противоречива, неполна и, по меньшей мере, недостаточно убедительна.

Для более углубленного выяснения роли каждого из югославских руководителей в активизации связей с Советским Союзом, следует обратиться к традиционному способу – рассмотрению доступных документальных источников (как архивных, так и уже изданных) и на основе их рассмотрения определить место каждого из югославских руководителей в активизации советско-югославских отношений в начале 1960-х годов.

Важным источником, позволяющим лучше сориентироваться в определении влияния того или иного югославского руководителя на формирование политики в отношении СССР являются документы заседаний югославского руководства – Исполкома ЦК СКЮ (доступные исследователям со второй половины 1990-х годов они не были в достаточной мере использованы) и документы Кабинета Президента Республики – прежде всего записи с совещаний, проводившихся

¹⁰Перемещение Ранковича на вторую позицию отражено и в других документах. С начала 1963 г. он был вторым и в списке рассылки важнейших оперативных материалов внешнеполитического ведомства ФНРЮ. Тем не менее не следует скидывать со счетов и версию о том, что его упоминание на второй позиции формально связано с введением новой Конституции ФНРЮ 1963 г. и введением должности вице-президента страны, который достался как раз Ранковичу. По данному формальному признаку он мог считаться вторым лицом в государстве и, действительно, превратился в вероятного (по конституции) «наследника» Президента СФРЮ И. Броз Тито.

¹¹Вукманович был в списке четвертым (после Тито, Карделя и Ранковича), опередив главу оборонного ведомства ФНРЮ И. Гошняка и руководителя коммунистов Сербии П. Стамболчица. [2]. Ф. 507. III/84].

самим Тито (доступны в Белграде исследователям с начала 2000-х годов сначала в архиве Музея Югославии, затем — в Архиве Югославии).

Изучение этого круга документов показывает, что высказывались на них, в основном, Тито и Кардель (в меньшей степени). Ранкович на всех заседаниях в этот период держался в тени, и эти материалы не подтверждают, что именно он, Ранкович, проявил себя как активный и открытый сторонник улучшения отношений с Москвой. В конце января 1960 г. на заседании по поводу обсуждения итогов визита С. Вукмановича в Советский Союз Ранкович не стал выступать, когда докладчик оценил деятельность посла ФНРЮ в СССР Мойсова как провальную и упомянул слова Хрущева о том, что прежний посол (В. Мичунович) лучше действовал на этом посту. Промолчал Ранкович даже тогда, когда Вукманович затронул и тему (из непосредственной сферы ответственности Ранковича в югославском руководстве) прослушивания советскими спецслужбами помещений в здании посольства ФНРЮ в Москве [21. Ф. 837. Кабинет Председника Републике. II-2/178]. Не содержится сведений о выступлении Ранковича по поводу отношений с СССР на заседании Исполкома ЦК СКЮ 12 июня 1960 г. и совещании у Тито 11 февраля 1961 г. [19. ПА. 1961. Ф. 133. Д. 20/39252; Д. 20/39315].

На заседании ИК ЦК СКЮ 13 октября 1961 г., где обсуждались не только итоги Белградской конференции лидеров неприсоединившихся государств, но и достаточно обстоятельно были рассмотрены внутривнутриполитические и внешнеполитические аспекты деятельности СССР, а также предстоящий съезд КПСС, Ранкович, судя по стенографическим заметкам, не произнес даже реплики. Хотя в этот раз, помимо пространных высказываний Тито и Карделя, почти все участники произнесли хотя бы по несколько фраз. Проявляя сдержанность в отношении критики СКЮ в опубликованном в советских СМИ проекте Программы КПСС, югославские руководители не были уверены в успехе избранной ими тактики. В соответствующей части своего выступления Тито продемонстрировал твердость избранного подхода. «На нас непрерывно нападают и на съезде будут опять на нас нападать», — заметил югославский лидер, указав на необходимость «по-прежнему проявлять миролюбие», но вместе с этим «давать отпор глупости [...] в спокойном тоне не только на нападки, но и на некоторые тезисы в Программе». Его поддержал Кардель, который, оценив недавние действия советского руководства в очередном берлинском кризисе (август 1961 г.) как успешные, связав их с вынужденной демонстрацией Советским Союзом военной силы. Выражая опасения по поводу усиления в СССР «военных кругов» и «опасности бонопартизма», популярности утверждений о необходимости ведения «превентивной войны», Кардель назвал опасным такое развитие событий, не исключив возможности того, что «эти силы получают поддержку китайского руководства». Он полагал неприемлемым силовое устранение противоречий вместо «борьбы за [трудящиеся] массы». Как и Тито, он в тот момент не видел каких-либо предпосылок для изменения политики советского руководства в отношении Югославии [21. Ф. 507. III/86. S. 4–6, 8–12]. В сложившейся ситуации Ранкович как раз и мог выдвинуть аргументы в пользу сближения, но вновь предпочел промолчать.

Не дают особых оснований говорить о решающей роли Ранковича в активизации советско-югославских отношений в этот период и документы (доступные пока еще в недостаточном объеме в их советской части), содержащие записи его встреч с сотрудниками посольства СССР в Белграде. Доступные документы в АВП РФ не свидетельствуют об особой активности Ранковича

в пользу развития советско-югославских отношений. В конце февраля 1961 г. состоялась первая встреча советского посла в Белграде А. А. Епишева с Ранковичем как вице-премьером югославского правительства. Формальным поводом для встречи стала необходимость передачи Тито очередного послания Хрущева. Из отчета Епишева о состоявшемся разговоре очевидно, что посол не выделял Ранковича из рядов югославского руководства. Письмо было передано Ранковичу потому, что он «в связи с пребыванием Тито за границей и болезнью Э. Карделя в настоящее время исполняет обязанности Президента ФНРЮ¹². Анализ беседы показывает, что Ранкович в разговоре отделялся дежурными фразами (к примеру, «СИБ внимательно изучит предложения Советского правительства изложенные в Послании тов. Н. С. Хрущева Тито и предложит Президенту республики лично ответить Председателю Совета Министров СССР»), которую можно, конечно, расценивать как демонстрацию намерения рекомендовать Тито поддерживать непосредственный письменный контакт с Хрущевым. Советский посол зафиксировал также и то, что его собеседник «особое внимание обратил на намерение югославо произвести закупку военной техники в Советском Союзе и отметил что, по его мнению, не существует препятствий для успешного завершения переговоров по этому вопросу». В ходе дальнейшей беседы Ранкович говорил с послом по поводу работы в Югославии экспериментального атомного реактора как глава югославской комиссии по атомной энергии, не выходя, таким образом за рамки своих обязанностей. Тот факт, что Епишев отметил заключительную фразу Ранковича: «Еще раз тепло поблагодарил за послание главы Советского правительства и высказал уверенность в том, что все возникающие практические вопросы будут рассматриваться обеими сторонами с полным пониманием» и записал, что «в ходе беседы Ранкович держался приветливо и был подчеркнута любезен», свидетельствует, что посол, по всей видимости, не придавал особого значения роли Ранковича в развитии двусторонних отношений, хотя и обратил внимание на то, что его собеседник в курсе всех их деталей и особенностей (к примеру, поддержал позицию К. Поповича, высказанную в недавней беседе с Епишевым и др.) [20. Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 192. Д. 4. Л. 82–83]. В целом же, анализ приведенной записи свидетельствует, что Ранкович высказывался в пользу развития отношений между ФНРЮ и СССР, но в рамках достаточно сдержанной их поддержки, будучи особо настойчив в пользу их развития лишь там, где это входило в круг его обязанностей.

Данный вывод подтверждают и строки из специального документа от 6 апреля 1961 г., в котором Епишев обобщил свои наблюдения после встреч с Ранковичем, Й. Веселиновым и В. Влаховичем. Оценивая их взгляды на ключевые вопросы взаимоотношений Белграда и Москвы, посол отметил положительную оценку собеседниками советско-югославской декларации 1955 г. Он отметил, что оба политика «в спокойном тоне вели разговор на эту тему, но стремились оправдать линию поведения югославского руководства как в венгерских событиях, так и по вопросу программы СКЮ». Епишев дал Ранковичу следующую характеристику: «в беседе вел себя несколько сдержанно, не стремился разворачивать свои мысли и больше ограничивался общими фразами. Чувствовалось, что он не склонен поднимать спорные вопросы, а больше старался подчеркнуть мысль о необходимости нормализации отношений, но никаких конкретных шагов не называл». Й. Веселинов наоборот в беседе показал себя более

¹² Текст письма от 22 февраля 1961 г. см. [21. Ф. 837 (КПР). I-1/989].

общительным и не прочь, как он сказал «поговорить по душам» [20. Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 192. Д. 4. Л. 157–158].

То, что в Ранковиче советский посол не увидел особо активного сторонника развития отношений с СССР подтверждают и его выводы по итогам поездки, совершенной им в первой половине апреля 1961 г. в Хорватию и Словению. В результате встреч с лидерами республик советский посол получил возможность сравнить взгляды местных руководителей с подходами югославских лидеров в Белграде. Сравнение оказалось в пользу республиканских элит. «Хорватские руководители, — указывал Епишев, — в своих суждениях по поводу внутреннего развития Советского Союза и его внешней политики проявляли определенную самостоятельность и даже смелость, идущие в разрез с официальной политикой» [...] Они прямо говорили, что натянутые отношения между нашими странами мешают им перенимать и применять у себя лучшие советские достижения в различных областях и ставили перед нами конкретные вопросы, решение которых способствовало бы укреплению сотрудничества между нашими странами» [20. Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 194. Д. 24. Л. 24–25].

Наряду с этим имеется достаточно документов, свидетельствующих о значительной роли Карделя в активизации отношений Москвы и Белграда в 1961–1962 гг. Этот политик неоднократно обсуждал с представителями советской стороны вопросы состояния отношений и их перспективы. Его обстоятельный разговор с Епишевым имел место в начале апреля 1961 г., когда собеседники смогли определить принципы развития отношений на ближайший период: при существующих различиях «цели — общие» и следует развивать сотрудничество по всем вопросам, где имеется взаимное согласие для создания условий перехода к «более спокойным» разговорам по вопросам, в которых существуют различия [6. S. 126–127]. Эта беседа имела существенное значение и в связи с тем, что Тито полностью был согласен с соображениями, высказанными Епишеву Карделем. Югославский лидер сообщил об этом в шифротелеграмме от 14 апреля, отправленной с борта яхты «Галеб» [21. Ф. 837 (КПР) I-5-b/99–10]. И данный разговор Епишева с Карделем, и депеша Тито, как и ряд других фактов, приводимых ниже, свидетельствуют, что Кардель в начале 1960-х годов — стадии активизации контактов с Москвой — выполнял роль основного переговорщика от югославского руководства в беседах с советскими представителями. Аналогичных обменов с Ранковичем в бумагах Секретариата Президента ФНРЮ, хранящихся в Архиве Югославии (Белград) в фонде «Кабинет Президента Республики» (фонд 837) исследователями не найдено.

Документы советского внешнеполитического ведомства свидетельствуют о достаточно регулярных встречах Карделя и Епишева в 1961–1962 гг. Так, именно Кардель (после публикации проекта новой программы КПСС с критикой югославского ревизионизма) дал понять советской стороне, что в Белграде предпочитали демонстрировать прагматизм и избегать полемики. Как указывал Епишев после встречи с Карделем в конце сентября 1961 г., его собеседник «и в беседе, и в ответном то-сте подчеркнул, что развивающийся ныне процесс наших отношений достаточно глубок и стоит выше временных “недоразумений и трудностей”, возникающих на его пути». Советский посол обратил также внимание на слова Карделя о том, что «этот процесс имеет прочную основу и перспективы своего развития, несмотря на появляющуюся временами взаимную критику как в официальных документах, так и в печати наших стран». Епишев также зафиксировал несколько образных выражений собеседника, в которых тот пытался описать состояние двусторонних отношений на тот момент. «Совершенно ясно, что мы плывем на одном корабле,

а это главное и определяющее», — было одним из них. Не менее образным было и еще одно: «Представьте себе двух путников, идущих вместе в гору, — говорил Кардель, — Один из них выбился из сил и падает. Второй не должен бить его палкой по голове, а должен помочь ему встать на ноги, чтобы они могли вместе продолжать путь». Советский посол обратил внимание на то, что его собеседник «как бы в шутку заметил, что “мы не считаем себя упавшими”» и ответил ему в тон: «И у нас существует поговорка “лежачего не бьют”». Проанализировав ряд дальнейших высказываний Карделя, Епишев довольно уверенно сделал вывод, что «у югославских руководителей живет надежда на встречу, но в то же время они, видимо, не дошли до того, чтобы проявить инициативу» [20. Ф. 0144. Оп. 47. Пк. 192. Д. 5. Л. 130, 132–133].

Из документов, доступных для изучения в АВП РФ известно еще об одном существенном разговоре Карделя и Епишева, имевшем место на приеме в советском посольстве в Белграде 7 ноября 1961 г. В тот день Кардель от имени всего югославского руководства заявил советскому послу, что оно «расценивает XXII съезд как выдающееся историческое событие, которое окажет большое влияние на упрочение позиций социализма во всем мире». Оговорив, что выражает свое мнение, Кардель отметил, что «по широте и глубине теоретических и практических проблем XXII съезд КПСС значительно превзошел XX съезд». Лестные слова для Москвы Кардель нашел и при характеристике критики советским руководством Югославии на съезде, обратив внимание на ее сдержанный характер. Указав, что накануне начала работы съезда США пытались «дискредитировать Югославию в глазах Советского Союза», но в Москве не поддались на американскую провокацию и критика югославского ревизионизма на съезде велась не с тех позиций, которых желали американцы». При этом Кардель попросил передать слова югославской благодарности за это ЦК КПСС [20. Ф. 0144. Оп. 48. Пк. 197. Д. 1. Л. 40].

Отдельное внимание следует уделить обстоятельствам беседы Карделя с Громыко 19 апреля 1962 г. [25. С. 333–337]¹³ во время визита советского министра в ФНРЮ. Значительное место в ней было уделено обсуждению советско-югославских отношений. Ныне известно, что в директивах Президиума ЦК КПСС, полученных Громыко перед вылетом в ФНРЮ не была предусмотрена ни встреча с Карделем, ни с Ранковичем (только информирование Тито и Поповича по вопросам внешнеполитической деятельности Советского Союза) [24. Ф. 3. Оп. 16. Д. 75. Л. 1]. В югославском варианте записи беседы Тито и Громыко [25. С. 330–333] также нет указаний на то, что вопрос о встрече Громыко с Карделем был поднят со стороны югославского лидера. Эти обстоятельства дают основания для предположения о том, что инициатором дополнительной (вне директив Президиума ЦК КПСС) встречи мог быть сам Кардель, согласовавший ее при участии Епишева.

Вывод, напрашивающийся на основании приведения доступных документов, очевиден. Материалы свидетельствуют о гораздо более значительной роли Карделя, чем Ранковича, в активизации советско-югославских отношений в начале 1960-х годов. Вместе с этим доступные документы свидетельствуют о достаточно скоординированной деятельности Тито и Карделя на советском направлении в это время. Роль и вес Тито в этом процессе были решающими.

¹³Этой беседе в российской историографии придается серьезное значение как «более конкретной и интересной», чем состоявшаяся за два дня до этого (17 апреля) беседа Тито и Громыко [8. С. 52].

На основании изучения документальных материалов из архивов (в доступном в настоящее время объеме для исследования) не остается никаких сомнений в том, что Й. Броз Тито сыграл главную роль в активизации советско-югославского диалога и восстановлении тесных контактов между элитами в самом начале 1960-х годов. Его выступление 12 декабря 1959 г. в Загребе, в котором содержался абзац о том, что «с Советским Союзом наши отношения, за исключением некоторых вещей, хорошие, и мы желаем, чтобы они улучшались настолько это возможно. Во внешней политике очень мало вопросов, по которым мы расходимся или не согласны. [...] Мы не можем все играть только на одной струне. Музыка красива только тогда когда ее исполняют на разных струнах» [23. S. 137–138] стало предвозвестием новой активизации последующего всестороннего взаимодействия Москвы и Белграда. Оно предварило поездку Вукмановича в СССР в январе 1960 г. и его встречу с Н. С. Хрущевым. До настоящего времени исследователями не обнаружено директив, полученных Вукмановичем перед поездкой, но известно, что он имел поручения от Тито для разговора с Хрущевым: по советской записи беседы в отношении Албании (обсудить причины ведения ею антиюгославской кампании) и Китая (информировать Хрущева об отношении китайского руководства к его поездке в США), а по югославским документам, только поручение относительно Китая [25. С. 307, 316; 21. Ф. 837. II-2/178. 21 januara 1960. S. 4; 12]¹⁴.

28 сентября 1960 г. во время консультаций, проведенных Хрущевым и Тито «на полях» сессии ГА ООН, югославский лидер, судя по черновой записи встречи, сделанной его помощниками, по меньшей мере дважды впрямую высказывался в пользу улучшения взаимных отношений. Как известно, ни Кардель, ни Ранкович в это время в Нью-Йорке не присутствовали. В архивах постъюгославских государств к настоящему времени не обнаружено сведений о том, что Тито имел для встречи какие-то директивы или, по крайней мере, заранее обсуждал ее возможность с другими членами югославского руководства. Можно говорить о самостоятельном решении Тито как о данной встрече с Хрущевым и высказывавшихся им в этом разговоре соображениях, так и о согласованной с Хрущевым реализованной впоследствии договоренности об обмене визитами глав внешнеполитических ведомств (состоялись в июле 1961 г. и в апреле 1962 г.).

Среди документов, хранящихся в фонде «Кабинет Президента Республики» (КПР) в Архиве Югославии (Белград) имеются многочисленные свидетельства того, как Тито оказывал влияние на коррекцию курса в отношении Москвы. Так, именно он одобрил принципы активизации отношений между Белградом и Москвой, изложенные Карделем в беседе с советским послом в апреле 1961 г. Помимо этого известна важная поправка, внесенная Тито в инструкцию, разосланную в начале ноября 1961 г. во все диппредставительства Югославии с оценкой XXII съезда КПСС. Тито рекомендовал не акцентировать открыто внимание на том, что в предыдущих спорах с советским руководством именно югославы выступали за необходимость продолжения критики сталинской системы, и оказались правы [21. Ф. 837. СССР. I-5-b/99–10: Instrukcija].

¹⁴ Докладывая на совещании у Тито 28 января 1960 г. о разговоре с Хрущевым в Москве, Вукманович дважды назвал то, что ему следовало передать от Тито Хрущеву сербским словом «порука», имеющим довольно широкое значение: поручение, наказ, сообщение, информация, послание и даже письмо. Со слов Вукмановича, его содержание было следующим: «товарищ Тито обеспокоен возможностью конфликта между Китаем и Советским Союзом, и считает необходимым избежать его любой ценой» [21. Ф. 837. II-2/178].

Из документов ясно, что Тито единолично (нет свидетельств о том, что он об-судил это предварительно с кем-либо из своих соратников) принял решение о заявлении, данном им во время встречи с советским министром иностранных дел Громыко 17 апреля 1962 г. Именно тогда, в соответствии с югославской записью этой беседы, «товарищ Президент выразил мнение, что между нами нет разногласий по основным вопросам, и что в любом случае в будущем [он будет] настаивать на переговорах и [необходимости] являть гибкость». И в то же время Тито в ходе этой встречи фактически отклонил переданное ему Громыко приглашение Хрущева приехать в СССР в ближайшее время, сославшись на занятость [25. С. 332].

На основе изучения доступных к настоящему времени архивных документов и иных материалов можно утверждать следующее:

Данные из архивных документов свидетельствуют о достаточно единой позиции югославского руководства в отношении активизации связей с Советским Союзом в самом начале 1960-х годов. Основную роль при этом сыграл сам Й. Броз Тито, а ассистирующая роль коммуникатора-переговорщика с советскими представителями была отведена Вукмановичу (встреча с Хрущевым 14 января 1960 г.) и Карделю. В том случае, если утверждения о росте влияния Ранковича, зафиксированные в югославских документах (с февраля 1963 г. его фамилия – вторая в списках югославских руководителей и пр.) верны, то этот рост влияния в равной мере можно связывать с уже имевшей место активизацией отношений с Москвой, нашедшей яркое выражение в триумфальном визите в СССР (с 3 по 20 декабря 1962 г.) Й. Броз Тито в сопровождении Ранковича и Веселинова. Однако, как известно, и в ходе этого визита Ранкович оставался в тени первого лица Югославии¹⁵.

Разумеется, при получении исследователями полного доступа к материалам, связанным с возобновлением советских военных поставок в Югославию и вопросами сотрудничества в сфере использования атомной энергии, роль и значение Ранковича в активизации советско-югославских связей в начале 1960-х годов будут более рельефными. Впрочем, не следует придаваться особым иллюзиям в этом отношении. Подходы Ранковича к связям с СССР не менялись после конфликта 1948 г. Известно, что даже осенью 1956 г. (период наиболее благоприятной атмосферы для сотрудничества между СССР и Югославией), Ранкович на встрече 1 октября с делегацией югославских специалистов-атомщиков перед поездкой в СССР рекомендовал «во всех вопросах идти до той границы, где есть наш интерес, не забывая о том, что мы должны сами совершать некоторые уступки за то, что мы запрашиваем у них» [26. С. 143]¹⁶.

Вместе с тем это не означает, что в будущем в сложившуюся на основе доступных к изучению документов картину не могут быть внесены уточнения

¹⁵ В аналитической записке Хрущева в Президиум ЦК КПСС от 4 января 1963 г., советский лидер охарактеризовал его положительно, но не более того. Он ограничился той же характеристикой, что и Епишев в апреле 1961 г.: «С Ранковичем у меня бесед не было. Он сам не изъявлял желания, да и я не стремился к отдельной встрече с ним [...]. Но когда накоротке мы с Ранковичем обменивались мнениями, то чувствовалось, что он настроен дружелюбно, в беседах подчеркивал желание достигнуть лучшего взаимопонимания между нашими странами и нашими партиями» [25. С. 824].

¹⁶ В отношении югославских документов гипотетическую поправку можно сделать на то обстоятельство, что в 1966 г. после снятия Ранковича с занимаемых им постов, в ходе работы специальных комиссий по расследованию его деятельности с заранее обвинительным уклоном, значительная часть записей бесед Ранковича с представителями иностранных государств и партий, а также соответствующая информация, могли быть изъяты и сконцентрированы отдельно. В случае оправданности этого предположения, исследователям предстоит разыскать и ввести в научный оборот эту документацию.

и дополнения (в частности, после того, как исследователям станут доступны такие материалы советского внешнеполитического ведомства, как годовые и квартальные отчеты Посольства СССР в ФНРЮ за 1959–1962 гг. и в полном объеме записи бесед советских послов в Белграде (Замчевского, Епишева и Пузанова), а также временного поверенного в делах СССР в ФНРЮ П. С. Дедушкина с югославскими руководителями). Особо важное значение имеют также материалы за первые месяцы 1962 г., хранящиеся в недоступных исследователям фондах А. А. Громыко и его заместителей, занимавшихся югославским направлением советской внешней политики.

В этом случае станет возможным вынести более обоснованные оценки роли отдельных югославских руководителей в активизации отношений с Москвой в начале 1960-х годов.

Следует также обратить особое внимание на необходимость получения исследователями доступа к советским информационно-аналитическим материалам о положении дел в югославском руководстве в первой половине 1960-х годов с тем, чтобы проследить преемственность оценок о борьбе двух направлений внешнеполитической ориентации, связанных с Карделем и Ранковичем. К настоящему времени о них известно по аналитическим документам последних месяцев 1966 г. и ряду косвенных свидетельств. Пока можно констатировать, что в начале 1963 г. в советском руководстве отсутствовало развернутое представление о двух лагерях в югославском руководстве, изложенные столь ярко и подробно в информационной записке от 2 августа 1966 г. Вместе с тем не следует исключать, что основанием для работы соответствующих советских внешнеполитических служб в дальнейшем в этом направлении могло стать содержащееся в записке Хрущева от 7 января 1963 г. утверждение о том, что у Тито «не всегда с Карделем единое мнение», а также ссылка на то, что во время визита Тито в СССР в декабре 1962 г. в частном порядке «некоторые работники из окружения Тито довольно резко выражались в адрес Карделя, говорили, что он претендует на какую-то особую роль, но ему надо дать отпор, и прочее» [25. С. 823–825]. Впрочем, в дальнейшем это не помешало советским руководителям в октябре 1965 г. пригласить Карделя во главе парламентской делегации приехать в СССР¹⁷.

В дальнейшем представляется необходимым проводить четкую грань между теми обсуждениями политики Югославии в международных отношениях (в том числе контактов с СССР) на совещаниях югославских руководителей и представлениями о влиянии тех или иных политиков в югославской верхушке, которые складывались у советской стороны как на основе донесений соответствующих советских внешнеполитических служб, так и собственных встреч с югославскими представителями. Несомненно, в условиях постоянной критики югославских идеологических воззрений, внутривластной модели, ее внешнеполитического курса и социально-экономических процессов в ФНРЮ, советские лидеры могли оказывать Ранковичу определенные предпочтения, в сравнении с Карделем и остальными руководителями, продолжая надеяться на желательность и необходимость действий по централизации власти в стране под контролем компартии, что могло связываться с именем Ранковича весной 1962 г.

¹⁷ Передав приглашение, посол СССР в СФРЮ А. М. Пузанов в отчете о встрече отметил, что собеседник его с благодарностью принял и заявил о намерении приехать в любом случае: либо во главе делегации, либо на отдых. Интересна характеристика самой беседы, данная Пузановым: «Кардель говорил открыто, с готовностью и обстоятельно отвечал на вопросы». [16. Ф. 495. Оп. 277. Д. 15. Л. 96–97].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Стыкалин А. В.* СССР – Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 50-х – начало 60-х годов) // Славяноведение. 2006. № 3.
2. Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011.
3. *Čavoški J.* Distant Countries, Closest Allies: Josip Broz Tito and Jawaharlal Nehru and the rise of global nonalignment // Nehru Memorial Museum and Library, Occasional Paper. History and Society New Series. № 77. New Delhi, 2015.
4. *Pirjevec J.* Tito in tovariši. Ljubljana, 2011. S. 460–462; Матонин Е. Иосип Броз Тито. М., 2012.
5. *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije: 1956–1961. Beograd, 2006.
6. *Tripković Đ.* Jugoslavija – SSSR 1956–1971. Beograd, 2013. S. 111.
7. *Đimić L.* Jugoslavija i hladni rat. Beograd, 2014.
8. *Новосельцев Б. С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015.
9. *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года и советско-югославские отношения второй половине 1950-х – начала 1960-х годов. // *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016.
10. *Едемский А. Б.* К истокам новой фазы развития советско-югославских отношений в первой половине 1960-х годов // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: К 60-летию К. В. Никифорова. Сб. статей. М., 2016.
11. *Едемский А. Б.* «...разговоры с председателем советского правительства были очень полезными и откровенными» (беседа Н. С. Хрущева и И. Броз Тито 28 сентября 1960 г. «на полях» заседаний Генассамблеи ООН в Нью-Йорке) // Славянский мир в III тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М., 2016.
12. *Гаталовић М.* Косово и Метохија у државној политици Југославије 1958–1965. Београд, 2016.
13. *Едемский А. Б.* Значение событий 1961/62 г. для советско-югославского сближения первой половины 1960-х годов // Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. Сб. статей. М., 2016.
14. *Новосельцев Б. С.* Записка Н. С. Хрущева о беседах с Й. Б. Тито (январь 1963 г.) // Славяноведение. 2015. № 1.
15. *Тимофеев А.* «Није то борба за власт између појединих лица, већ конфликти између идеја и трендова...» Совјетско виђење политичких трансформација у Југославији 1966–1968 // Токови историје. 2010. № 3.
16. Российский государственный архив социально-политической истории.
17. *Едемский А. Б.* За кулисами советско-югославских отношений (июль–декабрь 1966 г.) // Проблемы национальной стратегии. № 1. 2011.
18. *Едемски А. Б.* Иза кулиса Совјетско-Југословенских односа (јул-децембар 1966) // Токови историје. Часопис Института за новију историју Србије N2/2012.
19. Дипломатски архив Министарства спољних послова Републике Србије
20. Архив внешней политики РФ.
21. Архив Југославије.
22. *Petranović B., Štrbac Č.* Istorija socijalističke Jugoslavije. Beograd, 1977. Dokumenti II. Knjiga treća.
23. Tito Josip Broz. Govori i članci. Zagreb, 1962. Knjiga XV.
24. Российский государственный архив новейшей истории.
25. Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М., 2014. Т. 1. 1946–1964. Документы.
26. *Bondžić D.* Ambicija i ilizija. Nuklearna politika Jugoslavije 1945–1990. Beograd, 2016.

© 2017 г. В.В. НИКИТИН

ВИЗИТ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО АЛЕКСИЯ II В СЛОВАКИЮ. ПРИЧИНЫ И ПОДГОТОВКА

В статье на основе архивных материалов рассматривается первый этап словацко-русских отношений в области православия в 1990-х годах, основным событием которых стал визит патриарха Алексия II в Словакию. Работа охватывает время от марта 1995 г. до февраля 1996 г. Анализируются причины приглашения главы Русской православной церкви и подготовка к этому событию.

Using archival documents, the author considers the first stage of Slovak-Russian relations in the field of Orthodoxy in the 1990s, when the main event was the visit of Patriarch Alexy II to Slovakia. The study covers the time from March 1995 to February 1996. It analyses the pretext for the invitation of the head of the Russian Orthodox Church and the preparations for this event.

Ключевые слова: Алексей II, православие, католичество, словацко-русские отношения, внешняя политика.

Keywords: Alexy II, Orthodoxy, Catholicism, Slovak-Russian relations, foreign policy.

В первые три года существования Словацкой Республики (СР) в качестве независимого государства были решены проблемы между греко-католиками и православными. Они возникли еще в середине XX в. и не решались на протяжении нескольких десятков лет. Углублению кризисных явлений способствовало и бездействие чехословацких и словацких властей с конца 1960-х годов вплоть до «бархатной революции».

Примечательно, что в 1995–1996 гг. Словацкая Республика активизировала отношения с Русской православной церковью (РПЦ) главным образом для того, чтобы пригласить в Словакию патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Основной причиной визита стал межконфессиональный диалог в Словакии. Решение имущественных споров между греко-католиками и православными вылилось в развитие православия в Словакии. Урегулирование конфликтной ситуации положило начало строительству новых православных храмов и церквей. Вот как возникшее положение накануне визита Алексия II в Словакию охарактеризовал управляющий делами Прешовского епархиального совета протоиерей Имрих Белейканич: «Его Святейшество Алексей II к нам приезжает в то время, когда уже решены многие проблемы, которые у нас возникли в 1990 г. после принятия законоположения № 211/1990. Тогда мы были практически лишены какого-либо имущественного права на храмы и приходы. Но найдя общий язык с правительством, мы построили новые церкви. Из них около сорока уже введены в эксплуатацию» [1. С. 5].

Взаимосвязь между решением межконфессиональных вопросов в Словакии с приездом Алексия II в Словакию выявилась еще в середине мая 1995 г. Об этом свидетельствует отчет о первой встрече посла СР в Москве Романа Палдана с патриархом. Словацкий дипломат подчеркивал «положительное отношение словацкого руководства к своим гражданам православного вероисповедания». Имелось в виду строительство 45 новых православных храмов. Это стало следствием не только роста количества православных, но и поддержки государства, направленной на «соблюдение принципов свободы вероисповедания» [2. Кр. 89. Fasc. 210—100. Ā. m. 20.642/95-SVV. S. 1].

В начале декабря 1995 г. на трехсторонней встрече посла СР с ватиканским нунцием Яном Буковски и заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата протоиереем Виктором обсуждалась подготовка приезда Алексия II в Словакию. Оба церковных представителя коснулись отношений между униатами и православными в Словакии. Архиепископ Я. Буковский подчеркнул необходимость немедленного решения проблем между двумя церквями в Словакии. Он напомнил, что в ходе визита Иоанна Павла II в Словакию в июне 1995 г. «отказался участвовать во встречах главы Ватикана с представителями разных конфессий только православный архиепископ Николай». Также было заявлено, что «католическая церковь, как основная церковная организация в СР несомненно проявит бóльшую стоворчивость, приняв участие в визите православного патриарха». Посол Р. Палдан отметил, что словацкое правительство в духе своего программного заявления стремится к справедливому решению конфликтных межконфессиональных ситуаций в восточной Словакии. Он напомнил собравшимся о строительстве новых православных храмов благодаря «существенной помощи со стороны правительства. Если такая политика продолжится, то острота раздора должна притупиться».

Протоиерей Виктор заметил, что, как правило, в ходе подготовки визитов патриарха всегда преследуются практические цели. Факт улучшения положения православных в Словакии, «несомненно, прибавил бы этому визиту весомость» [2. Кр. 89. Fasc. 210—100. Ā. m. 24.177/95-PŪ. S. 2].

Итак, церковная политика Словакии и внутренние попытки решения межконфессиональных проблем явились одной из главных причин визита Алексия II в Словакию. Кроме того, они способствовали развитию диалога между Ватиканом и РПЦ. В это время допускалась возможность встречи Иоанна Павла II с Московским патриархом сразу в нескольких странах (например, Венгрии, Австрии, Словакии). При этом основной проблемой серьезно осложнявшей ситуацию было противостояние между православными и униатами. Так в конце 1995 г. протоиерей Виктор заявил словацкому послу, что улучшение положения православных в Словакии ведет к «улучшению атмосферы в общении РПЦ с римской курией» [2. Кр. 89. Fasc. 210—100. Ā. m. 24.177/95-PŪ. S. 2]. А сам Алексей II охарактеризовал этот момент следующим образом: «Для успешного осуществления первой исторической встречи Святейшего Патриарха Московского с Папой римским необходимо подготовить совместную декларацию, в которой наметились бы решения некоторых существенных проблем, главным образом, в отношениях между украинскими православными под юрисдикцией Московского патриархата и греко-католическими верующими». В качестве примера он привел случай с православным кафедральным собором и епископской резиденцией в украинском городе Ивано-Франковске. В июле 1997 г. их планировалось передать Греко-католической церкви, так как они были отняты у нее еще в 1937 г. [2. Кр. 95. Fasc. 256—100. Ā. m. 3.212/97-PŪ. S. 2] С точки

зрения Алексия II, возвращение имущества могло регулироваться численностью того или иного сообщества: оно должно было находиться в руках верующих, численно преобладающих на определенной территории. При этом выдвигалось условие, что они затем позаботятся о «духовных потребностях той конфессии, которая там находится в меньшинстве».

Обращает на себя особое внимание тот факт, что Алексей II в этой связи «вновь указал на практику в Словакии, где словацкое руководство поддерживает строительство храмов для того вероисповедания, у которого на основе реституций было отнято имущество, чем предотвращается эскалация напряженности». По словам патриарха, его приятно удивило, когда во время посещения Прешова его «приветствовали студенты греко-католического богословского факультета, что также свидетельствует о культуре межконфессионального диалога» в Словакии [2. Кг. 95. Fasc. 256–100. Ā. m. 3.212/97-PŪ. S. 2]. Таким образом, можно утверждать, что урегулирование межконфессиональной ситуации в Восточной Словакии способствовало не только осуществлению визита Алексия II, но и созданию положительного образа Словакии в высших кругах РПЦ.

На этом благоприятном фоне словацкие дипломаты лоббировали возможность свидания Алексия II с Папой римским именно в Словакии. На переговорах с протоиереем Виктором 6 декабря 1995 г. Р. Палдан порадовался возможной «исторической встрече» глав двух церквей, которую тогда предполагалось осуществить в венгерском городе Панонгалма. В то же самое время он сожалел о том, что местом этого события не стала Словакия. Именно здесь, с его точки зрения, такое свидание было бы более символичным: с этой территории святые Кирилл и Мефодий начали «распространять христианство и славянскую письменность» среди славян. Кирилла и Мефодия «одинаково чтят православная и католическая церкви. Папа римский объявил их патронами Европы, в Словакии их день 5 июля является государственным праздником». К тому же встреча в Словакии имела бы еще одно серьезное обоснование. Благодаря ее расположению она прошла бы «на рубеже западного и восточного христианства» [2. Кг. 89. Fasc. 210–100. Ā. m. 24.177/95-PŪ. S. 2].

Однако, как сообщил нунций Я. Буковский словацкому послу в конце января 1996 г., встреча в Венгрии «не осуществится по разным причинам». В качестве запасных вариантов были им названы Иерусалим, Сараево, Нитра [2. Кг. 92. Fasc. 256–100. Ā. m. 1352/96-SVV. S. 1]. В конце августа на трехсторонних переговорах представителей Ватикана, РПЦ и словацких дипломатов Р. Палдан вновь предложил город Нитру, как «первое славянское епископство», в качестве места возможного свидания глав двух церквей. Архиепископ Сергей, глава управления делами Московской патриархии сообщил, что оно «может состояться в ходе заседания ассамблеи Всемирного совета церквей» в Граце в июне 1997 г. До того времени предстояло тщательным образом подготовить решение проблемных вопросов, так как ни одна из сторон не была заинтересована в формальной встрече [2. Кг. 92. Fasc. 256–100. Ā. m. 4360/96-PŪ/1. S. 1].

Существовало несколько причин, по которым словацкой дипломатии не удалось склонить представителей РПЦ к согласию на организацию этого события в Словакии. Прежде всего, необходимо указать на ситуацию, связанную с миссионерской деятельностью католической церкви на территории России. В конце октября 1995 г. Алексей II проинформировал словацкого премьер-министра о договоренности двух церквей еще 1993 г. не создавать собственные церковные учреждения на экуменической территории другой. Между тем, на встрече с В. Мечьяром Алексей II не преминул заметить, что Ватикан этот «договор

нарушает, создавая в России свои структуры и даже хочет проводить миссионерскую деятельность» [3. Šk. 142. Č. m. 4161/95. Uznesenie č. 859. S. 4–5]. В конце 1995 г. на встрече в словацком посольстве протоиерей Виктор отметил, что РПЦ «с неодобрением восприняла в начале 1990-х гг. решение папского престола создать католические епархии на территории, управляемой РПЦ» [2. Кг. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 24.177/95-PÚ. S. 2].

Таким образом, у РПЦ имелись существенные проблемы, связанные с политикой Ватикана, а также касающиеся католических храмов. Так, например, в начале 1995 г. храм Вознесения Девы Марии в Москве использовался в качестве склада, несмотря на обещания мэрии передать его в руки католического (в основном, польского) общества. Когда демонстранты, протестовавшие против слишком затянувшегося процесса возвращения храма, захватили в нем часть помещений, милиция их арестовала. Реакция польского МИДа по отношению к этому инциденту, как отметили словацкие дипломаты, была «тревожной». В свою очередь, ватиканский нунций Я. Буковский отнесся к нему «довольно сдержанно». Подобная реакция словацким посольством оценивалась не только как пример сговорчивости, «попытка не нагнетать отношения с Московской патриархией», но и как смысл «миссии отца Буковского в Москве» [2. Кг. 86. Fasc. 256–100. Č. m. 20.630/95-SVV. S. 1]. Сложность ситуации осознавали и в РПЦ, и по мере возможностей пытались помочь католикам. Благодаря позиции патриарха Алексия II, им была возвращена церковь Непорочного зачатия Блаженной Девы Марии в том же 1995 г. [2. Кг. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 24.177/95-PÚ. S. 2].

Отношения, в целом, католической церкви и РПЦ, по словам Я. Буковского и протоиерея Виктора, можно охарактеризовать как «исторически отягощенные, но улучшающиеся. Католическая церковь и РПЦ являются сестринскими церквями с одинаковыми моральными ценностями». Православный служитель на трехсторонней встрече в словацком посольстве оценил значение Второго ватиканского собора как форума, «серьезным образом содействовавшего созданию атмосферы доверия и сотрудничества между папской курией и РПЦ». Он сделал акцент на регулярности консультаций. По его сведениям, в январе 1996 г. должна была состояться встреча в Ватикане. На текущий момент вполне корректно развивались отношения патриархата с архиепископом Москвы и европейской части России Тадеушем Кондрушевичем. Это подтверждалось поиском новых помещений для Апостольской нунциатуры в Российской Федерации. Я. Буковский в ответ посоветовал архиепископу обратиться к МИД РФ с просьбой назначить представителя РПЦ на пост советника по церковным вопросам в посольстве РФ в Ватикане [2. Кг. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 24.177/95-PÚ. S. 2].

Таким образом, обе церкви пытались наладить дружественные отношения. При этом каждая из них стояла на диаметрально различных позициях. Ватикан пытался выдать миссионерскую деятельность за заботу о католических верующих, которую РПЦ рассматривала в качестве прозелитизма. А Московская патриархия, видимо, боялась не только за свою паству на традиционно православной территории, но и ослабления, пусть и в теории, своих позиций перед Ватиканом.

Вторая причина отказа от встречи глав двух церквей в Словакии была не менее существенна. В Дипломатическом архиве МИД СР находится уникальный документ под грифом «конфиденциально» о переговорах Алексия II с Р. Палданом. Он датирован 27 мая 1996 г.

Алексий II на этой встрече отметил, что «среди православных в России, как и между церковными сановниками, господствуют сильные анти-

экуменические, а, в особенности, антикатолические настроения, поэтому *как представитель умеренного, либерального крыла* (здесь и далее выделено в подлиннике.— В.Н.) он должен осторожно подобрать место и обстоятельства встречи с Папой римским». Как уточняется в донесении из Москвы, «в Австрию он приезжает в связи с созывом Второго заседания Всемирного совета церквей (*первое заседание проходило под его руководством в 1989 г. в Базеле*)». В документе подчеркивается, что «встреча с Папой римским внешне будет только дополнительной программой, хотя понтифик приедет туда специально ради него». Что касается переговоров на высшем уровне, то в 1995 г., «Венгрия довольно настойчиво добивалась организации встречи Алексея II с Папой римским (*в связи с тысячелетием монастыря в Панонгалме*). Однако, Алексей II вынужден был от нее отказаться в связи с внутренней оппозицией» [2. Кг. 95. Fasc. 256–100. Ā. m. 3.212/97-PÚ. S. 2].

Таким образом, по наблюдениям и информации словацких дипломатов, патриарх должен был считаться с настроениями в Русской православной церкви и, скорее всего, попытка организации встречи глав двух христианских церквей в то время была преждевременной.

Кроме подробно рассмотренного повода к приглашению Алексея II в Словакию существовали и другие причины этого предстоящего события. Так, например, его инициаторы указывали на необходимость восстановления связей с РПЦ. После «бархатной революции» они прекратились. Именно в таком ключе воспринимался визит Московского патриарха И. Белейканичем. Во-первых, он сделал акцент на «интенсификацию связей с Русской православной церковью». Кроме того, указывалось и на объективную взаимозависимость развития православных церквей. «Мы знаем, что в России происходит серьезное возрождение церковной и религиозной жизни. Из большого опыта РПЦ мы можем заимствовать отделение церкви от государства, которое там существует. В рамках духовного возрождения там возникают новые церковные школы. На подъеме находится теология и святоотеческая литература. При этом языковой барьер между нами совершенно несущественен» [1. S. 5]. К тому же это событие могло стать, и стало, своего рода «пиаром» словацкого православия. Р. Палдан в ходе переговоров с Алексием II уже после его возвращения из Словакии оценил значение этого события в осознании «общих кирилло-мефодиевских традиций и славянских корней, ознакомлении широкой словацкой общественности с русским и словацким православием, его традициями, культурой и современной жизнью» [2. Кг. 86. Fasc. 256–100. Ā. m. 3664/96-PÚ. S. 1].

Необходимо отметить, что эту «внутриправославную» составляющую взаимоотношений России и Словакии поддерживало возрождение православия как в Словакии, так и в Российской Федерации. Началось возвращение имущества Московской патриархии. За десять лет с начала перестройки, по информации Алексея II, возросло количество монастырей с 18 до 301, церквей с 6800 до 17000. Численность духовных семинарий выросла с трех до пятидесяти [2. Кг. 89. Fasc. 210–100. Ā. m. 20.642/95-SVV. S. 1–2].

В это же самое время развивалось, как уже отмечалось, православие и в Словацкой Республике. Весьма позитивным было отношение руководства Словакии к гражданам православного вероисповедания, признавалась их существенная роль в развитии словацкой культуры. Об этом свидетельствовало Программное заявление правительства СР, в котором говорилось о заинтересованности в справедливом решении межконфессиональных отношений между словацкими православными и греко-католиками. «Поддержка строительства

новых церквей свидетельствует о практической реализации этих намерений», говорится в одном из словацких дипломатических донесений [2. Кг. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 23.934/95-PÚ. S. 1].

Обращалось внимание и на социальную составляющую церковной политики. Этот аспект был особо важен для Алексея II. В разговоре со словацкими дипломатами он отметил: «Развиваются и социальные функции церкви – возрождается служение священников и сестер-монахинь в больницах, тюрьмах, социальных учреждениях, армии и т.д.» [2. Кг. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 20.642/95-SVV. S. 2].

Серьезную роль данной сфере отводила и православная церковь в Словакии. Об этом сообщал И. Белейканич словацким журналистам в мае 1996 г. «Развиваем и социальные услуги. Доказательством тому – детский дом святого Николая в г. Медзилаборце. Мы там опекаем 60 сирот, от которых родители отказались. Покажем патриарху, как мы исполняем на деле христианскую миссию – службу христианам» [1. S. 5].

Тот факт, что и президент СР М. Ковач, и премьер-министр В. Мечьяр пригласили Алексея II в Словакию свидетельствовал о том, что данный визит имел более широкое значение, чем сугубо церковное. Как отметил в интервью И. Белейканич, оба словацких политика поняли, что Алексей II имеет значительное влияние на российское общество. «Он – высший авторитет. Единственный человек в России, говорящий от имени самого большого количества верующих, но и православных за границей. В православном мире он – выдающаяся личность. Ведь до своего избрания патриархом он работал на посту президента Конференции европейских церквей. И в христианском экуменическом мире он видный деятель. Именно поэтому Университет им. П. Й. Шафарика ему завтра вручит золотую медаль» [1. S. 5]. Такой же точки зрения об Алексии II придерживались как словацкие дипломаты в Москве, так и церковные круги в Словакии.

Из всего вышеописанного видно, что причины визита были всеобъемлющими и разнообразными: это и межконфессиональный диалог, и состояние православия в двух странах, и роль Алексея II в мировой церковной жизни. Это свидетельствует о важности этого события для молодой Словацкой Республики.

Подготовка к приезду главы РПЦ длилась почти год – по сути дела с марта 1995 г. до февраля 1996 г., хоть и со значительными перерывами.

16 марта 1995 г. президент Словакии Михал Ковач написал письмо Московскому патриарху Алексию. Оно и послужило началом не только подготовки к его визиту, но и отношений между Словакией и РПЦ. Ввиду важности данного документа процитируем его полностью, с сохранением особенностей русского языка¹.

«Ваше Святейшество! Я искренне рад возможности обратиться к вам от моего имени и от имени нашей страны.

Словакия, хотя и недавно появившееся на политической карте Европы суверенное государство, является страной с богатой историей, культурой и религиозной традицией, имеющей свои начала в Великой Моравии. Это государственное образование, которое высоко ценил и воспринимал также философ и византийский император Константин Порфирогенет (Багрянородный. – *В.Н.*), связано с жизнью и деятельностью и Вам близкого князя Ростислава.

Ваше Святейшество, позвольте мне пригласить Вас посетить Словацкую Республику в Вам подходящие сроки.

¹ Письмо было передано словацким послом Р. Палданом Алексию II 25 марта 1995 г.

Лично я счастлив за возможность направить Вам приглашение, подкрепленное желаниями граждан нашей страны, Конференции епископов Словакии. Одновременно я могу сослаться и на полную поддержку представителей других христианских церквей, равно как и Союза еврейских общин в Словакии, который мне, сверх того, напомнил о героизме православного священнослужителя Василия Пташука из деревни Светлице (район города Гуменне), который в трудные годы 1939–1942 окрестил 600 евреев и тем спас много жизней.

Ваше Святейшество! Хочу Вас заверить, что в Словакии Вы будете высокоуважаемым гостем, и одновременно пользуюсь случаем, чтобы выразить Вашему Святейшеству свое высокое уважение» [2. Kř. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 20.412/95 PÚ. S. 1].

Следует обратить внимание на два существенных момента. Во-первых, словацкий президент упоминанием о Великой Моравии и Константине Багрянородном, а также о Василии Пташуке представляет православие как давнюю, историческую, и при этом неделимую часть истории всей Словакии и ее народов с древних времен вплоть до середины XX в. Во-вторых, следует согласиться с наблюдением М. Ковача, что изначально этот визит не носил исключительно политического характера. Приглашение выражало позицию не только официальной словацкой власти, но также и различных церковных структур. Содержание послания свидетельствовало, что приглашение главы РПЦ в Словакию полностью соответствовало внутреннему развитию православия в Словакии.

На встрече с Р. Палданом Алексей II поблагодарил за приглашение и попросил передать словацкому президенту согласие посетить Словакию. О сроках визита он тогда сказать не мог в связи со своей занятостью. Патриарх рассказал о визитах в Венгрию, Болгарию, Югославию, которые осуществил с момента избрания, а также упомянул о том, что он много раз посещал Прагу «в связи со своими функциями в международных экуменических организациях». В 1995 г. уже были запланированы его визиты в Женеву на 50-летие образования ООН и в Германию. Как отметили словацкие дипломаты в донесении Алексей II «довольно часто» путешествует и по России: за пять лет он посетил 42 епархии [2. Kř. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 20.642/95-PÚ. S. 1].

Первоиерарх рассказал словацкому послу о духовном возрождении русского общества и о развитии социальных функций РПЦ. Русская православная церковь, с его точки зрения, должна была в то время полностью погрузиться в процесс миссионерства на своей собственной территории, чтобы «духовный вакуум, возникший после падения коммунистической идеологии, не заполняли разные сектанты из всего мира, развертывающие в России весьма активную деятельность» [2. Kř. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 20.642/95-PÚ. S. 1–2; 4].

Алексий II в ходе встречи с Р. Палданом в марте 1995 г. сделал акцент на миротворческой деятельности РПЦ, предупредив об опасности межрелигиозного противостояния. «Цель христианства – поддерживать мир, спокойствие в обществе и не допускать возникновения социальных конфликтов, тем более конфликтов на религиозной основе». В качестве примера такой деятельности РПЦ он привел «подписание с сербским митрополитом Павлом и хорватским кардиналом Кухарчиком так называемой сараевской декларации, как и совместное заявление первоиерарха Русской церкви и чеченского муфтия, согласно которому чеченский конфликт не должен расцениваться как конфронтация христианства и ислама» [2. Kř. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 20.642/95-SVV. S. 2]. Необходимо заметить, что этот миротворческий образ РПЦ и ее главы Алексия II далее пропагандировался и использовался в Словакии, в том числе в качестве одной из причин

приглашения его посетить Словакию. Именно такой ракурс деятельности РПЦ был более понятен простым словацким гражданам, далеким от православия и межконфессионального диалога. На этом фоне особым образом высвечивалась роль Алексия II в мире и мировом экуменическом движении.

16 июня 1995 г. Московская патриархия отправила письмо Алексия II словацкому президенту: «В ответ на Ваше предложение посетить Словакию в этом году сообщая, что с благодарностью принимаю Ваше приглашение. К сожалению, сейчас не могу Вас проинформировать о точных сроках моего визита, которые будут согласованы в ближайшее время и сообщены Вашему Превосходительству по дипломатическим каналам. Пользуясь случаем, желаю Вам здоровья, благоденствия и помощи Божией в трудах на благо словацкого народа» [2. Кт. 89. Fasc. 210–100. № 1674. S. 1].

В конце октября 1995 г. в ходе визита в Москву словацкий премьер-министр В. Мечъяр встретился с Алексием II, повторив ему уже от себя предложение посетить Словацкую Республику. Он также отметил, что в связи с особым вниманием к кирилло-мефодиевской традиции «встреча патриарха Алексия II с Папой римским Иоанном Павлом II на территории Словакии была бы подходящей». Патриарх еще раз подтвердил согласие посетить Словакию. Он отметил, что хотел бы нанести визит в эту страну в 1996 г. Допустив возможность встречи с папой, Алексей II отметил, что к ней необходимо «основательно подготовиться» [3. Šk. 142. Č. m. 4161/95. Uznesenie č. 859. S. 4–5]. При этом глава РПЦ еще раз обратил внимание на существовавшие проблемы с политикой Ватикана на территории России. Если сопоставить заявления высших представителей РПЦ (протоиерей Виктор, архиепископ Сергей, патриарх Алексей II), напрашивается вывод о том, что это фактически был вежливый, дипломатический отказ, с которым следовало считаться словацкому руководству.

В. Мечъяр и Алексей II также обсудили и вопросы, связанные с внутренним развитием православия в двух странах. После этой встречи началась непосредственная подготовка к визиту Московского патриарха в Словакию. В начале декабря 1995 г. перед трехсторонней встречей словацкого посла Р. Палдана с ватиканским нунцием в РФ Я. Буковским и заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии протоиереем Виктором была подготовлена докладная записка словацким дипломатом Л. Регаком. В ней перечислялись причины целесообразности визита Алексия II в Словакию. Наиболее значимым доводом было внутреннее состояние и положение православия в Словакии. Во-первых, отмечалось как существование «в Словакии 35 тыс. православных христиан», так и месторасположение Словакии на границе западного и восточного христианства. Во-вторых, акцентировалось внимание на православии как части «культуры словацкого народа», которую необходимо развивать. В-третьих, подчеркивался фактор урегулирования проблем между православными и униатами и строительства православных церквей. В-четвертых, указывалось на особую роль словацкого правительства в развитии православия в этой стране.

Не менее существенное место отводилось вопросам, связанным с межконфессиональным диалогом. Так, говорилось о взаимосвязи визита Алексия II с результатами посещения Иоанном Павлом II Словакии. Тогда в эту страну прибыли тысячи католиков из разных стран. В конце первой части докладной записки под названием «Визит Алексия в Словакию» упоминается о миротворческой деятельности РПЦ, в частности о профилактике злоупотреблений религиозной идеологией. Таким образом, участие Алексия II во внешней политике играло

существенную роль в приглашении его в Словакию. Об этом свидетельствовала и его характеристика со стороны не только словацких дипломатов, но и церковных кругов в Словакии как «признанного в мире церковного авторитета» [2. Кг. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 23.934/95-PÚ. S. 1–2].

Во второй части анализируемого документа описывается конкретная программа визита. Планировались встречи с президентом, с председателем правительства и спикером парламента, приветствовалось выступление Алексия II в Национальном Совете СР. Естественно, что в плане особое место отводилось церковно-религиозным мероприятиям: переговорам с представителями церквей и религиозных общин Словакии, посещению резиденции православной церкви в Прешове, богослужениям в православных храмах в Восточной Словакии, «куда приедет достаточно паломников из Польши, Венгрии и Украины». Кроме того, предполагалась «лекция на православном богословском факультете в Прешове» [2. Кг. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 23.934/95-PÚ. S. 3].

6 декабря 1995 г. в Посольстве СР в Москве состоялась трехсторонняя встреча, в ходе которой были обсуждены основные вопросы, касающиеся визита Алексия II в Словакию. Протоиерей Виктор отметил, что визит может быть осуществлен «ориентировочно» в октябре 1996 г. Для его подготовки в Словакию должен был прибыть митрополит Кирилл после Пасхи (после 21 апреля 1996 г.).

Представитель РПЦ на этой встрече отметил четыре существенных момента, связанных с готовившимся визитом. Прежде всего, он посоветовал отправить приглашение патриарху от тех церковных организаций, которые будут участвовать в данном визите. Имелись в виду Конференция епископов Словакии, Экуменический совет церквей СР, Митрополичий совет православной церкви в Словакии, Словацкая протестантская церковь, Союз еврейских религиозных общин в Словакии. Причем это предложение было высказано в форме пожелания Русской православной церкви. Вместе с тем, по словам протоиерея Виктора, широкое представительство приглашавших ускорит его подготовку [2. Кг. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 24.177/95-PÚ. S. 1].

В качестве второй позиции для обсуждения протоиерей Виктор выделил политическую составляющую визита. С его точки зрения, должны были состояться «переговоры с президентом, председателем правительства и представителями церковных кругов, которые будут привлечены к организации визита патриарха». Отмечу, что в обоих случаях речь идет о «личном совете» со стороны представителя РПЦ. Эти предложения ни в коем случае не являлись «официальным требованием». Однако на дипломатическом языке это означало настоятельную рекомендацию по подготовке визита. Тем более, что к этим советам словацкие дипломаты отнеслись весьма серьезно.

В том же самом донесении, в разделе «Заклучения и предложения по дальнейшим мероприятиям», прописан ряд конкретных шагов. Рекомендовалось создать «комитет по подготовке визита Патриарха в Словакию». В его состав предлагалось включить посольство СР в Москве и посольство РФ в Братиславе. Была сформулирована просьба к руководству церквей и религиозных общин в Словакии подготовить официальные приглашения и отправить их дипломатической почтой Русской православной церкви. Во-вторых, словацкие дипломаты настаивали на «приезде в Москву на консультации с митрополитом Кириллом в январе-феврале 1996 г. представителя (представителей) церковной организации, уполномоченной вести координацию действий». Предпочтение было отдано Словацкой епископской конференции или Митрополичьему совету Православной церкви в Словакии. Кроме того, они предложили проинформировать

заинтересованные церковные органы и организации «о намерении российской стороны осуществить визит приблизительно в октябре 1996 г.»

В донесении отмечалось, что Канцелярия президента СР должна выработать свою позицию к данному предложению заблаговременно, дав Алексею II «достаточное пространство для решения о точной дате визита». Дипломаты просили учитывать почтенный возраст гостя. В этой связи визит следовало растянуть на несколько дней и «сбалансировать» программу.

Сотрудниками словацкого посольства в Москве был затронут и планируемый визит председателя Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии митрополита Кирилла для подготовки приезда в Словакию патриарха. Таким образом, словацкие дипломаты попытались максимально учесть пожелания российской стороны.

Третьим, затронутым в ходе встречи вопросом, было обсуждение урегулирования отношений между православными и униатами. Посол Р. Палдан подтвердил стремление словацких властей к справедливому урегулированию конфликтных межконфессиональных отношений в Восточной Словакии, указал на объемы строительства православных храмов на этой территории в качестве результата позитивной работы правительства. Вывод из этого Р. Палданом был сделан следующий: «Если эта политика будет продолжена, острие споров должно притупиться». Словацкого дипломата в этом вопросе поддержал протоиерей Виктор: «Факт улучшения положения православных несомненно увеличил бы значение визита. Кроме того, речь идет и об улучшении атмосферы общения РПЦ с папским престолом».

Особое внимание протоиерей Виктор обратил на опыт подобных встреч Московского патриарха в других странах. Представитель РПЦ посоветовал Р. Палдану, чтобы словацкая сторона изучила практику подготовки визитов Алексея II в Венгрии и Германии. Особенно в последней, так как его ходом «РПЦ и сам патриарх были очень довольны». Именно поэтому словацкие дипломаты предложили МИДу заказать у словацкого посольства в Бонне материалы об этом событии в ФРГ с просьбой отправить в Москву копию [2. Kr. 89. Fasc. 210–100. Č. m. 24.177/95-PÚ. S. 2–3].

Таким образом, в ходе трехсторонней встречи в начале декабря 1995 г. были обсуждены самые разные моменты будущего визита. В известной степени для его успеха использовался опыт встреч Папы римского Иоанна Павла II в 1995 г. В этой связи следует признать, что словацкое правительство не делало большой разницы между посещением Словакии главой Католической церкви и визитом Московского патриарха.

В конце декабря 1995 г. протоиерей Виктор сообщил словацким дипломатам о том, что митрополит Кирилл должен прилететь в Словакию 17 февраля 1996 г. Ему предстояло провести переговоры с православными иерархами, а также встретиться с премьер-министром Словакии В. Мечьяром, министром иностранных дел Ю. Шенком и министром культуры И. Худецом. По данным словацких дипломатов в Москве, посол РФ в Братиславе Сергей Ястржембский заявил о готовности российского посольства «всесторонне участвовать в обеспечении визита митрополита Кирилла в гг. Прешов, Кошице и Братислава» [2. Kr. 90. Fasc. 253–102. Č. m. 24.368/95-PÚ/1. S. 1].

Однако незадолго до визита Алексея II на местном и центральном уровнях в Словакии произошли события, которые могли привести к серьезным последствиям. Согласно программе, патриарх в рамках визита должен был освятить закладной камень для нового православного храма в г. Кошице. Между тем депутаты городского

собрания отказались утвердить продажу участка под данный храм словацкой православной церкви. Министерство финансов СР не удовлетворило просьбу епископа Яна по предоставлению православной епархии в Михаловце 1 млн словацких крон для окончания строительства кафедрального храма, который также должен был освятить Алексей II. В связи с этим архиепископ Прешовский и Словакии Николай, крайне обеспокоенный возникшей ситуацией, обратился с письмом к премьер-министру В. Мечъяру, в котором сообщил и о двух других финансовых проблемах, возникших в связи с запланированным визитом Московского патриарха². «Мы направляем Вам свое письмо ввиду того, что только Вы, многоуважаемый господин премьер, учитывая Ваше влияние, можете нам помочь, – написал в послании представитель Православной церкви Чешских земель и Словакии. – В прошлом мы уже неоднократно убеждались в Вашем искреннем стремлении решать возникшие проблемы в пользу создания положительного образа Словакии [...] Мы обеспокоены достойным ходом визита Его Святейшества в Словакии. Если положение не изменится и в самом ближайшем будущем ситуация не улучшится, мы будем вынуждены созвать чрезвычайное заседание Синода епископов, так как в данной ситуации визит Его Святейшества не может быть осуществлен. Мы боимся того, что все это станет разочарованием для Русской Православной Церкви, а также для нашего православного общества в Словакии» [3. Šk. 163. Fasc. «Rôzne». S. 1–2].

Надо отдать должное В. Мечъяру. Он отреагировал мгновенно. На первом же заседании правительства после получения письма был поставлен вопрос о выделении финансовых средств из «резерва правительства» для «обеспечения подготовки визита Алексея II, патриарха Московского и Всея Руси». Постановлением правительства СР № 292 от 23 апреля 1996 г. были предоставлены финансовые средства на сумму 3,2 млн словацких крон (чуть более 100 тыс. долл. США): 1 млн крон на окончание строительства кафедрального храма в Михаловце, 1,2 млн на отделку фасада и реконструкцию окрестности детского дома св. Николая в Медзилаборце, 1 млн на обустройство богослужения на открытой площадке в Прешове [3. Uznesenie č. 292. S. 2].

Все указанное выше позволяет сделать вывод о том, что отношения между Словацкой Республикой и Русской православной церковью развивались весьма динамично уже с середины 1990-х годов. Способствовало этому приглашение словацких политиков и представителей церкви Алексием II посетить Словацкую Республику. Разнообразные причины, как и тщательная подготовка привели в итоге к успешному «историческому визиту» Московского патриарха в Словакию, который со стороны словацких политиков получил самые высокие оценки. Благодаря этому событию отношения между Словакией и РПЦ продолжали развиваться по нарастающей и во второй половине 1990-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Belejkanič I.* Ľahšie je milovať toho, kto miluje nás. Interview – zhováral sa M. Čurma // *Lúč-Slovenský východ*, 16 V 1996.
2. *Diplomatický archív Ministerstva zahraničných vecí Slovenskej republiky.* Fond Zastupiteľský úrad Slovenskej republiky v Moskve.
3. *Slovenský národný archív.* Fond Úrad vlády Slovenskej republiky 1993–1996.
4. *Archív Úradu vlády Slovenskej republiky.* Č. m. 1962/1998. Uznesenie č. 431.

² Речь шла о нехватке финансовых средств для ремонта фасада детского дома св. Николая в Медзилаборце и для сооружения достойного алтаря и соответствующего оборудования ландшафта для православного богослужения на открытом пространстве в Прешове.

© 2017 г. О.В. ХАВАНОВА

«Я ПОСЛАЛ К НЕМУ АЙХЕНФЕЛЬДА...».
БИОГРАФИЯ И КАРЬЕРА СЕКРЕТАРЯ
АВСТРИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТЕРБУРГЕ

В статье на основании косвенных свидетельств дипломатической переписки и немногочисленных эго-документов восстанавливаются основные вехи биографии и карьеры секретаря, затем советника австрийского посольства в Санкт-Петербурге Иоганна Филиппа Бёслера фон Айхенфельда, служившего в России с 1723 по 1763 г.

Indirect evidence from the diplomatic correspondence and a few ego-documents are used as a basis for a reconstruction of major milestones in the life and career of the secretary, later councillor of the Austrian embassy in St.-Petersburg Johann Philipp Bößler von Eichenfeld, who served in Russia from 1723 to 1763.

Ключевые слова: дипломатическая карьера, биография, Австрия, Россия, XVIII век.

Keywords: diplomatic career, biography, Austria, Russia, eighteenth century.

Главными действующими лицами в межгосударственных отношениях традиционно являются послы и посланники. В раннее Новое время, на заре профессиональной дипломатии, они воплощали фигуру монарха, сегодня – представляют страну и делают официальные заявления от имени ее руководства. При изучении внешнеполитического курса того или иного государства особая роль отводится посольским донесениям (реляциям), в составлении которых послам помогает аппарат миссии – секретари. Именно они фактически обеспечивают бесперебойное сношение между посольством и ответственными за внешнюю политику ведомствами на родине, своевременно информируют обо всем, что происходит в стране пребывания, и составляют аналитические записки о положении в экономике, армии, науке и культуре.

О секретарях, переводчиках или писарях при дипломатических миссиях раннего Нового времени сохраняются, как правило, лишь отрывочные сведения [1–4]. Подлинной удачей исследователя являются те персонажи, чью жизнь можно сравнить с приключенческим романом: они выполняли ответственные поручения, пускались в опасные путешествия, видели разные страны, говорили на нескольких языках и оставили после себя переписку или путевые заметки [5]. Но чаще такие сотрудники проводили жизнь за конторкой, день и ночь переписывали и шифровали дипломатическую корреспонденцию, а если и находились в разъездах по казенной надобности, не оставляли об этом документальных свидетельств. Их жизнь отражена в реляциях начальства, а не в документах,

Хаванова Ольга Владимировна – д-р ист. наук, зам. директора Института славяноведения РАН.

Статья написана в рамках работы над проектом РФФИ (РГНФ) № 15-31-01003а1.

составленных от первого лица. Статья посвящена секретарю (позднее советнику) австрийского посольства в Петербурге — Иоганну Филиппу фон Айхенфельду (Эйхенфельду, ум. 1773). Она не претендует на исчерпывающую биографическую реконструкцию и призвана указать на некоторые общие черты в карьерах младшего персонала посольств в раннее Новое время [6].

«Айхенфельд» является не фамилией, а приставкой к дворянскому титулу, дарованному секретарю австрийского посольства Иоганну Филиппу Бёслеру за многолетнюю безупречную службу при русском дворе. О семье, из которой он происходил, известно мало. Главным образом, это сведения, которые он сам сообщил в прошении о возведении в имперское дворянство, поданном в конце 30-х годов XVIII в. в ведомство верховного гофмаршала. О своих родителях Бёслер ничего не сообщает. Дядья — братья отца — состояли на императорско-королевской службе: Мартин числился таксатором в Чешско-австрийской придворной канцелярии, а Ксавьер — камеральным провизором в Пожеге [7]. Дополнительную информацию можно почерпнуть из составленного в 1773 г. завещания. Там упоминаются брат Антон фон Айхенфельд и золовка Кристина Бёслерин. Скорее всего, у Иоганна Филиппа был еще один брат, который умер до того, как члены семьи получили дворянство, поэтому его вдова оставалась бюргершей [8].

В ряде генеалогических справочников из века в век воспроизводится информация, что секретарь австрийской миссии при русском дворе И. Ф. Бёслер был возведен в дворянское достоинство 8 июля 1710 г. (!) императором Карлом VI [9. S. 266; 10. S. 320]. Между тем, Карл VI (1711—1740) вступил на престол после смерти брата Иосифа I (1690—1711) только в 1711 г., а постоянное австрийское представительство в Санкт-Петербурге появилось не ранее 1721 г. Таким образом, здесь речь идет о типографской опечатке, вызванной внешним сходством цифр «4» и «1», и дворянская грамота с гербом, на котором красовался дуб (по-немецки *Eichenbaum*), была издана в 1740 г. Это совпадает с информацией из придворных «Календарей», где публиковались сведения обо всех официальных лицах при дворе и в государственном аппарате: там секретарь Бёслер впервые назван «фон Айхенфельд» только в 1747 г. [11. 1746. S. 265, 1747. S. 277].

Не удалось найти сведений, где и какое образование получил И. Ф. Бёслер, и при каких обстоятельствах он в 1722 г. отправился в Россию. Для сравнения, о его преемнике известно несколько больше. Дворянин Эммануэль Иоганн Зедделер поначалу выбрал для себя карьеру юриста. Не исключено, к этому его подвиг пример отца — королевского судьи, ведавшего городами в Чехии. В 1750 г. молодой человек уже готовился к публичной защите диссертации, когда последовало предложение, изменившее всю его жизнь — сопровождать барона Иоганна Франца Претлака (1708—1767), направлявшегося послом к русскому двору [12. Fol. 176r]. Зедделера явно готовили на смену Айхенфельду, который к тому времени давно тяготился жизнью в России, однако история распорядилась иначе.

Ни Айхенфельд, ни впоследствии Зедделер не предполагали, что вся их жизнь пройдет вдали от родины. В первые десятилетия работы постоянного дипломатического представительства австрийские посланники и послы проводили в Петербурге не более двух-трех лет. При первой возможности они спешили домой, не выдержав сурового климата и далеких от европейской утонченности нравов русского двора [2; 13]. В 1763 г., не в первый раз прося о долгожданной отставке, Айхенфельд подводил итог: «Я верно, ревностно и со всем усердием служил нашему высочайшему двору при восьми русских правительствах и двенадцати императорско-королевских министрах» [14. Fol. 325r–v].

В отличие от посланников и послов, младший персонал был призван обеспечивать преемственность внешнеполитического курса, держать круг осведомителей, собирать, накапливать, анализировать информацию о дворе и стране. Чем дольше они жили на чужбине, тем лучше разбирались в тонкостях местной политики и легче справлялись со всевозможными заданиями. Если послам, а все они были аристократами, отказать в просьбе об отзыве порой бывало трудно, то мольбы о возвращении на родину секретарей, писарей, переводчиков часто не принимались в расчет. Николас Себастьян Гохгольцер (иначе — Хоэнхольц, Гогенгольц [15. С. 26]), служивший в австрийской миссии в Петербурге с первых ее дней, четверть века обеспечивал бесперебойный характер сношений между двумя державами [11. 1722. S. 240; 1747. S. 277]. У него не было права вести переговоры на высшем уровне или подписывать межгосударственные соглашения, но он составлял от своего имени реляции в Вену, был вхож в дома русских вельмож, его приглашали на балы, царские поездки за город и охоты, где дипломат не переставал отстаивать интересы своего двора [2. S. 151—174, 247—248; 16. С. 16].

И. Ф. Бёслер прибыл в Петербург на следующий год после Гохгольцера. Вместе с посланником графом Францем Вильгельмом Кинским (1679—1749) они составили дипломатический штат австрийской миссии «первого призыва». Их главной стратегической задачей была подготовка австрийско-российского союзного договора. Однако все осложнял императорский титул, принятый Петром I в 1721 г. Тем самым царь не только нарушил баланс сил на континенте, но и испортил отношения с Версалем, Лондоном и Веной [17]. Подписание и ратификация документа затянулись до лета-осени 1726 г. [18. С. 32—44; 19]. Историк международных отношений С. Г. Нелипович в этой связи отмечает: «Россия заняла место в Европейском сообществе, позволившее ей вести самостоятельную внешнюю политику и не поступаться национальными интересами» [15. С. 33].

Война 1740—1748 гг. между Австрией и Пруссией, известная в историографии как война за Австрийское наследство, а также вступление в 1741 г. на российский престол ориентировавшейся на Францию императрицы Елизаветы Петровны (1741—1762), знаменовали начало новой фазы во взаимоотношениях Вены и Петербурга. Чтобы сохранить, действовавший главным образом на бумаге альянс 1726 г., Мария Терезия в 1742 г. согласилась признать императорский титул российских самодержцев [18. С. 129].

Служивший к тому времени в Петербурге двадцать лет И. Ф. фон Айхенфельд полагал, что имеет право на перевод в Вену. Эти планы, однако, перечеркнул скандал вокруг австрийского посланника маркиза Антона Ботта д'Адорно (1688—1774). Для венской дипломатии, сделавшей после кончины Анны Иоанновны ставку на малолетнего Ивана VI (1740—1764) и его мать, регентшу-немку Анну Леопольдовну (1718—1746), приход к власти Елизаветы Петровны, смена правителя, внешне- и внутривполитического курса России [20. S. 344] оказались полной неожиданностью. Хотя достоверных документальных свидетельств против маркиза Ботты нет, не исключено, что он мог предпринимать какие-то попытки повлиять на события путем поощрения оппозиционных настроений в среде старой русской аристократии.

Французская исследовательница Ф. Д. Лиштенан пишет о том времени: «Семейственные кланы интриговали и делились на группировки в зависимости от интересов и симпатий в отношении тех или иных иностранных послов, которые по поручению своих правительств раздували тлеющие при русском дворе

очаги заговора»[21. С. 160]. Маркиз Ботта, по всей вероятности, намекал недовольным «боярам», что при малолетнем Иване Антоновиче им было бы проще вернуть себе былые привилегии. К 1743 г., когда заговор (или «заговор», которого на самом деле не было, а «преступники» оговорили себя под пытками) раскрыли и сурово покарали виновных, дипломат давно покинул страну, отправившись посланником в Берлин.

В ответ на требование Елизаветы Петровны покарать дипломата Мария Терезия назначила судебное расследование, которое не выявило прямой вины Ботты. Чтобы сгладить последствия международного скандала, монархиня в 1745 г. повелела заточить маркиза в крепость [15. С. 299–305; 22. С. 108–141; 23. С. 115–121]. Что же до замены секретаря посольства, в Вене сочли, что в момент, когда две державы оказались на грани разрыва, отзывать опытного, прекрасно ориентирующегося при русском дворе Айхенфельда нецелесообразно [14. Fol. 326r].

Наказание маркиза Ботты, пусть и слишком мягкое в глазах российской императрицы, открыло путь к возобновлению переговоров и подписанию весной 1746 г. нового альянса, открывавшего для России возможность прямого вооруженного вмешательства в дела Европы. Статья 3 союзного договора обязывала обе державы приходить на помощь друг другу в случае нападения внешнего врага и выставлять 30 тыс. человек, из них 20 тыс. – пехоты, 10 тыс. – кавалерии [15. С. 324–327; 18. С. 150–152; 23. С. 70–71; 24; 25; 26. С. 109–110].

Кстати, о том, что австрийцы еще долго не снимали со счетов томившегося в Петропавловской крепости Ивана Антоновича, говорит указание, данное в 1753 г. Айхенфельду по случаю прибытия в Петербург нового посла – графа Миклоша (Николаса) Эстерхази (1711–1764). В ней – по всей вероятности, со слов только что вернувшегося из России посла Претлака – высказывалось предположение, что царевич Петр Федорович (будущий Петр III) слаб здоровьем и может не дожить до восшествия на престол. На этот случай следовало прилагать все усилия, дабы Иван получил воспитание и образование. Тогда Елизавета Петровна назначит его наследником, и, став царем, он не преминет отплатить австрийцам добром [27. Р. 14]. Вопрос об интригах австрийской дипломатии вокруг фигуры Ивана VI требует дополнительных архивных изысканий, которые могут обогатить историю европейской дипломатии новыми интересными подробностями.

Русский историк польского происхождения К. Валишевский, работавший в венских архивах, утверждал, что посланники Марии Терезии даже не читали тех реляций, под которыми ставили свою подпись. То, что их собственноручные заметки на полях донесений или короткие письма государственному канцлеру писались почти всегда на французском языке, навело ученого на ошибочное предположение, будто некоторые из них, возможно, даже не владели немецким [22]. Нет сомнений, что послы перекладывали выполнение рутинных обязанностей на плечи секретарей. В то же время, сам по себе язык донесений не может служить ни прямым, ни косвенным свидетельством чьих-то лингвистических компетенций.

Интересен вопрос, какими языками владели секретари. О Зедделере посол Эстерхази писал, что за пять лет жизни в России тот научился говорить по-русски [28]. Скорее всего, разговорным русским языком владел и Айхенфельд. Историков нередко удивляет то обстоятельство, что переписка австрийской миссии в Санкт-Петербурге с Веней велась не на *lingua franca* европейской дипломатии (французском), а на немецком языке. Ответ, возможно, кроется в том, что ни Гохгольцер, ни Айхенфельд, ни впоследствии Зедделер не владели

деловым французским языком в той мере, какой этого требовал дипломатический протокол [29]. Не исключено, что переход на французский был связан с прибытием в 1785 г. в Петербург нового секретаря фон Рата [11. 1785. S. 280].

После приезда Зедделера уверенность Айхенфельда в том, что его в скором времени ждет отъезд на родину или перевод в другую страну, окрепла. Сначала барон Претлак пообещал, что его скоро отправят в Данию, затем новый посол граф Йозеф Бернес намекнул, что секретарю готовят место в Вене. В 1763 г., подводя итог пребыванию в России, Айхенфельд сокрушался: «Ничему из того, что мне сулили, не суждено было сбыться, я же все это время с неизменной честностью и добросовестностью исполнял свои обязанности» [14. Fol. 325r]. Подобно многоопытному Гохгольцеру, Иоганн Филипп сделался незаменимым для начальства: ловко сводил знакомства с нужными людьми и в кратчайшие сроки получал необходимую информацию от осведомителей или официальных высокопоставленных лиц. В донесениях Эстерхази не раз встречается фраза: «Я послал к нему Айхенфельда...». В любое время года, днем и ночью секретарь был готов отправиться к саксонскому резиденту И.Ф.А. Функу (1713–1777), или российскому верховному канцлеру А. П. Бестужеву (1693–1768), или вице-канцлеру (с 1759 г. – канцлеру) графу М. И. Воронцову (1714–1767), или к анонимному «доброму другу», каковым, по мнению историка Г. Штендмана, был генерал-кригскомиссар А. И. Глебов (1722–1790) [29. С. 67; 30. С. 90]. Отбывший из Петербурга в Вену барон Претлак продолжал вести с Функом тайную переписку, которую ловко прятал в письмах, адресованных Айхенфельду [31. Fol. 44r].

Вопрос о вознаграждении за фактически круглосуточное исполнение регулярных обязанностей и разовых поручений не мог считаться праздным. Между тем, на дипломатической, как и на административной службе, на оплачиваемую должность, как правило, назначали спустя годы безвозмездного труда. Первые четырнадцать лет И. Ф. Бёслер, если верить его прошению, не получал никакого жалования [14. Fol. 235v]. Из прошения Зедделера 1765 г. можно узнать, что повышение до секретаря принесло Бёслеру 1,2 тыс. гульденов в год. С учетом дороговизны, на которую традиционно жаловались все дипломаты, выплату в 1748 г. повысили до 1,8 тыс. гульденов [32]. В 1759 г. посол Эстерхази просил государственного канцлера Кауница, чтобы по возвращении Айхенфельда на родину его пенсия равнялась жалованию (так называемая «юбилеяция») [33. Fol. 4r].

Еще более популярными, чем ламентации по поводу недешево обходящегося дипломатам стремления соответствовать роскоши и расточительности русского двора, были жалобы на невыносимо холодный климат. Айхенфельд гордился своей выносливостью и, хотя постоянно твердил о желании вернуться на родину, в одном из писем к князю Р. Колоредо (1706–1788) сообщал: «Служившие здесь в прежние времена или до сих пор тут находящиеся иностранные министры при всякой возможности поражались, как я смог столько лет прожить в этом невыносимом климате» [14. Fol. 323r]. В будущем и Зедделер не преминет сослаться на «желание быть отозванным из этого во многих отношениях сурового климата» [32. Fol. 71r].

Боевые действия Семилетней войны (1756–1763) [34–36] наложили ограничения на передвижения дипломатов по континенту. Необходимость держать при союзных дворах опытных, пользующихся доверием дипломатов перечеркнула планы на скорый отъезд из Петербурга и посла Эстерхази, и советника Айхенфельда. У первого обострилась давняя желудочная болезнь, второй страдал то сердечными приступами, то воспалениями легких, но отозвать дипломатов в Вену не было никакой практической возможности. Канцлер Кауниц лично просил, чтобы Айхенфельд

потерпел до лучших времен, и тогда по возвращении на родину он не будет знать недостатка ни в заботе, ни в вознаграждении. Послу было наказано освободить советника от утомительной рутинной работы, такой, как шифрование или копирование реляций [37. P. 307]. После этого прошло еще семь лет. За это время Айхенфельд не раз тяжело болел, зрение его ослабло [33. Fol. 3v].

В 1760 г. казалось, что война с Пруссией близка к завершению и вот-вот начнет свою работу мирный конгресс, который венский двор планировал созвать в Аугсбурге. Посол Эстерхази рассчитывал в скором времени покинуть российскую столицу и писал канцлеру Кауницу: «Хотя господин советник Айхенфельд желал бы быть отозванным вместе со мной, поскольку, по всем расчетам, мой преемник граф Мерси до конца зимы будет здесь, и он [Айхенфельд] к тому времени прослужит здесь 39 лет, я не сомневаюсь в его служебном рвении: свое желание и потребность по причине ослабленного здоровья принять лечебные ванны он подчинит интересам государевой службы и проведет несколько месяцев при новом после, чтобы в момент вступления того в должность помочь своими знаниями и опытом, и таким образом довести число посланников и послов, при которых служил, до двенадцати» [38. Fol. 84r].

На «милую родину» Айхенфельд вернулся только в 1763 г. и с тех пор тихо жил в окружении состарившихся без него родственников. Спустя десять лет Иоганн Филипп скончался в нижнеавстрийском Пойсдорфе. В завещании, помимо брата и зловки, упоминались племянники, каждому из которых старик завещал по 2,5 тыс. гульденов. Как истый католик, он заказал тысячу молебнов за упокой души своих родителей, родственников, благодетелей, самого себя и всех праведных бедняков [8].

Зедделер, мечтавший поскорее покинуть Россию, в конце концов провел там столько же, сколько и Айхенфельд – четыре десятка лет. В отличие от своего предшественника, он женился на дочери австрийского офицера на русской службе Крауса, о которой писал: «Она урожденная подданная ее императорского величества и католичка» [32. Fol. 71v]. Зедделер, как и Айхенфельд, дослужился до советника и не раз оставался во главе миссии во время длительных отсутствий князя Йозефа Лобковица (1725–1802). При Людвиге Кобенцеле (1753–1808) за многолетнюю безупречную службу он получил орден св. Стефана и наследственный баронский титул. В 1784 г., по случаю заключения мира с Портой, императрица Екатерина II щедро наградила австрийских дипломатов, и, по сообщениям газеты «Wienerblättchen», Зедделер получил усыпанную бриллиантами шкатулку [39. S. 115]. Когда настал черед возвращаться в Вену, советник позаботился о том, чтобы его сын Людвиг обучался в престижной дворянской академии – Терезиануме [40. S 92.]. Однако молодой человек предпочел сделать карьеру военного в России. Историкам он известен как генерал-лейтенант Логгин Иванович Зедделер (1791–1852), составитель «Военного энциклопедического лексикона».

Итак, Айхенфельд никогда не получал той степени самостоятельности, которая предоставлялась ранее Гохгольцеру и впоследствии Зедделеру. Те, хотя не дослужились ни до посла, ни до посланника, оставили след в истории российско-австрийских отношений уже тем, что собственноручно подписывали составленные ими донесения. Замкнутая холостяцкая жизнь, одиночество и тихая старость в Австрии исключили саму возможность, чтобы память об Айхенфельде жила в веках. До конца службы он пребывал в тени высокопоставленных дипломатов, пожинавших плоды его закулисных игр. Только исследователи внешней политики Австрийской монархии прекрасно знают его крупный размашистый почерк и отдают дань мастерству, с которым Иоганн Филипп лично участвовал в насыщенной событиями истории отношений двух великих держав и фактически вел ее официальную хронику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Legutke D.* Diplomatie als soziale Institution. Brandenburgische, sächsische und kaiserliche Gesandte in Den Haag, 1648–1720. Münster, 2010.
2. *Steppan Ch.* Akteure am fremden Hof. Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016.
3. *Raiter C.* Vermittler zwischen West und Ost: Hofdolmetscher am Habsburger Hof (1650–1800) // Politische Kommunikation zwischen Imperien: der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa. Innsbruck, 2013.
4. *Jucker M.* Gesandte, Schreiber, Akten. Politische Kommunikation auf eidgenössischen Tagsatzungen im Spätmittelalter. Zürich, 2004.
5. *Kármán G.* A Seventeenth-Century Odyssey in East Central Europe. The Life of Jakab Harsányi Nagy. Leiden, 2016.
6. *Khavanova O.* Nyolc uralkodó, tikzenkét követ és negyven év a hideg klíma orszagában // Acta Academiae Agriensis. Sectio Historiae 2017. Vol. XLIV.
7. Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Allgemeines Verwaltungsarchiv. Adel RAA 37.29 (Böbler, Johann Philipp).
8. Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Hofarchive, Privat- und Familienfonde. Oberhofmarschallsamt. 641–12. Testament des Johann Philip von Eichenfeld, 1773. 29 X.
9. *Leupold C. F. B., von.* Allgemeines Adels-Archiv der österreichischen Monarchie. Wien, 1789. Teil 1. Bd. 2.
10. *Hellbach J. Ch., von.* Adels-Lexikon. Ilmenau, 1825. Bd. 1.
11. Kayserlicher und Königlicher, wie auch Ertz-Hertzoglicher und Dero Residentz-Stadt Wien Staats- und Stands-Calender. Wien, 1722–1785.
12. Э. И. Зедделер – В. А. Кауницу, Вена, 24 VI 1760. Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Staatenabteilungen. Russland II. Berichte. Kt. 42.
13. *Штенпан К.* Символическая политика в эпоху оживления австро-русских отношений. Императорский посол Франц Карл граф Вратислав в России (1728–1733) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010.
14. И. Ф. Айхенфельд – Р. Коллоредо, Санкт-Петербург, 29 III 1763. Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Staatenabteilungen. Russland I. Berichte. Kt. 39.
15. *Нелипович С. Г.* Союз двух двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.
16. *Штенпан К.* Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям молодой Российской империи (20-е годы XVIII в.) // Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М.; СПб., 2016.
17. *Burkhardt J.* Die Friedlosigkeit der Frühen Neuzeit, Grundlegung einer Theorie der Bellizität Europas // Zeitschrift für Historische Forschung. 1997. Jg. 4.
18. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: В 15-ти т. СПб., 1874. Т. 1: Трактаты с Австрией 1648–1762.
19. *Штенпан К.* Австро-русский альянс 1726 г.: долгий процесс при общих политических интересах сторон // Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М., 2016.
20. *Brückner A.* Die Euroräisierung Russlands. Land und Volk. Gotha, 1888.
21. *Лиштенан Ф. Д.* Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других. М., 2012.
22. *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. М., 1902.
23. *Лиштенан Ф. Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000.
24. *Karge P.* Die russisch-österreichische Allianz von 1746 und ihre Vorgeschichte. Göttingen, 1887.
25. *Собко Е. М.* Участие России в войне за австрийское наследство 1740–1748 гг. в отечественной историографии // Вопросы истории. 2012. № 1.
26. *Анисимов М. Ю.* Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века. М., 2012.
27. Приложение к инструкции и указанию Марии Терезии для М. Эстерхази, Вена, 21 IV 1756. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. Családi levéltárak. Eszterházy család tatai ága. Gróf Esterházy Miklós levéltára P 218. Uralkodói és kancelláriai utasítások. 3. köt.
28. М. Эстерхази – В. А. Кауницу, Санкт-Петербург, 9 VII 1755. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. Családi levéltárak. Eszterházy család tatai ága. Gróf Esterházy Miklós levéltára. P 218. Követi jelentései másolatok könyvek. 13. köt.
29. *Хаванова О. В.* Австрийские послы и посланники при русском дворе в период охлаждения двусторонних отношений в 60-е – начале 80-х годов XVIII в. // История, язык,

- культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию К. В. Никифорова. М., 2016.
30. *Петрова М. А.* Дипломатическая практика Петербурга и Вены: к истории российско-австрийских отношений второй половины XVIII века // Исторические записки. 2009. № 12 (130).
 31. М. Эстерхази – В. А. Кауницу, Стрельна, 10 VIII 1754. Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Staatenabteilungen. Russland II. Berichte. Kt. 36.
 32. Э. И. Зедделер – Марии Терезии, Санкт-Петербург, 18 VIII 1765. Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Staatenabteilungen. Russland II. Berichte. Kt. 48.
 33. М. Эстерхази – В. А. Кауницу, Санкт-Петербург, 1 IV 1759. Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Staatenabteilungen. Russland II. Berichte. Kt. 41.
 34. *Szabo F. A. J.* The Seven Years War in Europe, 1756–1763. London, 2008.
 35. *Щепкин Е.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны, 1746–1758 гг. СПб., 1902.
 36. *Анисимов М. Ю.* Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014.
 37. В. А. Кауниц – М. Эстерхази, Вена, 11 II 1756. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. Családi levéltárak. Eszterházy család tatai ága. Gróf Esterházy Miklós levéltára. P 218. Követi jelentései másolatok könyvek. 6. köt.
 38. М. Эстерхази – Р. Колоредо, Санкт-Петербург, 23 VI 1760. Österreichisches Staatsarchiv, Wien. Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Staatenabteilungen. Russland I. Kt. 37. 1760.
 39. Wienerblättchen. 1784 10 III.
 40. *Gemmell-Flischbach M.* Album der k.k. Theresianischen Akademie (1746–1913). Verzeichnis sämtlicher Angehörigen der k.k. Theresianischen Akademie (ehemals k.k. Theresianische Ritterakademie) ... mit kurzen biographischen Daten. Wien, 1913.

В. ТАКИ. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М., 2017. 320 с.

Монография Виктора Таки, годом ранее опубликованная в Лондоне на английском языке, определяется самим автором в зачине введения как «первый опыт культурной истории русско-турецких контактов с момента установления дипломатических отношений в конце XV века и вплоть до Крымской войны». Они, согласно этому замыслу, были «важным аспектом российского открытия Востока и не менее важной главой в истории вестернизации российских элит». Помимо участия в дебатах об ориентализме вообще и о российском ориентализме в частности, автор заявил о намерении внести свой «вклад в культурную историю империи, дипломатии и войны» (с. 5). И это не пустые слова: вводный раздел монографии содержит важные пояснения относительно методологической оптики исследования и подчиненного ей композиционного решения. А оно, несомненно, оригинально: разбор мизансцен в дипломатических верхах сменяет жестокая проза турецкого плена, батальное полотно военных кампаний дополняет аллегорическое и моральное портретирование балканских народов.

Впрочем, настройка методологической оптики не лишена трудностей. Следуя за Э. Саидом, Таки определяет ориентализм как «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии Востока и (почти всегда) Запада». Интенция Саида, как известно, состояла в систематическом подрыве этой сконструированной и фетишизированной дихотомии как продукта колониальной экспансии, экономической эксплуатации, военно-политического господства и культурной гегемонии. Поскольку «Восток»

(и равным образом «Запад») переставали быть категориями анализа, эпистемологический сдвиг постколониальной критики направлял внимание к анализу самих мистифицированных категорий и деконструкции лежащих за ними значений. Но как избежать категориально-аналитического использования старой дихотомии?

Предваряющая гипотеза Таки гласит, что «Россия была первой незападной нацией, вставшей на путь сознательной и целенаправленной вестернизации». Напротив, «запоздавшая» с этим поворотом кризисная Турция представлялась удобной (для самоутверждения европеизированной элиты) «противоположностью постпетровской России, которой вплоть до Крымской войны удавалось с видимым успехом перенимать западное знание и технологии власти» (с. 6). Нарисовав такую систему координат, потребовалось сделать сразу несколько оговорок. Под «Западом» не следует понимать «существующую ныне общность ценностей или геополитический союз», хотя «вовлеченность в [...] конфликты наделила западных соседей Московии определенной общностью исторического опыта (Ренессанс, Реформация, научная революция), которая едва ли распространялась на царей и их подданных» (с. 7).

Остается загадкой, следует ли считать такую *прото*западную общность своего рода историческим предначертанием, поскольку «незападный» мир не знал перечисленных в скобках феноменов, или же результатом более сложных взаимодействий на глобальном уровне. Перечень неизвестных России феноменов можно продолжить, невзирая

на их оценку: эпидемия «охоты на ведьм» не докатилась до Московии, зато она знала всплеск автоагрессии и гонений после Раскола. А некоторые страны Европы, в свою очередь, не испытали (полноценной) Реформации, но пережили ее зеркальное отражение – Контрреформацию. Есть и точки соприкосновения: механизм возникновения социальных волнений середины XVII в. в России имеет некоторое сходство с так называемыми синхронными революциями, происходившими одновременно в Западной Европе, а также с «казачьей революцией» в Речи Посполитой)? Являются ли заимствования чужого опыта только уделом «не западных» наций, обреченных на поверхностные имитации в силу несовместимости их культурного фундамента с новоевропейской мутацией? Разумеется, нет! Но и отраженный в глазах восхищенного, подавленного или испуганного смотрящего «Запад» появился не сразу, в петровские и постпетровские времена говорили о «Европах» (с. 8). Может быть, он тоже продукт улучшенного импорта – побочный от европейского ориентализма?

Продуктивной новацией монографии Таки стал отказ от статичности в рассмотрении международных отношений и их реинтерпретация в духе «новой политической истории»: «Сами способы ведения войны и переговоров о мире были предметами борьбы, в ходе которой соперники старались навязать друг другу предпочтительные формы дипломатии и войны и сделать их нормативными. Исследование этой борьбы демонстрирует гетерогенность самого пространства взаимодействия между империями, дополняющую гетерогенность политико-административного пространства самих империй, которую помогла выявить новейшая историография» (с. 20).

Предложенное видение нашло реализацию в первой главе монографии, в которой раннемодерная дипломатия, в силу гипертрофированности ее представительской функции и свойственной ей избыточной ритуальности, характеризуется (со ссылкой на работы М. Фуко) «в значительной степени соотношением тел в пространстве». Поэтому каждая из стадий посольских акций – «путешествие, торжественный въезд и аудиенция – представляла собой определенную разновидность телодвижений, имеющих большую символическое значение», напоминающая «политический театр» (с. 32–33). Автором рассмотрены все

этапы этих церемониальных соревнований, чреватых оскорблением «государевой чести», но все-таки сохранявших функции балансира в межгосударственных отношениях (важное дополнение: так продолжалось, пока Россия не претендовала на черноморские берега). Конфликтная ситуация задавалась расхождениями в посольском обычае, но ее суть лежала глубже: «В то время как османы называли себя “убежищем правителей” и “пристанищем мира” [...] великие князья и цари московские стремились утвердить равенство своего статуса по отношению к султанам, которых они называли “братьями”» (с. 34). Стоит заметить: подобная ситуация не была уникальна и, возможно, еще более рельефно проявилась в отношениях России с цинским Китаем.

По мере вестернизации российской элиты в результате «петровского поворота» и с интеграцией посланников Петербурга в дипломатический интернационал Восточного Рима, турецкие ритуалы подверглись неизбежной ориентализации и, более того, роль «первых учеников» позволяла русским критиковать европейцев за компромиссы в отношениях с Портой и отклонение от стандартов цивилизованности. Парадокс заключался в том, что Турция раньше ознакомилась с европейской дипломатией, а сам Константинополь был первоначально важной площадкой по выработке ее норм, однако инкорпорирование России в этот мир происходило более стремительно. А вот итоговый вывод автора в первой главе (после рассуждений о генезисе «русской угрозы») звучит оригинально, но однобоко: «Как конструируемая культурная дистанция, так и реальное культурное сближение одинаково способны породить политический конфликт» (с. 70). Предложенная последовательность легко переворачивается, и равным образом политический конфликт способен конструировать и культурную дистанцию, и воображаемую близость. На практике эти процессы часто переплетаются и поддерживают друг друга.

Другим методологическим сдвигом, заявленным во введении монографии, стал отказ от текстуального солипсизма в духе Ж. Дерриды, превращающего культурную историю в «замкнутый круг взаимосвязанных референций». Взамен этого Таки высказал предпосылку, «согласно которой анализ текстов может и должен позволять реконструировать социальные феномены как совокупность

конкретного человеческого опыта» (с. 25). Приветствуя это допущение, следует оговориться, что «конкретность» опыта подразумевает его неоднозначность, противоречивость, не говоря уже о различиях у разных социальных агентов, поэтому вряд ли существовал единый и неделимый «русский исторический опыт» даже на элитарном уровне, хотя в нем можно выделить изменчивые доминанты. Кроме того, трансляция опыта в тексте обусловлена коммуникативной ситуацией и (часто) предзаданными формами выражения, поэтому она всегда селективна, что усложняет работу историка, но не лишает ее смысла.

Иллюстрацией сложностей, возникающих на этом пути, является вторая глава монографии об эволюции восприятия турецкого плена. Применительно к допетровской эпохе автор пользуется «расспросными речами», записанными в Приказе Патриаршего дворца. Характер этих свидетельств потребовал сделать как минимум две существенные оговорки. Во-первых, речь идет не о военнопленных, а о обращенном в рабство крымчаками с целью продажи или выкупа служилом и неслужилом населении, как правило, низкого социального статуса. Во-вторых, «ответы пленников выглядят шаблонными, и, судя по всему, хотя бы отчасти несут следы влияния самих расспрашивающих или писцов» (с. 81). Нет никаких сомнений, что клирики из Патриаршего дворца были главным образом озабочены повреждением веры тех, кто возвратился из турецкого плена, рассматривая их как неизбежно отпавших от «благодати» и в качестве потенциальных источников «заразы». Ловушкой для возвратившихся оказывалось то обстоятельство, что шанс на побег появлялся только у тех категорий пленников, которые повышали свой статус в турецком обществе хотя бы на одну-две ступени, а это как раз могло быть следствием принятия ислама. Для нейтрализации обвинений в отступничестве подопечные церковных реинтеграторов сообщали им о своем криптоправославии, даже если сознавались в формальной перемене веры, а также (служилые люди) представляли плен как продолжение царской службы или (позднее) как паломничество к святым местам. Таким образом «язык власти» переплетался в «расспросных речах» с изобретенными под его влиянием стратегиями самозащиты.

Разумеется, совершенно иной характер имеют рассказы о турецком плене

офицеров-дворян «золотого века» русской культуры. Промежуточным звеном между двумя эпохами служит повествование нижегородского купца В. Я. Баранщикова, по-разному изложившего свои мытарства на допросе у губернатора И. М. Ребиндера и в составленной не без участия кого-то из литературного мира Петербурга книге «Нешастные приключения...» (1787). Нет ничего удивительного, что раннеמודерная Россия не знала аналогов многочисленным европейским нарративам о плене, сопряженным со структурой и мотивами плутовского романа (в допетровский период не существовало ни соответствующей ему читательской аудитории, ни самой установки на вертикальную мобильность). Книга Баранщикова восполняла этот пробел как раз тогда, когда жанр последнего возымел некоторую популярность у низового читателя. «Приключения» Баранщикова сопрягались с эстетикой сентиментализма и испытывали возможности элиты соперничать герою-недворянину. «При этом отношение этой публики к пленнику не могло быть и однозначно негативным, хотя бы потому, что некоторые представители российского дворянства попадали в плен во время русско-турецких войн» (с. 98).

Дальнейшее «облагораживание» плена решало загадку сохранения дворянской «чести» в обесценивающих условиях (автор подчеркивает здесь преемственность старой моральной дилеммы – внешнее принуждение и внутренняя реакция, лишь обновившейся в результате секуляризации). Ситуация усугублялась тем, что дворянская «честь», будучи групповым феноменом, подлежала контролю товарищей по несчастью – хотя в чрезвычайных условиях он с неизбежностью ослабевал, – поэтому нередко пленным офицерам приходилось выбирать между социальной и физической смертью. В литературных репрезентациях эта проблема вуалировалась и снималась переносом акцента на страдания пленного; эмоциональным осуждением турецкого варварства или плена вообще (под влиянием европейских образцов); эстетизацией вынужденного шутовства; введением образа «благородного турка» или какого-то другого персонажа в качестве чудесного помощника. Пройдя через такие процедуры, литературный «пленник» становился идеальным объектом для коллективного сопереживания» (с. 116). Следовательно, «амбивалентность» плена можно рассматривать еще и в терминах «травмы» ее

повествовательной, а также социальной «терапии».

Точно так же, как своего рода «травму рождения» петровской империи, можно представить и неудачный Прутский поход 1711 г., поскольку, уверяет автор в третьей главе монографии о «турецких кампаниях», этот поход задал проблематичный сценарий военных действий, который пытались пересмотреть наследники Петра. В результате последовательного чередования «турецких» и «европейских» кампаний, особенно интенсивного на рубеже XVIII—XIX вв., «постулат о превосходстве европейской военной науки уравновешивался идеей о том, что каждый народ [...] выработал свою собственную манеру ведения войны». И это «противоречие между универсалистским и релятивистским определениями военного искусства» (с. 128) затем бесконечно повторялось. Частичным выходом из этой коллизии стала концепция «малой войны», порожденная наполеоновской эпохой. Риторическая ориентализация в описаниях «турецких кампаний», созвучная ратным победам и оправдывающая собственную жестокость (до определенных пределов), тем не менее, осталась неполноценной: «Османская военная организация оказалась в конечном счете слишком самобытна, чтобы восприниматься европейцами и россиянами в качестве прототипа прочих азиатских армий» (с. 167).

Тема российской специфики в дискурсивной ориентализации Османской империи продолжена в четвертой главе монографии, которая посвящена возникновению и обсуждению темы ее упадка. Сложность состояла в том, что сама Россия за ее рубежами часто представлялась как страна не вполне европейская, а самодержавный характер власти порождал ненужные аллюзии в случае критики восточного деспотизма. Поэтому русский читатель мог узнать, например, что этот упадок стал следствием «ограничений, налагавшихся на султанскую власть силой традиции» (с. 190), а переводы иностранных авторов тенденциозно купировались. Первоначально кризис и ослабление Турции толковались либо как следствие изнеженности и дурных страстей, либо как проявление варварства. Но «к середине XIX столетия тема повреждения народных нравов пороками цивилизации вытеснила более раннюю критику враждебности османов просвещению» (с. 198). Осуждение реформ Танзимата в России совпало

с более настороженным отношением к Западу вообще и с общеевропейской ностальгией по «истинному Востоку». Таки трактует национализирующий дискурс «народности» «как свидетельство определенной идейной зрелости, приобретенный наиболее европеизированным сегментом российского общества» (с. 207). Эта критика могла скрывать разные политические установки (либеральную или консервативную), но в любом случае обеспечивала ее авторам «позиционное превосходство», что подтверждает выказанную еще во введении гипотезу о «компенисирующем (неуверенность в себе.— М.Б.) ориентализме» (с. 216).

Таки обратил внимание на то, что «количество русскоязычных публикаций об Османской империи превосходит количество публикаций, посвященных Франции и Германии» (с. 9), и объяснил это «компрессией форм взаимодействия». Если прибавить к «описаниям» переводы с французского и немецкого, а также книги на этих языках, имевшие хождение в России, соотношение резко изменится. «Дневники и мемуары участников русско-турецких войн, рассказы пленных и дипломатическая переписка сыграли роль медиумов, в которых жестокости военного конфликта обрели символическое выражение в репрезентациях военного соперника» (с. 17). И поскольку эти репрезентации с усложнением породили российские варианты дискурсов о Востоке и Балканах, автор пригласил «исследователей, работающих в этом направлении, поразмыслить о том, как образы отдельных империй превращаются в репрезентации исторических регионов» (с. 18). Пользуясь этим приглашением, сразу внесу короткую ремарку: дискурсивное освоение Османской империи как целого продвигалось параллельно с выделением субрегиональных (квазиэтнических, локалистских) фрагментов, а превращение Балкан в отдельный регион стало следствием ожидаемого вытеснения Турции из Европы.

Собственно на фрагментарность знаний о народах Европейской Турции, сохранявшейся вплоть до Крымской войны, указывает и автор в заключительной пятой главе исследования. Однако, по его мысли, она «отражала последовательность “открытия” россиянами подвластных султану народов» (с. 219). Поскольку Таки не дает однозначного пояснения такой последовательности (позволю себе усомниться в ее строгости), она предстает либо просто случайной, либо композиционно оправданной.

Первичным и во многом модельным для российского общества стал интерес к грекам, который обуславливается прививкой классицизма, сразу же приобретшего «геополитические измерения в контексте русско-турецких войн екатерининской эпохи» (с. 221–222). Далее известный «греческий проект» и связанная с ним культурная мифология излагаются со ссылкой на исследования А. Л. Зорина и В. П. Проскуриной. Разочарование в поддерживаемом сверху эллинофильстве привело к противопоставлению «старых» (идеализированных) и «новых» греков. А магнитом для негативных эмоций с конца XVIII в. оказались греки-фанариоты, часть которых тогда или чуть ранее была призвана на российскую службу. Стереотипы «коварства» приписываемые им, по мнению Таки, отчасти были заимствованы из западноевропейской литературы, а отчасти воскрешали формулы грекофобии допетровской эпохи, возникшие еще после Флорентийской унии. Можно указать еще на один канал риторики вражды — деятелей освободительных движений балканских славян. Впрочем, автор не подтверждает свидетельствами значимость *русской* грекофобии вплоть до середины XIX в., хотя, разумеется, на государственном уровне интерес к грекам подчинялся политической актуальности.

Вторичность «открытия» славян корректируется тем обстоятельством, что отношения с черногорцами российской дипломатия и церковь поддерживали, хотя с перерывами, на протяжении всего XVIII в., начиная с Прутского похода. Однако справедливо утверждение, что в широком публичном дискурсе знания о них распространила средиземноморская экспедиция Д. Н. Сенявина и ее мемуаристы вскоре после окончания наполеоновской эпопеи. Примерно к этому же времени относится популяризация сербов. «В глазах россиян сербы могли быть одновременно доблестными героями, благородными дикарями и истинно

православными людьми. Это почти невозможное сочетание религиозных, классицистских и руссоистских черт объясняет, почему в первые три десятилетия XIX века сербы практически монополизировали внимание» (с. 241). Опущены другие очевидные объяснения: сербские восстания 1804–1813 и 1815 гг., опередившие Греческую революцию; готовность правительства России поддерживать освободительные устремления «малых народов» в условиях ширящейся французской экспансии; славянизация сознания определенной части российской элиты на фоне общего патриотического подъема.

В свою очередь задержка в обращении внимания российской публики к болгарам или румынам, отмеченная автором монографии, по-видимому, объясняется более поздним проявлением их национальной активности. Раздражение от вестернизации румынской элиты после реформ 1830-х годов, хотя и могло объясняться ее «неславянским происхождением» (с. 261), уже в середине XIX в. не было исключительным. Вопреки панславистскому настрою то же раздражение испытывали авторы, посетившие Сербию и даже Черногорию: они возлагали надежды преимущественно на простой народ. А «моральная палитра» (с. 262), которая использовалась для определения «национальных характеров» Европейской Турции, конечно, не зависела полностью от модельных портретов греков, но подчинялась, скорее, традиции тогдашнего «статистического народознания» и популярным литературным амплуа.

Придирчивый взгляд может обнаружить в монографии В. Таки и некоторые другие частные поводы для полемики, однако это не умаляет главной заслуги автора: ему действительно удалось по-новому посмотреть на историю отношений России и Турции.

2017 г. М. В. Белов

А.Л. КУЗЬМИНЫХ, С.И. СТАРОСТИН. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.). Вологда, 2014. 688 с.: илл.

Рецензирование научного издания сопряжено с большой ответственностью. Самое трудное в процессе рецензирования – определить, вносят ли авторы вклад в науку. Как известно, науку делают те, кто, исследуя неосвоенные проблемные поля, формулируют принципиально новые концептуальные подходы, выводы и оценки. Четверть века тому назад постсоветские историки, сконцентрированные на советско-польских отношениях, стали осваивать одно из таких полей – «историю репрессий против поляков и польских граждан в период сталинизма» (с. 14). Жертвами подобных репрессий стали не менее 700 тыс. человек.

В указанное проблемное поле органически вписывается предмет исследования книги «Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.)», написанной вологодскими учеными. Главная цель настоящей рецензии: дать комплексный анализ этой книги. Логика дальнейшего изложения требует показать, что было конкретно сделано постсоветской историографией по исследованию репрессий против поляков и польских граждан в период сталинизма до выхода данной книги. При этом надо иметь в виду два параметра: общесоюзный и региональный.

По общесоюзному параметру капитально проработаны следующие позиции.

Первая позиция: исследование репрессий, датируемых 1937–1938 гг. Квинт-эссенция выводов и оценок по этой позиции такова. «В 1937–1938 гг. поляки стали одной из самых многочисленных национальных групп, на которую обрушился маховик “Большого террора”. Эта репрессивная кампания получила наименование “польская операция”. Любой советский гражданин, имевший польскую фамилию или польские корни, оказывался потенциальной жертвой карательной машины НКВД. Практически во всех регионах СССР, в столичных городах и глубокой провинции, проходили массовые аресты и допросы, выносились приговоры, содержание

которых было заранее predetermined. В целом по польской операции было осуждено 139 835 чел., из которых 111 091 чел. были расстреляны и 28 744 чел. направлены в исправительно-трудовые лагеря» (с. 14).

Вторая позиция: выявлено влияние советско-германских договоренностей 1939 г. на характер, цели и масштабы репрессий. В результате этих договоренностей СССР получил поддержку Германии на включение в свой состав Западной Белоруссии и Западной Украины, которые до этого были частью территориального массива польского государства. В сентябре 1939 г. Западная Белоруссия и Западная Украина стали объектами советского военного присутствия. Вместе с Рабоче-крестьянской красной армией (РККА) сюда пришли сталинские чекисты. Благодаря интенсивным изысканиям ученых-историков тезис о преступлениях сталинского режима был подкреплен следующими фактами по второй позиции. «Военнослужащие польской армии, захваченные на занятых территориях (248 тыс. чел.), были обезоружены, а половина из них (125 тыс. чел.) – направлена в лагеря НКВД. Большинство солдат вскоре были освобождены (42 тыс. чел.) или переданы германским властям (43 тыс. чел.). Остальные (около 25 тыс. чел.) удерживались в советском плену и привлекались к труду на советских предприятиях и стройках.

Наиболее трагическая судьба выпала на долю офицеров польской армии, сотрудников полиции, пограничной охраны (15 тыс. чел.), которые на основании секретного решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. были расстреляны под Калинином, Смоленском и Харьковом, как “заклятые враги советской власти”. Та же участь постигла 11 тыс. польских узников тюрем УНКВД Западной Украины и Западной Белоруссии.

Массовой депортации подверглось польское население в присоединенных к СССР территориях. Около 320 тыс. чел. были высланы в северные и восточные регионы страны» (с. 14–15).

Третья позиция: решение учеными ряда проблемных вопросов, касающихся отрезка времени, относившегося к 1944–1945 гг. Стартовая точка этого отрезка – смена германского военного присутствия на польской земле советским. Несомненно, полное освобождение страны от германских агрессоров, для которых Вторая мировая война началась с польской земли, имело огромное историческое значение. У самих поляков сил и средств для этого не было. Конечно, эта констатация не умаляет роли польского Движения сопротивления. Но факт остается фактом: РККА – главная освободительница Польши. Вместе с тем вслед за РККА по польской земле двигались представители советских спецслужб, которые отметились здесь многими зловещими страницами. «Органы военной контрразведки “Смерш” и НКГБ–НКВД арестовывали лиц, сотрудничавших с немецкими оккупантами, членов польского движения сопротивления и всех, кто представлял потенциальную опасность для советской власти. Главный удар был направлен против подпольной Армии Крайовой, напрямую подчинявшейся польскому правительству в Лондоне. По данным исследователей, от 39 до 48 тыс. поляков были арестованы и интернированы на территорию СССР. В местах лишения свободы они содержались наравне с заключенными и военнопленными гитлеровской армии и были возвращены на родину спустя несколько лет после окончания войны, за исключением тех, кто был осужден и переведен в лагеря ГУЛАГа» (с. 15).

По региональному параметру прослеживается не меньшая продуктивность исследования. «В отличие от других регионов России, в Вологодской области история репрессивной политики советского государства в отношении польских граждан стала предметом специального исследования лишь недавно» (с. 19). Первая соответствующая публикация датируется 1994 г. Она принадлежала В. Б. Конасову и В. В. Судякову. Указанная проблематика разрабатывалась также в трудах А. Л. Кузьминых, С. И. Старостина, А. Б. Сычева.

«Анализ региональной историографии позволяет сделать вывод, что, несмотря на активное изучение (в 1994–2014 гг. – рецензенты) репрессий против поляков на вологодской земле, до 2014 года отсутствовал обобщающий труд по данной теме. Именно эту задачу и призвана решить рецензируемая книга [...] Авторы рассматривают подготовленное издание не только как дань памяти пострадавшим от сталинского террора польским гражданам, но и как

попытку разобраться в собственном тоталитарном прошлом» (с. 21).

Главная научная ценность книги – системная реконструкция датируемого 1937–1953 гг. отрезка в жизни тысяч поляков и польских граждан, когда им пришлось пройти в Вологодской области через репрессии, плен, спецпоселение. Осуществляя системную реконструкцию, авторы одновременно выступали историками, политологами, правоведами, этнографами, культурологами, социологами, психологами. Они отлично разобрались в механизме функционирования пенитенциарной системы. Попутно заметим, что доктор исторических наук А. Л. Кузьминых преподает будущим сотрудникам этой системы в Вологодском институте экономики и права Федеральной службы исполнения наказаний. Естественно, базисом исследовательского процесса выступил комплексный подход, который у А. Кузьминых и С. Старостина блестяще коррелируется с институциональным, системным, социокультурным, проблемно-хронологическим подходами. Перед нами образец реализации принципов историзма, объективности, всесторонности, системности, междисциплинарности научного анализа.

А. Л. Кузьминых и С. И. Старостин применяли как общенаучные, так и специальные исторические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, абстрагирование, конкретизация. Весьма успешно сработал и тот сегмент методического арсенала, который включает историко-типологический, историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, историко-культурный методы. В методический арсенал органически вписались три вспомогательных метода: сравнительно-правовой, текстологический, статистический.

Становой хребет рецензируемой книги – обобщение гигантского фактологического массива, впервые введенного в научный оборот. «Книга основана на комплексе документов из центральных и местных государственных и ведомственных архивов: Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, архива Управления Министрства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области, архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области, Государственного архива Вологодской области, Государственного архива Кировской области, Вологодского областного архива новейшей политической

истории, Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Наиболее ценные архивные документы, выявленные в процессе подготовки книги, авторы сочли необходимым опубликовать в оригинале.

Нашли отражение на страницах книги и документы личного происхождения — воспоминания и письма репрессированных. Они позволяют ощутить человеческое измерение жизни в условиях несвободы, увидеть описываемые события глазами их непосредственных участников» (с. 21).

Первая глава книги называется «“Большой террор” и “польская операция” (1937–1938 гг.) на территории Вологодской области». И в этой, и в последующих главах авторы показывают, что в СССР был напрочь исключен из реальной практики принцип презумпции невиновности. Никак не стыковались с этим принципом два документа, которые предreshали судьбу многих тысяч людей. Эти документы существовали для сталинских чекистов в одной связке. Они датированы одним числом. «11 августа 1937 г. вышел оперативный приказ НКВД СССР № 00485, положивший начало массовым репрессиям в отношении поляков [...] Одновременно с приказом № 00485 за подписью Н. И. Ежова в местные органы НКВД было направлено “Закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР” [...] В целом, Комиссия НКВД и Прокурора СССР в период с ноября 1937 г. по май 1938 г. рассмотрела 9 “альбомов” на лиц, обвиняемых в шпионской и диверсионной деятельности в пользу Польши на основании приказа № 00485 от 11 августа 1937 г., предоставленных УНКВД по Вологодской области, и 5 “альбомов”, предоставленных ДТО ГУГБ НКВД СЖД.

Всего в ходе “национальных операций” по делам УНКВД по Вологодской области, представленным в Москву, были рассмотрены материалы по обвинению “в шпионской и диверсионной деятельности” в отношении 290 чел., из которых 221 чел. осуждены к высшей мере наказания, 66 чел. — к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, в отношении 1 чел. дело передано на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, в отношении 2 чел. — в суды общей юрисдикции, в том числе по “польской операции” — 133 чел. (ВМН — 104 чел., 10 лет ИТЛ — 29 чел.) [...]

В то же время по делам ДТО ГУГБ НКВД СЖД были рассмотрены материалы в отношении 239 чел., из которых 100 чел.

были осуждены к ВМН, 112 чел. — к 10 годам ИТЛ, 9 чел. — к 8 годам ИТЛ, 3 чел. — к 5 годам ИТЛ. В отношении 7 чел. дела были переданы на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, в отношении 2 чел. — в Линейный суд СЖД, в отношении 6 чел. — направлены на следствие. По “польской операции” сведения выглядят следующим образом: 119 чел. (ВМН — 49 чел., 10 лет ИТЛ — 55 чел., 8 лет ИТЛ — 5 чел., 5 лет ИТЛ — 2 чел., 4 чел. — в Военную коллегию Верховного суда СССР, 2 чел. — в Линейный суд СЖД, 2 чел. — на следствие) [...]

Репрессированные Комиссией НКВД и Прокурора СССР по “польской операции” составляли большинство: по делам УНКВД по Вологодской области — 45,9% (133 из 290), по делам ДТО ГУГБ НКВД СЖД — 49,8% (119 из 239). “Польская операция” стала третьей по количественному составу репрессированных» (с. 25, 28, 30–31).

Конечно, у репрессированных есть потомки, есть и поныне живущие родственники. Они крайне заинтересованы в точной информации об анализируемой категории лиц. Такую заинтересованность удовлетворяет содержащийся в первой главе «поименный список граждан, репрессированных на территории Вологодской области в ходе “польской операции” 1937–1938 гг. В биограммах указаны фамилия, имя, отчество; год и место рождения; место жительства; национальность; сведения о датах ареста и осуждения; органе, принявшем решение о применении репрессии; дате приведения приговора в исполнение; дальнейшей судьбе или месте отбытия наказания; дате и органе, принявшем решение о реабилитации» (с. 33).

Предмет исследования второй главы — военнопленные и интернированные поляки в лагерях и спецгоспиталях Вологодской области (1939–1949 гг.). Это один из аспектов, который связывает Западную Белоруссию и Западную Украину. К сожалению, сюжетная линия второй главы пока никак не отражена в экспозициях западно-белорусских музеев. Для восполнения этого пробела необходима кооперация усилий сотрудников музеев Западной Беларуси и Вологодчины.

Завязка сюжета общеизвестна. 17 сентября 1939 г. РККА перешла советско-польскую границу. А уже «19 сентября нарком внутренних дел Л. П. Берия подписал приказ № 0308 “Об организации лагерей военнопленных”. Этим приказом учреждалось Управление НКВД СССР по военнопленным (УПВ НКВД СССР),

а также развертывалась сеть из 8 лагерей для военнопленных. Вскоре были сформированы еще два лагеря – Вологодский (Заоникиевский) и Грязовецкий, находившиеся на территории Вологодской области [...] Первые эшелоны с военнопленными прибыли на вокзалы Вологды и Грязовца 4–6 октября 1939 г.» (с. 101–102).

Эти лагеря не оставались неизменными в плане контингента военнопленных, отношения к ним советских компетентных органов. Авторы показывают, что Грязовецкий лагерь стоял особняком в союзном интерьере. «Несмотря на разницу в возрасте, воинском звании и национальности, пленников Грязовецкого лагеря объединяло одно обстоятельство: большинство из них представляли интерес для советских спецслужб и полторганов» (с. 105). Именно этим можно объяснить следующее обстоятельство. «Материально-бытовые условия в Грязовецком лагере отличались в лучшую сторону от других лагерей и тюрем НКВД. Здесь лучше кормили, не докучали обысками и допросами, внимательно относились к просьбам и ходатайствам» (с. 105).

Авторами проанализированы настроения среди польских военнопленных. Перед читателем предстает мозаичная картина. Среди польских военнопленных были и левые, и правые, и центристы. Дифференциация прослеживалась также по отношению к СССР. Преобладали те, кто оставался верен польскому эмигрантскому правительству во главе с Сикорским, которое до июля 1941 г. придерживалось теории двух врагов: СССР и Германии. Без изъятий показаны межнациональные противоречия внутри исследуемого контингента.

В истории лагеря произошли серьезные изменения после нападения Германии на СССР. В июле 1941 г. Кремль и правительство Сикорского стали союзниками. Грязовецкий лагерь был втянут в искусную игру Сталина в отношении своего союзника. А. Л. Кузьминых и С. И. Старостин показывают, что «Грязовецкому лагерю принадлежит важнейшая роль в формировании польской армии в СССР. Он стал местом концентрации уцелевшего в катынской бойне польского офицерства. Бывшие “грязовчане” составили костяк армии В. Андерса, формируемой на территории СССР для участия в боевых действиях на советско-германском фронте. Элита этой армии, по замыслу советских властей, должна была стать оплотом

будущего польского государства просоветской ориентации. Увы, этим планам не суждено было сбыться. Армия Андерса на территории Советского Союза в сражениях так и не участвовала, а летом 1942 г. по решению кабинета Сикорского была выведена на территорию Ирана» (с. 117).

Не секрет, что в годы Великой Отечественной войны часть уроженцев Польши воевала на стороне германцев, противостоявших РККА. В этой части были и те, кто оказался в советском плену. К ним надо приплюсовать тех уроженцев Польши, кто был интернирован. «Вологодская область стала одним из регионов СССР, где дислоцировались учреждения для военнопленных и интернированных. Через шесть лагерей с 35 лагерными отделениями и девятью спецгоспиталями прошло свыше 60 тыс. иностранных военнослужащих и гражданских лиц 30 различных национальностей. Среди них, согласно документам НКВД–МВД, были 1450 поляков (988 военнопленных и 462 интернированных). Возможно, эта цифра является неполной, так как документация не всех лагерей и спецгоспиталей содержит сведения о национальном составе контингента.

Одним из наиболее крупных в регионе являлся Череповецкий лагерь-распределитель № 158, сформированный на основании приказа НКВД СССР № 001156 от 5 июня 1942 г. для приема военнопленных с Карельского и Волховского фронтов» (с. 118).

Через два года в городе Сокол появился лагерь № 193. Здесь от военнопленных требовался рабский труд на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности. Всего за годы существования лагеря через него прошли 363 поляка (с. 119).

После Великой Отечественной войны был построен еще один лагерь. «В октябре 1945 г. в окрестностях Череповца начал функционировать лагерь военнопленных под номером 437. Он располагался в селе Богородское, в полутора километрах западнее г. Череповца, и предназначался для содержания старшего и младшего командного состава германской армии. Через лагерь прошло 478 поляков. Наиболее крупный этап поляков (359 интернированных) поступил 12 июля 1947 г. из лагеря № 454 (г. Рязань). В 1947–1948 гг. 148 интернированных поляков (переведенных из лагерей № 158 и 437) содержались в Грязовецком лагере № 150. Рассредоточение поляков по разным лагерям, вероятно, было продиктовано стремлением руководства НКВД–МВД

предотвратить групповые акции неповиновения, вызванные задержкой репатриации. Анализ статистики лагерей № 158 и 193 показывает, что поляки, служившие в вермахте, в подавляющем большинстве были репатрированы осенью 1945 г.» (с. 120).

Глава третья посвящена польским спецпереселенцам на территории Вологодской области. Ее хронологические рамки охватывают 1940–1946 гг. Стартовые точки первых трех депортаций поляков и польских граждан других национальностей из Западной Белоруссии и Западной Украины после включения этих регионов в состав СССР были таковы. Первая депортация началась 10 февраля 1940 г., вторая – 13 апреля 1940 г., третья – 29 июня 1940 г. За месяц с небольшим до начала Великой Отечественной войны стартовала четвертая депортация. Каждая из перечисленных депортаций охватывала строго определенный круг лиц. В результате первой депортации на место назначения прибывали спецпереселенцы-осадники, второй – административно высланные «члены семей репрессированных», третьей – спецпереселенцы-беженцы, четвертой – ссыльнопоселенцы.

«К ноябрю 1940 г. в Вологодской области окончательно сформировалась система учреждений для польских спецпереселенцев, состоявшая из 34 спецпоселков (20 – для осадников и 14 – для беженцев) и одного инвалидного спецдома, находившихся в 17 из 43 существовавших тогда административных районов области [...]

К началу 1941 г. в Вологодской области находилось 13 262 спецпереселенца, из которых 13 139 (осадников – 9 270, беженцев – 3 869) проживали в 34 спецпоселках. Еще 103 чел. содержались в инвалидном доме и 20 – в детских домах

(16 детей беженцев и 4 ребенка осадников). По числу польских спецпереселенцев Вологодская область находилась на шестом месте после Архангельской (53 021 чел.), Свердловской (26 819 чел.), Новосибирской (19 594 чел.) областей, Коми АССР (18 722 чел.) и Красноярского края (14 989 чел.) [...] Польские спецпереселенцы продолжали прибывать в Вологодскую область и после 1 января 1941 г., однако новых спецпоселков уже не возникало [...] В Вологодской области доля поляков среди спецпереселенцев-осадников (71,4% согласно пофамильным данным) была заметно ниже, а доля белорусов (20,1%) значительно выше, чем в среднем по республикам, краям и областям расселения (81,7% и 8,1% соответственно). Среди спецпереселенцев-беженцев же в Вологодской области доля евреев (95,2% согласно пофамильным данным) была заметно выше, чем в остальных регионах расселения (84,3%). В целом среди польских спецпереселенцев обеих категорий в Вологодской области доля поляков составляла немногим более половины (51,8%), а доля евреев – больше четверти (28,0%). Весьма заметной была и доля белорусов (14,2%) [...] Пребывание лиц, депортированных из западных областей УССР и БССР, на поселении в Вологодской области закончилось их освобождением на основании Указа ПВС СССР от 12 августа 1941 г. «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР» (с. 306–308, 317).

Конечно, рецензенты не могут утверждать, что проанализировали все сюжетные линии книги вологодских ученых. Это обусловлено ограниченным объемом рецензии. Но и того, что изложено, достаточно для итогового вывода: монографию следует оценить на «отлично».

© 2017 г. *М. В. Стрелец, Н. Н. Мезга*

П. НАДАШ. Книга воспоминаний. Роман. Тверь, 2014. 769 с.

Вышедший недавно по-русски толстенный том венгерского писателя Петера Надаша под названием «Книга воспоминаний» препоясан, словно орденской перевязью, широкой полосой плотной бумаги; на перевязи написано: «Величайший роман современности и одна из самых великих книг XX века. Сьюзен Зонтаг».

Конечно, эти слова не оставляют возможности скользнуть по книге взглядом и, сразу о ней забыв, осматривать полку или прилавок дальше. Как не оставит тебя равнодушным, скажем, встреченный в толпе бравый генерал в увешанном звездами и аксельбантами кителе, да еще с шашкой на боку (генералы, правда, шашку вроде бы не носят... Или носят?...).

Потом, что скрывать, немного задумываешься: а нет ли в этом, напоминающем эпитафию, утверждении некоторой чрезмерности? Да и не очень складывается тут что-то. XX век — вроде бы тоже современность. Так почему же в современности — это величайший роман, а в XX веке — всего лишь одна из самых великих книг?.. Или современность — это XXI век? Однако роман Надаша впервые увидел свет в 1986 г.

Словом, тут есть о чем поразмышлять. Приходит в голову и такая мысль: конечно, Сьюзен Зонтаг — имя довольно громкое; но можем ли мы безоговорочно признать за ней право так безапелляционно распределять первые места на пьедестале почета мировой литературы? Может ли считаться ее мнение объективным — хотя бы в такой степени, как мнение Нобелевского комитета?

Объявив Маяковского «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», вождь мирового пролетариата моральным правом на это, несомненно, обладал: вождь все-таки. Да и то, очевидно, он имел в виду не всю мировую литературу (поэзию) той эпохи, а лишь советскую, революционную.

Но, как бы там ни было, высказывание Сьюзен Зонтаг (со всеми обозначенными

выше сомнениями вокруг него) останавливает внимание на книге Надаша. Хотя меня побудило взяться за чтение книги (кроме профессионального интереса: как-никак венгерская литература — моя специальность) скорее помещенное на обороте форзаца сообщение о том, что «Книгу воспоминаний» Петера Надаша очень хотел увидеть изданной по-русски безусловно уважаемый, и не только мной, недавно безвременно ушедший из жизни критик, социолог, переводчик, мыслитель Борис Дубин, который читал ее в английском переводе.

Мнение о том, что такую-то и такую-то книгу очень хорошо было бы перевести и издать в России, качественно отличается от заявлений вроде «самый великий» или хотя бы «один из величайших». Я и сам мог бы назвать, даже не особенно задумываясь, с десяток венгерских книг, которые давно надо было бы издать у нас, и я с радостью взялся бы переводить их. Но едва ли у меня хватило бы решимости заявить, что та или иная книга, которую я искренне считаю достойной перевода и издания, — «самая-самая».

Вообще: можно ли сказать о какой-нибудь книге (равно как и о произведении живописи, фильме, музыкальной композиции и т.д.), что она (оно, он) — самая лучшая? Чаще всего в какой-то период ты находишься под воздействием одной книги, и она для тебя — самая лучшая; потом ты открываешь для себя другого писателя, другую книгу, и теперь эта книга — не зачеркивая предыдущую — становится для тебя самой лучшей. Да мало ли их, этих *самых лучших* книг в жизни человека, особенно если он научился воспринимать их и умом, и сердцем!

И тем не менее произведение Петера Надаша (при всем том, что прочтение его требует, особенно вначале, значительного напряжения, не говоря уж о затратах времени — как-никак 750 страниц!) заставляет задуматься. Задуматься не тяжело, удрученно, а, напротив, с чувством некоторого радостного

удивления, — как, наверное, задумался наш Ильич, прежде чем повернулся к собеседнику (в данном случае — М. Горькому) и задал свой знаменитый риторический вопрос: «Кого в Европе можно поставить рядом с ним?» — имея в виду, конечно, Льва Толстого, а не Горького. (Самому же Горькому достался, за его роман «Мать», комплимент, который выглядит довольно скромным: «очень своевременная книга», — вроде как годовой отчет вовремя сдал.)

Для объяснения уникальности и величия Льва Толстого Ленин нашел не слишком внятную (даже несмотря на последующие бесчисленные разжевывания бесчисленных литературоведов), но весьма эффектную формулировку: «зеркало русской революции». Против этой формулировки (как против лома) и возразить-то не знаешь как.

А что Петер Надаш? Почему по крайней мере два очень авторитетных литератора сочли этого венгерского писателя выдающимся, даже великим (причем прочитав его в переводе на английский)?

Объяснить, почему великий писатель (художник, композитор и т.д.) является великим, — кажется, в принципе невозможно. Великий — потому что великий. Потому что это очевидно. Шекспир — великий. Спорить с этим — глупо. А если ты усомнился в величии Шекспира, то этим ты лишь продемонстрировал свое невежество. (Ну да, бывают исключения: Лев Толстой, как известно, терпеть не мог Шекспира. Но подобную прихоть может безнаказанно позволить себе, видимо, лишь тот, кто сам достиг величия.)

Когда речь идет о писателях (художниках, вообще деятелях искусства), которые являются современниками, принадлежат к одному кругу, смотрят на творчество более или менее одинаково, то различие в степени их «величия» отражает (не считая всякого рода сторонних, не прямо относящихся к сфере художественного, факторов: например удачи, наличия или отсутствия возможностей для публикации, политической атмосферы и т.д.; сюда и особенности характера следует включить: например трудолюбие или отсутствие оно) степень, силу таланта. Скажем, юный Маяковский, втянутый в кружок футуристов, подписывавшийся под их — порой не слишком даже грамотно составленными — манифестами, стремительно вырос в поэта, рядом с которым остальные члены группы были не очень видны. Даже Давид

Бурлюк, которого Маяковский считал своим учителем и почтительно величал (в автобиографии «Я сам») «обогнавшим современников мастером», — даже Бурлюк в стихах того периода выглядит не очень успешным эпигоном своего ученика. И впечатление это опирается не на какие-то конкретные моменты, а на чисто эстетическое ощущение, когда читатель интуитивно, так сказать «кожей», чувствует, что тут, в первых пробах пера Маяковского, даже незрелость, даже промахи — это незрелость и промахи гения.

Однако — как все-таки быть с Надашем?

Если в стихотворном произведении уже нескольких строк, пускай нескольких четверостиший часто бывает достаточно, чтобы создать у читателя эстетическое ощущение, позволяющее сделать вывод, с чем мы имеем дело: с большой поэзией или со стихоплетством, — то проза так быстро оценке не поддается. Даже рассказ — это в среднем десяток страниц; а что говорить о более объемных жанрах. В «Книге воспоминаний», повторюсь, 750 страниц убористого, плотного текста, редко разбиваемого на абзацы.

Понимая, что вступаю на очень зыбкую почву, все же рискну сформулировать что-то вроде гипотезы.

Если художественная проза как-то изменяется (чуть не написал: развивается, но вовремя одернул себя; глупо и даже кощунственно считать, что после Сервантеса, Рабле, наших Пушкина и Гоголя, не говоря уж о Толстом, Достоевском, Чехове и др., проза наших дней — это нечто *более* развитое) в своем движении от древности к современности, то изменение это выражается, в частности, в возматании ее субъективности. Иными словами, проза, которая в своем классическом виде представляет собой описание того, что писатель видит *вне себя*, все в большей мере становится отражением, пропущенным через индивидуальность, через эмоциональный мир писателя как субъекта или героя как субъекта (часто писатель и герой в большей или меньшей мере совпадают). То есть проза как бы становится лирикой, могли бы мы сказать, если бы понятие «лирика» не было бы так накрепко связано с поэзией. Едва ли можно утверждать, что степень субъективности прозы меняет ее качество; однако на качество восприятия она, эта степень, несомненно влияет. Приходит в голову такой пример: роман-эпопея «Война и мир» — вне всяких сомнений, великое произведение, спорить с этим едва

ли кто-нибудь отважится. В нем все — гениально: и характеристики героев, и описание событий, и философские отступления. Но что легче всего и сильнее всего запоминается читателю, что, как говорится, западает в душу? Нет, не философские отступления. А — «лирические» эпизоды. Скажем, описание того, что чувствовал и думал князь Андрей, придя в себя на поле Аустерлица, — этот эпизод заставляет читателя отождествиться с героем, увидеть его «изнутри», *почувствовать* его. Тут не просто узнаешь о том, что князь Андрей изменился духовно, расстался с ценностями преходящими, иллюзорными, — но невольно проникаешься ощущениями, эмоциональным, душевным состоянием героя, как бы преобразаясь и очищаясь вместе с ним. Потому-то удивительный эпизод этот и остается навсегда в памяти, а лучше сказать: в сердце.

Приведенный пример — самый, пожалуй, известный, хрестоматийный и самый наглядный. Похожих примеров можно найти много и у самого Льва Толстого, и у других писателей, русских и зарубежных, классиков и наших современников. Причем такого рода субъективизацию (лиризацию) прозы можно считать нарастающей тенденцией: насыщая повествование личными (личностными) впечатлениями, ощущениями, переживаниями, автор тем самым активизирует, возбуждает читательское восприятие; если воспользоваться несколькими приземленным сравнением, то можно сказать: примерно так приправы возбуждают вкусовые рецепторы, способствуя получению большего удовольствия от еды, а значит, и более полному, более качественному ее усвоению (прошу прощения за такую прозу).

Что же касается Петера Надаша, то он не просто достиг в подобного рода субъективизации подлинной виртуозности, но (и именно в этом, по всей очевидности, кроется тот ошеломляющий эффект, который заставил, например, Сьюзен Зонтаг столь высоко оценить «Книгу воспоминаний», присвоив ей титул величайшего романа современности) такое видение жизни, пропущенное через призму субъективного, индивидуального, чувственного, сделал неотъемлемым, органическим элементом описания, отражения, осмысления действительности.

О том, что художественная литература — так или иначе, прямо или опосредованно, под тем или иным углом зрения — отражает и осмысляет реальную действительность, говорить, видимо, излишне.

Как излишне говорить и о том, что огромный сегмент объекта отражения и художественного осмысления — историческая действительность, т.е. жизнь общества с событиями и процессами, которые в нем происходят, с тенденциями и перспективами, которые в его жизни проявляются.

Беда в том, что, как бы подробно, как бы красочно эти события и процессы ни описывались в литературном произведении, читатель видит их со стороны, извне. Да и может ли быть иначе? В полной мере пережить чувства, мысли, ужас пассажиров тонущего «Титаника» может лишь тот, кто сам находится на «Титанике», для всех остальных же: читателей, зрителей (если речь идет о фильме) — это лишь происшествие, в той или иной мере будоражащее воображение. Точно так же разного рода события, даже затрагивающие своими последствиями очень многих, а то и всех людей, но не пережитые ими лично: война, революция, стихийное бедствие и т.д., — в восприятии тех, кто читает или слышит о них, представляются в той или иной мере абстрактно. Между двумя, практически в равной степени недостижимыми, полюсами: максимально точным и полным изложением фактической стороны дела (к этому стремятся историки) и абсолютным сопереживанием (добиться этого хотели бы, например, писатели) — пролегает дистанция поистине огромного размера; мастерство, талант, трудолюбие писателя, изощренные приемы, к которым он, может быть, прибегает, — все это направлено на то, чтобы хоть немного приблизиться к заветному второму полюсу.

Петер Надаш воспользовался для достижения этой цели весьма эффективным средством. (Нельзя, конечно, сказать, что именно Надаш это средство изобрел или что он один им владеет: в той или иной степени его, это средство, можно обнаружить в широком круге литературных произведений. Но нельзя и отрицать, что Надаш пользуется им чрезвычайно успешно: свидетельство — книга, которая лежит передо мной.) Суть этого средства заключается в том (по крайней мере, так я могу это сформулировать), что писатель пропускает изображаемое не просто через эмоции, субъективно интерпретируя то, что он наблюдает, но идет дальше и глубже: он включает в дело сферу телесного, даже, можно сказать (имея в виду, что речь идет о литературе, и более того: об интеллектуальной литературе), сферу физиологического.

Мне, слава Богу, не довелось находиться в отсеке тонущей подводной лодки, вбирая раздавленной грудью последние молекулы кислорода, или в салоне рушащегося самолета, сжавшись в ожидании последнего страшного удара. Ни даже в окопе под артобстрелом. Но я в состоянии понять, что человек испытывает страх, боль, предсмертный ужас — не как представитель какой-то нации, какой-то армии, какой-то, пускай случайно сложившейся, группы людей, а — сам по себе, как отдельный, данный человек. И его боль, его ужас — не боль или ужас нации, класса, армии и т.д., но боль, ужас *одного* человека, конкретно индивида. И если писателю удастся передать своему читателю неповторимость этой конкретной боли, этого конкретного ужаса, то он, можно считать, в максимальной мере выполнил свое предназначение.

Петеру Надашу это удается.

Попробую проиллюстрировать это на одном примере.

Для венгров одна из важнейших вех их истории, вех, которые во многом сформировали, определили особенности национального самосознания, — это события осени 1956 г., когда стихийное восстание народа против чужого (советского) диктатора переросло в революцию, жестоко подавленную советской военной машиной. События эти бесчисленное количество раз описывались, анализировались и в исторических работах, и в художественной литературе.

Рассказывает о них и Надаш. Рассказывает устами одного из своих героев; выясняя отношения с другом, он, как бы между делом, вспоминает тот день, когда, выйдя из гимназии, он попал в толпу возбужденной, направляющейся куда-то молодежи. Он (т.е. герой Надаша, — имени его мы так и не узнаем) чужд — по крайней мере, в том возрасте — каким-либо политическим настроениям, им движет скорее любопытство, даже, можно сказать, стадный инстинкт. Цель и смысл массовой акции, участником которой он оказался, почти не осознаются им; его больше беспокоят чертежная доска, хлопавшая его по ноге, да рейсшина, норовившая выпаста из туго набитого портфеля. И лишь спустя какое-то время, сначала тоже где-то на уровне ощущений, он обнаруживает, что в людском круговороте что-то переменилось: «сложилась какая-то окончательная общая воля [...] словно все, осознав единственное возможное направление движения, стали вслушиваться только в звук собственных

шагов» (с. 536). А после этого становятся не только понятными — и для героя, и, через его субъективное восприятие, для читателя, — но и естественными дальнейшие этапы, дальнейшее развитие восстания, приобретенного масштабы революции, с военными действиями и множеством жертв. Но для героя-подростка осмысление этой революции реализуется (как, очевидно, для любого участника подобного рода событий) не в «масштабах», или не столько в «масштабах», сколько в том, что он видел и пережил в своих субъективных ощущениях. Так, гибель его приятеля-одноклассника Кальмана, убитого, видимо, солдатами, оборонявшими от восставших будапештский Дом радио, отпечатывается в сознании героя «осязательной» памятью: он не может забыть его «мягких, но крепких и теплых ладоней» (с. 539). Как не может забыть ломоть хлеба, намазанный сливовым вареньем, который Кальман откусывал, когда в него попала пуля. И эти второстепенные, случайные детали делают для читателя трагизм гибели одного из участников (причем далеко не главных) революции куда более впечатляющим, чем любые пафосные рассуждения.

В книге Надаша фигурируют, кроме упомянутого, еще два или даже три героя, «воспоминания» которых писатель воспроизводит, произвольно переходя от одного к другому; при этом переход не всегда легко уловить — вот откуда эта моя неуверенность в количестве героев. Но герои эти охватывают своими как бы занесенными на бумагу переживаниями, впечатлениями, наблюдениями, размышлениями едва ли не весь XX век: начало века — в Германии и послевоенные десятилетия, озаменованные так называемым строительством социализма, — в Венгрии и ГДР. И история этого столетия, несмотря на разрывы во времени, несмотря на различия (не очень, правда, существенные, совсем не разительные), предстает перед нами благодаря тем особенностям писательского видения, которые я попытался охарактеризовать выше — очень живой, человеческой, *телесной*.

Надаш не делает секрета из своего (употреблю это, ставшее немодным, слово) метода. Собственно, суть этого метода должен раскрыть эпитафия, предпосланный роману; это цитата из Евангелия от Иоанна: «А Он говорил о храме тела Своего» (2: 21). То есть, повторю уже сказанное, история здесь увидена *снизу*, пережита в чувствах, ощущениях,

непосредственных (насколько может быть непосредственным то, что перенесено на бумагу) впечатлениях.

Писатель обнажает, демонстрирует свой подход к жизни постоянно и последовательно. Но, что очень важно, это вовсе не означает отказа от того, к чему современная литература в ее самых высоких проявлениях стремится, — не означает отказа от интеллектуальности. Напротив, Надаш словно старается доказать, что истинная интеллектуальность — это не холодная, пускай и изощренная, абстракция, она должна быть согрета чувственным, телесным. Он многократно, хотя и ненавязчиво, говорит об этом: например, так: «[...] отчаянными усилиями я пытался перевести [...] внимание на [...] обстановку, искал какие-то взаимосвязи, чтобы, поняв их, возможно, найти спасительную лазейку для разума, почти целиком оказавшего под властью физических ощущений» (с. 206).

Где-то в середине текста Надаш называет свою книгу «романом воспитания». Мне кажется, с его стороны это не более чем некоторая провокация: писатель хочет дать (читателям? критикам?) повод задуматься над тем, что же такое представляет собой его произведение. Наверное, ближе к истине было бы выражение «воспитание чувств». Но — не намного ближе. Потому что речь тут идет о воспитании (в самом себе) умения, способности уцелеть, выжить в бесчеловечной эпохе, когда эксперименты над обществом стали,

что называется, трендом. И важнейшими способами этого самовоспитания, направленного на то, чтобы выжить, являются в общем-то простые, до банальности, формы взаимоотношений между людьми: дружба, любовь (плотская и духовная одновременно), семейные связи, милосердие, сострадание и т.п.

Критики, анализирующие роман Надаша, единодушно говорят о близости его стиля, его изображения жизни к Марселю Прусту. Мне очень удачной представляется формулировка Ольги Балла, автора рецензии на русское издание «Книги воспоминаний»: Надаш — это «Пруст, тщательно усвоивший уроки Фрейда и пропущенный через катастрофический опыт второй половины центральноевропейского XX века» (Иностранная литература. 2016. № 1). Вероятно, эта формулировка действительно дает серьезные основания считать роман Надаша одной из самых значительных книг в художественной литературе нашего времени. А самого Петера Надаша — одним из крупнейших современных писателей.

Еще одно не могу не сказать. Переводить Надаша, с его нескончаемыми, порой на несколько страниц, фразами, с его тончайшими нюансами в передаче чувств и ощущений — крайне трудно. Вячеслав Середа, подаривший русскому читателю эту книгу, со своей задачей справился виртуозно.

© 2017 г. Ю. П. Гусев

Славяноведение, № 5

В. БОНДАРЕНКО. Русский некрополь на Шипке. М., 2016. 688 с.: илл.

Пожалуй, я ошибался, когда думал, что тема русского беженства/эмиграции практически может быть закрыта уже по той простой причине, что вышли в печати десятки и сотни книг, статей, публикаций, охватывающих многие стороны жизни. Но здесь я был неправ, чему свидетельством служит настоящий труд Вячеслава Васильевича Бондаренко.

Безусловно, книгу автора можно назвать органическим продолжением труда Владимира Гаристова «Не нам, не нам, а имени Твоему» (М., 2008) о русских участниках русско-турецкой войны 1877—1878 гг., захороненных на Центральном Софийском кладбище.

Что еще связывает эти два труда? Ответ один — вошедшая в историю Шипка,

политая кровью освободителей Болгарии, прежде всего русских солдат.

Именно на этом святом месте находится с 1920-х годов некрополь, в котором обрели последнее пристанище обитатели расположенных здесь инвалидных домов.

Причем содержание труда гораздо шире самого названия. Это не простой мартиролог с именами, фамилиями, званиями тех, кто покоится в болгарской земле. Хотя даже если бы автор только ограничил свою работу его составлением, то ценность книги уже была бы велика, так как речь идет об увековечивании памяти наших предков. Здесь автор проделал колоссальную работу.

В его алфавитном своде генералов, офицеров, классных чинов, нижних чинов, священнослужителей приводятся подробнейшие, насколько возможно, сведения примерно о полутысяче поданных ушедшей в прошлое царской России. Здесь можно встретить весьма подробные биографии, сведения из послужных списков, награды, с упоминанием, вплоть до жизнеописаний, ближайших родственников, членов семей, потомков, самого рода, представленные даже стихи, что является редкостью для мартирологов. Все это богато иллюстрировано фотографиями.

Равным образом в книге имеется список лиц, постоянно проживавших в русских инвалидных домах Шипки, но скончавшихся в других населенных пунктах Болгарии. Присутствует в тексте и список лиц, скончавшихся и похороненных в Шипке, но постоянно проживавших в иных местностях Болгарии.

Более того, это не «книга мертвых» уже потому, что в нее автор включил воспоминания тех, кто жил в этих домах, работал, вспоминал прошлое, делился настоящим, своими бедами и горестями. Именно «разноцветная» русская жизнь в этих рассказах, где больше печали, делает книгу живой, рождает чувство сопереживания. Это как раз та причина, когда память являет собою не могильный камень — это само время в его прошедшем, настоящем и, надо надеяться, в будущем.

Для меня громадный труд Вячеслава Васильевича Бондаренко интересен и значим еще и потому, что автор счастливо избежал определенной односторонности, диктуемой, случается, самой темой. Здесь, под черку, присутствует тогдашнее время, которое было непростым как для самой Болгарии, так и для русского люда, оторванного

от своей родины, семей, родных, привычной службы и, главное, стареющего в одиночестве в инвалидных домах.

Чем же «для матери-истории» ценна книга автора? Ответ заключается в разнообразии информации, которая может быть полезна не только «чистым» историкам русского зарубежья, но и представителям иных направлений богатейшей российской истории и, шире, славянской.

Сказанное выше подтверждается материалами восьми приложений.

В приложении № 1 даны списки жильцов и персонала русских инвалидных домов на Шипке (1924—1940), жителей приюта Российского общества Красного креста (не ранее декабря 1923 — до октября 1924 г.), жителей упомянутого приюта на 1925 г., на 1 июля 1931 г., лиц служебного персонала названного выше приюта на 1 июля 1931 г., жителей и служащих Шипкинского инвалидного дома на 1 ноября 1931 г., жителей Шипкинского инвалидского дома на 25 мая 1937 г., вновь прибывшие в инвалидный дом в сентябре—декабре 1937 г., призываемых, служащих и членов их семей приюта РОКК на Шипке на 1 июня 1937 г., прибывших и убывших из приюта РОКК на Шипке на 1 сентября 1937 г., и другие документы.

В приложении № 2 имеются списки жильцов русского инвалидского дома в г. Стара Загора на 1924 г., недатированный список его жильцов (предположительно — после сентября 1924 г.).

В приложении № 3 содержатся документы, различные материалы, связанные с историей русских инвалидских домов на Шипке, с жизнью и слезами их обитателей, перепиской с родными в СССР.

В приложении № 4 предлагается отрывок из книги Т. А. Варнек «Воспоминания сестры милосердия (1912—1922)», (М., 2014).

В приложении № 5 содержится фрагмент (1934 г.) из книги Патрика Ли Фермора «Извилистый путь» (*P. L. Fermor. The Broken Road: From the Iron Gates to Mount Athos. London, 2013*). Перевод с английского В. Бондаренко.

В приложении № 6 можно прочесть фрагмент повести Николая Атарова «Смерть под псевдонимом» (М., 1957).

В приложении № 7 перепечатан очерк А. Т. Твардовского «Доживающие» (Записи в рабочей тетради от 13, 15 и 17 января 1958 г. «Знамя». 1989. № 11).

В приложении № 8 представлены воспоминания Гины Хаджиевой (г. Шипка, 2015), Христо Топанова (г. Шипка,

2015), Георги Георгиева (г. Шипка, 2015), письмо Симеона Георгиева Шебунаева (г. Габрово, 2014), воспоминания Марии Триножкиной (г. Шипка, 2015), стихотворения Виктора Александровича Иевского (1891–1966). В завершении приложения следует реестр лиц, упоминаемых в списках жильцов и сотрудников русских медицинских учреждений на Шипке.

Богатство представленных здесь материалов поражает, равно как и дотошность

автора дать максимально полную информацию, представить жизнь на Шипке и ее обитателей во всем разнообразии.

И последнее. Труд В. В. Бондаренко это не только дань памяти ушедшим, но и возможность живым найти могилы своих родных, тех, которые были изгнаны из красной России, но всей своей жизнью свидетельствовали Россию.

© 2017 г. В. И. Косик

Славяноведение, № 5

Р. МИХНЕВА, К. ГРОЗЕВ, Г. РУПЧЕВА. «Малката Русия» на жълтите павета. София, 2016. 246 с.

Р. МИХНЕВА, К. ГРОЗЕВ, Г. РУПЧЕВА. «Маленькая Россия» на желтой брусчатке

Признаться, я с некоторым удивлением принял в подарок книжку моих болгарских коллег. Дело в том, что я был твердо уверен в «консервировании» русской эмиграции в Болгарии: все написано, освещено, проанализировано худо-бедно, осталась на плаву только мегатонная тема под названием «Люди и судьбы Русского зарубежья».

Но история богата на сюрпризы, особенно когда их готовят коллеги, умеющие мечтать и претворять свои стремления в издательскую реальность в виде новых книжек.

И мне было очень интересно, что я пропустил в своих публикациях по русской эмиграции. Равно как и увидеть через введение в историю новых фактов, новых ракурсов, новой информации процесс обогащения исторического знания.

Строя свою книжку на многих публикациях болгарских, русских, советских, снова российских историков и свидетелей «давно минувших дней», авторы внесли, безусловно, свой весомый вклад в историю наших стран, наших народов, нашей памяти. Именно память позволяет бесконечно идти по пути познания болгаро-русского единения в сложные годы отрыва русских от родины и начавших строить свой дом на болгарской земле.

По сути, страницы книжки можно охарактеризовать как своеобразный путеводитель по Софии и ее русским жителям с их биографиями, простыми и сложными, позволяющими очертить и их деятельность в различных институтах от Археологического музея до университета.

В книжке собраны биографии, вплоть до близких родственников, известных и малоизвестных или совсем неизвестных даже специалистам, русских жителей града Софии. Представлены различные институты, связанные с русским именем, прежде всего Софийский университет. Обрисованы культурные интересы русских жителей Софии, их привычки, «романтическое поведение» и прочее, не менее интересное из жизни новых софиянцев, вплоть до «шпионских историй». Органично в текст книжки вплетены и сюжеты, связанные с историей болгарских культурных институций, культурной жизнью болгар, с их известными именами на софийских сценах. Не обойдена вниманием авторов и сама София, строящаяся и вечно молодая. Есть немного и «большой политики». Впрочем, она не заслоняет основного – жизни русских в новом Доме.

Многие из представленных здесь сюжетов достойны пера романиста, в них

будет присутствовать и вера, и надежда, и любовь.

Хороший текст всегда редкость, тем более, когда есть так называемые приложения, значительно увеличивающие объем информации по соответствующей тематике. В книжке болгарских коллег таких приложений целых пять: первое о русских, нашедших свой вечный покой в Софии, второе содержит в себе адреса русских преподавателей в Софийском университете имени св. Климента Охридского, третье предоставляет сведения биографического характера об адресах русских эмигрантов, участниках русско-турецкой войны (1877–1878), живших в столице Болгарского государства, четвертое дает информацию по ряду известных русских, похороненных на кладбище квартала Княжево, пятое содержит список соответствующей литературы, привлеченной в той или иной мере к созданию книжки.

Памятный труд болгарских коллег снабжен множеством редких фотографий, позволяющих взглянуть в лица тех, кто жил, творил, ходил по софийским улицам, по ее мостовым из желтой брусчатки.

И продолжая тему памяти, хочу выразить свою глубокую благодарность своим болгарским коллегам — Румяне Михневой, Константину Грозеву и Ганке Рупчевой — причем с Румяной и Ганкой я знаком давно и числю их своими друзьями. Не теряю надежды и лично познакомиться с Константином Грозевым.

Труд историка можно сравнить с воротами, через которые человек может узнать страницы прошлого, нередко связанного с настоящим, с вечным процессом познания.

И здесь болгарские коллеги творят свой подвиг памяти тех, кто в очередной раз связал наши народы.

Низкий им поклон.

© 2017 г. *В. И. Косик*

VI НИКИТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. СЛАВЯНЕ И РОССИЯ. ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА НА БАЛКАНАХ. XVIII–XXI вв. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Ю. А. ПИСАРЕВА

«Жизнь историка скоротечна. Жизнь его, как миг, по сравнению с вечностью и беспредельностью науки, в том числе и истории. Но хотя мы понимаем, что полное воскрешение облика ученого невозможно, бороться с забвением нужно». Эти слова, написанные советским историком В. Д. Королюком в память о советском ученом И. С. Миллере и повторенные зав. отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН С. И. Данченко при открытии конференции «Славяне и Россия. Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева», стали ее лейтмотивом.

Конференция состоялась 6–7 декабря 2016 г. в Институте славяноведения РАН и собрала 33 участника: 26 сотрудников Института славяноведения, пять коллег из МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО и МГЛУ (Московский государственный лингвистический университет), а также двух иностранных специалистов, которые специально приехали из Сербии. В конференции приняли участие семь молодых ученых.

Яркое вступительное слово произнес директор Института славяноведения РАН *К. В. Никифоров*. Он отметил появление доброй традиции в Институте – чтить память ушедших из жизни сотрудников, много и плодотворно трудившихся на поприще исторической науки, проведением подобных конференций. Далее ученый подчеркнул значимость как самой личности Ю. А. Писарева (1916–1993), так и его научных трудов.

Особенно обстоятельным был доклад «Юрий Алексеевич Писарев и его балканские исследования», с которым выступила *С. И. Данченко*, проработавшая вместе с Ю. А. Писаревым 22 года. Докладчица подробно осветила жизненный и творческий путь ученого и проанализировала его основные труды по ключевым проблемам Новой и новейшей истории югославянских народов в контексте современных исследований, что дало ей возможность аргументированно сделать вывод о весомом вкладе ученого в историческую науку, подчеркнув, что труды Писарева – это классика югославистики и балканистики.

Воспоминания о Ю. А. Писареве не выделялись на конференции в особый блок, но прозвучали в выступлениях многих ее участников – *А. В. Карасева*, *Т. И. Чепелевской*, *А. Л. Шемякина*, *Т. А. Покивайловой* и др.

Г. Л. Ари, один из старейших сотрудников Института, ветеран Великой Отечественной войны, после теплых слов о Ю. А. Писареве, своем первом научном руководителе, в докладе «Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и Балканы» изложил результаты изучения стратегического плана генерала-фельдмаршала Х. А. Миниха, хода военных действий, значения Белградского мира 1739 г. Докладчик подчеркнул тот факт, что все русско-турецкие войны XVIII в., несмотря на разные театры военных действий, объединяло ожидание многими балканскими народами своего освобождения от турецкого ига.

Изучение сиджилов (протоколов шариатского суда Османской империи) позволило молодому болгаристу и османисту *А. А. Леонтьевой* в докладе «Сиджилы

болгарского города Хаджиоглу-Пазарджик (Добрич) как источник по истории русско-турецких войн в XVIII в.» показать русско-турецкую войну 1735–1739 гг. с иного ракурса: жизнь этого османского города в тылу русско-турецких войн и после заключения Белградского мира 1739 г.

Тема русско-турецких войн была продолжена в докладе *И. В. Чуркиной* «К вопросу об организации восстания славян на Балканах во время Крымской войны 1853–1856 гг.», в котором рассматривалась такая сложная и многоаспектная проблема, как опыт русского правительства по привлечению к сотрудничеству во время Крымской войны болгар и сербов, находившихся под властью Османской империи.

Вторая половина XIX и начало XX в. стали судьбоносными для народов Балканского полуострова, что обстоятельно, с привлечением обширного документального материала, раскрывается в нескольких докладах.

Греко-болгарская церковная борьба, разгоревшаяся с особой силой после 1856 г., была наполнена конфликтами разной степени остроты между болгарами и греками и греческим духовенством. В докладе *М. М. Фроловой* «Греко-болгарский церковный конфликт по-битольски. 1861–1876 гг.» исследованы его особенности в г. Битоле, административной столице Румелийского (Битольского) вилайета Османской империи.

Доклад *К. В. Мельчаковой* «“Воин” на духовном поприще. Сараевский архимандрит Савва Косанович и его поездка в Россию в 1872–1874 гг.» был посвящен малоизученному сюжету из жизни Саввы Косановича (1839–1903), первого боснийца, ставшего добробосанским митрополитом, – его пребыванию в России в 1872–1874 гг., в ходе которой были собраны средства для завершения строительства православной соборной церкви в Сараеве, а также решались многие политически важные вопросы для жизни православного населения Боснии.

О. В. Соколовская в докладе «Греко-турецкая война 1897 г. глазами русских моряков» на основе донесений, рапортов командира эскадренного броненосца «Император Николай I» капитана 1-го ранга Д.Г. фон Фёлькерзама и других морских офицеров представила перипетию «30-дневной» греко-турецкой войны 1897 г. и события тех лет в Греции и на Крите.

В. Б. Хлебникова в докладе «Мемуары Гавро Вуковича как зеркало черногорской внешней политики в конце XIX – начале XX в.» охарактеризовала этот исторический источник как весьма ценный и интересный для специалистов, поскольку в нем описаны самые яркие эпизоды дипломатической жизни княжества Черногория на рубеже XIX–XX вв. Этот рассказ от первого лица, воеводы Гавро Вуковича, министра иностранных дел Черногории (1889–1905 гг.), позволяет составить представление не только о национальном характере черногорского политика со всеми его сильными и слабыми сторонами, но и о политической элите княжества-королевства.

Доклад *П. А. Искендерова* «Балканское измерение международных отношений в Европе в начале XX в.» был посвящен месту и роли Балкан, ставших «пороховым погребом Европы», в системе взаимоотношений великих держав накануне Первой мировой войны.

В докладе *Е. С. Сергеевко* «Место Косово в албанском национальном движении (конец XIX – начало XX в.)» особое внимание было уделено деятельности Призренской лиги (1878–1881) и Печской лиги (1899), а также внешнему фактору, оказавшему заметное влияние на это движение.

Л. А. Кирилина в докладе «Особенности национальной и политической борьбы в словенских землях в начале XX в.» затронула ряд аспектов национальной и политической борьбы словенцев, недостаточно изученных в словенской и российской историографии: попытки словенских католиков заключить союз с австрийскими немецкими христианами социалистами в 1890-х годах и коалиция крайних словенских либералов с Немецкой партией в 1896–1905 гг.

К 100-летию Балканских войн 1912–1913 гг. было приурочено множество научных симпозиумов и конференций, опубликовано значительное количество научных изданий и отдельных статей. И тем не менее, эта тема далеко еще не исчерпана и не потеряла своей актуальности, что продемонстрировали выступления А. В. Карасева и Н. С. Гусева.

В докладе *А. В. Карасева* «Сербия и Балканский союз 1912 г. в исторической перспективе» отмечалось, что национальные интересы балканских народов в середине

XIX в. привели к возникновению идеи объединения сил балканских народов в борьбе за свое освобождение от власти Османской империи. Балканский союз 1912 г., в который вошли Сербия, Черногория, Болгария, Греция, в отличие от Балканского союза 1860-х годов продемонстрировал свою эффективность.

Иной угол зрения на Балканские войны предложил *Н. С. Гусев* в докладе «Профессор И. Д. Шишманов в болгаро-сербской борьбе за русские симпатии в 1912–1913 гг.». В указанные годы между болгарами и сербами разгорелась борьба за «благогосклонность» русского общества в деле раздела Македонии. Болгарский ученый И. Шишманов публикациями в газете «Речь», в личной переписке с П. Н. Милюковым, в ряде публичных мероприятий, проходивших в Петербурге в 1913 г., старался доказать обоснованность притязаний Софии на спорные территории.

Л. В. Кузьмичева в выступлении «Представители сербских правящих династий Обреновичей и Карагеоргиевичей на полях сражений в 1876–1918 гг.» констатировала тот факт, что Ю. А. Писарев одним из первых в отечественной славистике обратился к изучению жизни и деятельности представителей черногорских и сербских династий Нового времени. Для понимания особенностей становления и функционирования монархической системы Сербского государства, как подчеркнула Кузьмичева, следует проанализировать систему воспитания и образования престолонаследников, где важное место занимали военные науки и участие в маневрах.

Т. И. Чепелевская в докладе «Образ России в рукописном собрании словенского писателя Янеза Трдины (1830–1905) “Russica”» подчеркивала, что обнаруженные ею в Словении материалы его наследия позволяют судить о скрупулезной работе писателя по созданию образа России, углублению собственных представлений об историческом прошлом и настоящем народов Российской империи, которые он стремился донести до близкого ему окружения, с уверенностью, что эти знания могут повлиять на направленность деятельности словенцев по выстраиванию собственной жизни.

Проблема Первой мировой войны по-прежнему привлекает внимание ученых и продолжает вызывать острые научные дискуссии, что продемонстрировал блок ярких докладов, прозвучавших на конференции.

О. И. Агансон в докладе «Балканы в 1914 году: сработала ли “Фукидидова модель”?» проанализировала достоинства и недостатки использования популярной в западной историографии концепции «Фукидидова модель» («Фукидидова ловушка») применительно к развитию международных отношений в начале XX в. Докладчик пришла к выводу о том, что серия ошибочных решений и искаженное восприятие опыта прошлых балканских кризисов руководителями великих держав подготовили в июле 1914 г. условия для того, чтобы «Фукидидова ловушка» сработала в западной части Европы.

В докладе *А. Л. Шемякина* «Февральская революция в России 1917 г., Корфская декларация и Ю. А. Писарев» указывалось на прямую связь между Февральской революцией в России и подписанием 7 июля 1917 г. Корфской декларации, в которой правительство Сербского королевства и Югославянский комитет, объединивший хорватско-словенских (по большей части) эмигрантов из Австро-Венгрии, выразили совместное стремление к созданию единого и независимого государства сербов, хорватов и словенцев во главе с династией Карагеоргиевичей, основанного на главенстве закона и равноправии «трех племен одного народа». Докладчик подчеркнул, что хотя Ю. А. Писарев более интересовался влиянием Октябрьской революции на ход войны в целом и на Балканах в частности, тем не менее многие нюансы взаимоотношений сербских властей и Югославянского комитета описаны им более объективно, чем то, как это представлено в национальной – ранее югославской, теперь сербской – историографии.

Я. В. Вишняков в докладе «Сербия в Первой мировой войне. Новые подходы, новые источники» показал вклад Ю. А. Писарева в изучение данной проблематики. В частности, автором был сделан акцент на оценку деятельности организации «Черная рука» при рассмотрении сараевских событий лета 1914 г. Я. В. Вишняков уделил внимание дневникам и донесениям русского военного агента в Сербии В. А. Артамонова как важному источнику при анализе как состояния сербской армии, так и внутривосточного положения страны в 1914–1917 гг.

В. Б. Каширин в докладе «Боевые действия в Добрудже в 1916 году: русские против болгар» сформулировал проблему, очертил пространственно-хронологические рамки и общую фактографическую канву истории кампании 1916 г. на территории Добруджи, где русско-румынские войска, включая и Сербскую добровольческую дивизию, сражались против войск Четверного союза, основную силу которых составляла болгарская армия.

А. Ю. Тимофеев (Институт новейшей истории Сербии, Белград) представил доклад «Революционный 1917 год в России в восприятии сербских дипломатов и политиков». Крушение империи Романовых стало катастрофой для сербов, поскольку они утратили свое национальное государство: в связи с рекомендациями либеральных кругов Англии и Франции в «пробирке» родилось больное врожденными смертельными недугами искусственное дитя, получившее спустя десятилетие столь же «сконструированное» имя — Югославия.

Г. Милорадович (Институт современной истории, Белград) в докладе «Политическая и пропагандистская деятельность сторонников хорватской и сербской государственной программы в России во время Первой мировой войны» изучил шедшую в эти годы в Российской империи «битву» представителей различных политических интересов: сербов (с одной стороны), хорватов и словенцев (с другой). Основа этой конфронтации заключалась в том, кто будет «Пьемонтом» объединения южных славян — Белград или Загреб.

Н. А. Копылов в докладе «Австро-Венгрия и Россия на полях Первой мировой войны. История одного славянского мифа» развенчал одну из устоявшихся легенд, которая продолжает жить и в XXI в. — легенду о сдаче в плен 28-го Пражского пехотного полка австро-венгерской армии — «Пражские дети».

Некоторые события конфликтного XX в. нашли отражение в серии докладов.

В докладе *Т. А. Покивайловой* «Бессарабия в центре конфликта между Советской Россией и Румынией и судьба румынского золота, перемещенного в Москву в годы Первой мировой войны» была раскрыта судьба румынского золота и драгоценностей, перевезенных в Россию. После восстановления дипломатических отношений между СССР и Румынией (1934) последней были возвращены архивы, книги, часть драгоценностей, а в 1956 г. — все ценности, хранившиеся в Московском Кремле, кроме самого золота. Проблема возвращения румынского золота не решена до сих пор.

Ю. В. Лобачева в докладе «Югославия в системе международных отношений в 1920–1930-е годы (Историографический аспект)» выделила и рассмотрела круг тех вопросов, в контексте которых отечественные специалисты изучали внешнюю политику Югославии и ее отношения с другими государствами в межвоенный период. При освещении российской историографии докладчиком проводились параллели с югославскими/сербскими и западноевропейскими исследованиями.

Доклад *Н. В. Васильевой* «Черноморские проливы — императив российской/советской внешней политики в Восточном Средиземноморье: мифы и геополитические реалии (первая половина XX в.)» был посвящен рассмотрению вопросов многоплановой роли фактора Черноморских проливов в российской политике с точки зрения обеспечения безопасности страны в первой половине XX в.

Е. Л. Валева в докладе «К вопросу о внешней политике Болгарии в годы Второй мировой войны» показала, что возвращение Южной Добруджи в пределы Болгарии согласно Крайовскому договору в сентябре 1940 г. представляло собой крупнейший внешнеполитический успех болгарских правящих кругов, поскольку оно произошло мирным путем, в результате международной договоренности, и оказалось единственным территориальным приобретением Болгарии, сохранившимся за ней по окончании Второй мировой войны.

В докладе *Т. В. Волокитиной* «Болгарский вопрос на встречах союзников по антигитлеровской коалиции. 1943–1945 гг.» была предпринята попытка охарактеризовать позиции союзников по антигитлеровской коалиции относительно Болгарии, роль и место этой малой балканской страны в планах послевоенного мирного урегулирования. Докладчик пришла к выводу, что интерес западных держав к Болгарии во время войны имел временный характер и был связан с конкретными политическими целями, в то время как для советской стороны он являлся важной составляющей общей

стратегии безопасности, нацеленной на установление контроля над Проливами и обеспечение выхода в Средиземное море.

Одной из самых «горячих» точек в мире с конца 1940-х годов остается Ближний Восток. Арабо-израильский конфликт превратил регион в очаг постоянной напряженности и привел к нескольким масштабным вооруженным конфликтам. Впрочем, в докладе *Б. С. Новосельцева* «Югославия и Ближневосточный кризис 1967 г.» речь шла не о самой Шестидневной войне (5–10 июля 1967 г.), закончившейся разгромным поражением армий арабских государств и унесшей жизни 30 тыс. человек, а о том международном эхе, которое породил этот конфликт, в особенности – о позиции Югославии.

А. А. Силкин в докладе «“Великосербская гегемония” и участь “несербских народов” в Королевстве СХС/ Югославия: От документов Коминтерна до современной российской историографии» отметил, что взаимоотношения русского и сербского народов на протяжении «короткого» XX в. в значительной мере утратили национальный атрибут. Ложная исследовательская парадигма, ограниченный доступ к источниковой базе и другие факторы обусловили невозможность для советской югославистики ясного осмысления прошлого, определения и внятного изложения логики развития запутанных сюжетов межвоенной югославской истории.

В. И. Косик в докладе «Национализм на Балканах» поднял сложный вопрос о современном состоянии балканского национализма, главным образом в сфере культуры, а именно в театральной сфере, в области критики: от обличения «чужого» до «искривления» истории, от нового прочтения судьбы графа Вронского (героя романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина») до надежд на Президента РФ В. В. Путина.

Завершил конференцию блок докладов, посвященных распаду Югославии и раскрытию причин этого процесса.

Е. Ю. Гуськова в докладе «Сербия: от идеи югославизма к идее сербства» подчеркнула, что идея общности судеб и исторического пути, получившая названия югославизма, распространилась среди всех славянских народов в конце XIX в. Королевство Сербия настолько ею прониклось, что подняло стяг, на котором вместо слова «Сербия» было написано «Объединенное государство всех югославян». В 1991 г. Сербии, дольше других отстаивавшей федерацию, под давлением Запада пришлось согласиться на государственную самостоятельность, да еще и на уменьшение территории.

В центре внимания *И. В. Рудневой* – многосложная и животрепещущая тема: «Территориальные споры республик бывшей Югославии: условия, методы, последствия». После распада СФРЮ бывшие республики пытались урегулировать свои территориальные разногласия как самостоятельно, так и с привлечением других государств, в рамках международных организаций и различных неправительственных структур, а также апеллируя к высшим арбитражным и судебным инстанциям.

В. А. Соколов в докладе «Республика Сербская Краина: могла ли она выстоять (1991–1995)?» проанализировал положение Республики Сербской Краины летом 1995 г. В исследуемый период она находилась под серьезным международным давлением, кроме того, неблагоприятно складывалась и военная обстановка. Все это привело к ее уничтожению хорватскими войсками в августе 1995 г. Докладчик пришел к выводу, что в той ситуации у Сербской Краины не было возможности отстоять свой суверенитет и противостоять хорватской атаке.

Материалы конференции предполагается издать в 2017 г. в очередном сборнике статей серийного издания Института славяноведения РАН «Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII – XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева».

© 2017 г. *М. М. Фролова*

СЕМИНАР «ФРАНЦ ИОСИФ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ НАРОДОВ И (НАД)НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ»

21 ноября 2016 г. в Библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино в рамках проекта «Столетие перемен. От Австро-Венгерской империи до Вышеградской четверки» был проведен семинар, посвященный столетию со дня смерти императора Франца Иосифа I (1848–1916). Организаторами мероприятия выступили Венгерский культурный, научный и информационный центр в Москве, Польский культурный центр в Москве, Словацкий институт в Москве, Чешский центр в Москве, Институт славяноведения РАН. В приветственных выступлениях представителей стран-организаторов неоднократно звучала мысль о том, что период правления Франца Иосифа был одновременно временем бурного экономического развития, либеральных реформ и расширения избирательного права, вхождения социальных низов в большую политику, консолидации национальных движений, бросавших вызов индифферентности широких масс, поиска новых форм в литературе, живописи, музыке.

Вит Влас (Карлов ун-т, Прага) в докладе «Чехи и их император — император и его чехи» обратил особое внимание на то, что чешский народ в течение «долгого» XIX в. преобразился в современную европейскую нацию с развитой культурой и экономикой, и сделал это под скипетром Габсбургов, точнее Габсбургско-лотарингской династии. При этом, отметил докладчик, в самой Чехии многие факты, связанные с пребыванием чехов в составе монархии, долгое время были искажены или скрывались. Искажалась информация об отношении чехов к австрийскому государству и правящей династии, которую принято было считать главным врагом чешских национальных интересов. Однако же в реальности недоверие к монарху, вызванное жесткой политикой первых лет его правления сменилось симпатией к стареющему монарху. До 1914 г. многие внутренние противоречия сглаживались авторитетом монарха, а его смерть стала символическим предсказанием гибели империи.

Следующий докладчик, *О.В. Хаванова* (ИСЛ РАН, Москва), в докладе «Венгрия в “большом пестром саду” Франца Иосифа: политическая реальность и исторический миф», отметила, что управление Венгрией потребовало от императора много времени и сил, изобретательности, настойчивости, терпения и мудрости. Несмотря на то что с королевством он был связан с раннего детства, хорошо знал венгерские язык и литературу, в самом начале своего царствования он вынужден был вести в отношении нее жесткую и бескомпромиссную политику. Национально-освободительная война, вспыхнувшая в Венгрии в 1848–1849 гг., была решительно подавлена, ее предводители казнены, страна лишилась атрибутов своей государственно-политической автономии. Тем не менее, за почти 60 лет своего правления императору удалось путем сложных экспериментов создать модель двуединой монархии, просуществовавшей до 1918 г. Венгры получили возможность создать стабильную политическую систему, обеспечившую быстрый экономический рост и заложившую основы социального мира путем частичного удовлетворения культурных и политических чаяний немадьярских народов. В основе этой системы лежала структура — идея о превосходстве мадьяр, позволявшая политической элите управлять страной как национальным государством. Этой концепции придерживались различные политические группировки, допуская лишь определенные уступки немадьярскому населению королевства, что позволяло до времени сглаживать межэтнические противоречия, хотя и не устраняло их полностью. О.В. Хаванова отметила, что в первой половине XX в., когда эпоха австро-венгерского дуализма уже отделялась от современников страшной мировой войной, революцией, террором и контрреволюцией, император-король и его негибемый противник — скончавшийся в эмиграции пламенный революционер Лайош Кошут оказались равно любимы народом перед лицом вечности. Именно тогда распространяется поговорка «Умер Лайош Кошут — не стало справедливости, умер Франц Иосиф — не стало счастья».

Профессор *Петер Шворц* (Прешовский ун-т, Прешов) в докладе «Словакия в годы правления императора Франца Иосифа I (1848–1916)» отметил, что с позиций словацкой истории период правления императора можно охарактеризовать как время надежд и разочарований. Политика, проводимая венгерской элитой по отношению к невенгерским народам империи, привела к тому, что словаки в ходе революции 1848 г. оказались в императорском лагере. Однако надежды словаков оказались напрасными. Ни после подавления венгерского восстания 1848 г., ни позднее, после падения неоабсолютизма, словакам не удалось реализовать основные свои задачи – прежде всего создание отдельной словацкой провинции. Вновь надежда на изменение положения словацкого населения в империи возродилась после того, как наследником престола стал Франц Фердинанд д’Эсте, который не раз указывал на необходимость глобальных преобразований в монархии. Однако выстрелы в Сараеве и начало Первой мировой войны перечеркнули эти надежды. Теперь им предстояло быть реализованными уже в рамках нового чехословацкого государства.

Представитель польской стороны *Дамиан Шимчак* (Ун-т им. Адама Мицкевича, Познань) в докладе «“Мы друг друга понимаем...” Франц Иосиф и поляки в Галиции» проанализировал основные характеристики галицийской автономии в период правления Франца Иосифа. Он подчеркнул, что галицийская автономия – это один из важнейших феноменов польской истории XIX в., которая, однако, не имела политико-правовых основ и обоснована была только соглашением Франца Иосифа с польскими политическими элитами, заключенным в 1866 г. Именно существование неформального соглашения императора и польских элит стало основой для возникновения галицийского мифа о хорошем императоре, который функционировал еще долго после 1918 г. При этом, подчеркнул докладчик, несомненным является тот факт, что и в рамках Габсбургской монархии, и в самой провинции статус поляков был особенным. Поляки не только занимали высокие государственные, административные и придворные должности, но и получили всю полноту власти в Галиции. Из-за этого представители непольского населения, прежде всего украинцы, оказались в роли жителей второй категории, что оказало негативное влияние на национальные отношения в провинции. В заключение Д. Шимчак сделал следующие выводы: личный договор между императором Францем Иосифом и польскими элитами, определивший судьбу Галиции во второй половине XIX в., с течением времени менял свой характер. Поэтому нельзя рассматривать временной промежуток с 1867 по 1918 г. как единый период. В значительной мере на ослабление популярности императора и династии повлияла Первая мировая война. Разрыву отношений с монархией способствовала не только смерть Франца Иосифа, но и издание акта 5 ноября 1916 г. Также польский исследователь подчеркнул, что не существует общего галицийского мифа, скорее их несколько – польский, русский, украинский, еврейский, которые во многом противоречат друг другу.

Во второй части семинара было сделано несколько сообщений, дополняющих и развивающих тематику основных докладов.

О.И. Величко (Ин-т социологии РАН) в своем выступлении отметила, что так называемый габсбургский миф, начав складываться задолго до восшествия на престол Франца Иосифа, во многом оформился именно во времена его правления. При этом важными составляющими данного мифа были личные качества императора. Трагические обстоятельства, преследовавшие его и его семью на протяжении всего правления, вызывали сочувствие, некоторые человеческие качества: сухость, чопорность, приверженность регламенту – раздражали. Вместе с тем, именно личные качества императора, его трудоспособность и самодисциплина настраивали на уважительное отношение к нему даже его противников. Лояльность и труднообъяснимое почтение к Францу Иосифу как символической фигуре сохраняли даже социал-демократы, за что последних иронически именовали «императорско-королевской социал-демократией». Таким образом, личность императора оказалась самым действенным скрепляющим элементом его империи.

Г.П. Мельниковым (ИСЛ РАН) была предложена идея о том, что во второй половине XIX – начале XX в. под влиянием цивилизационных факторов в культурном пространстве империи усилились интеграционные процессы. Одновременно в противоречии с этим под влиянием идей национального возрождения формируются национальные культуры народов империи: чехов, венгров, словаков и других, оппозиционно настроенных по отношению

к Вене. В культуре империи господствуют общие стили, выражаемые, однако, в рамках национальных культур с их спецификой. Возникло сложное пространство культуры империи, где центристремительные тенденции явно существовали, но исторически вытеснялись национальными культурами. Таким образом, сложилась полифоническая структура культурного развития «лоскутной монархии», в которой культурная коммуникация между ее народами, являвшаяся важным связующим фактором, развивалась в сложных взаимоотношениях с процессом становления и утверждения национальных культур.

М.Э. Клопова (ИСл РАН) в выступлении отметила, что в глазах представителей восточнославянского населения Габсбургской монархии, официально именовавшегося русинами, Вена всегда была защитницей от польского притеснения, и именно с покровительством со стороны Габсбургов деятели национального возрождения связывали свои надежды. Революционные события 1848 г. только укрепили в сознании русинов веру в «доброе кесаря». Этому не помешали ни урегулирование отношений польских элит и официальной Вены, ни последовавшая полонизация края, ни раскол национального движения русинов на два антагонистических направления: русофильское и украинское. Лояльность по отношению к престолу сохранялась в сознании русинов вплоть до начала Первой мировой войны. В свою очередь, Вена в своем отношении к русинам руководствовалась скорее соображениями политической рациональности. Этими соображениями было продиктовано решение о заключении союза с польскими элитами, легшего в основу автономии Галиции, что, как отметил Д. Шимчак, негативно отразилось на состоянии межнациональных отношений в провинции. Эти же соображения подтолкнули Вену, по мере того, как в австро-российских отношениях возрастала напряженность, к поддержке украинского движения, идеология которого имела выраженную антиросийскую направленность.

В заключение семинара состоялась дискуссия, в ходе которой ее участники отметили: несмотря на то, что со дня смерти Франца Иосифа I прошло целое столетие, наполненное весьма драматическими событиями, личность монарха и эпоха его длительного царствования до сих пор представляют немалый интерес не только для исследователей, но для многих граждан государств, некогда входивших в Габсбургскую монархию.

© 2017 г. М.Э. Клопова

Славяноведение, № 5

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ ИСКУССТВА И СОЦИАЛИЗМ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»

Важная составная часть современной науки о человеке, ее двигатель – осознание ею собственных границ и возможностей, роли в общественной жизни. Проблеме взаимосвязи истории и искусствоведения была посвящена необычайно насыщенная международная научная конференция «История искусства и социализм после Второй мировой войны: с 1940-х по 1960-е годы», которая состоялась в Таллинне в октябре 2016 г. Ее организатором выступила Эстонская Академия художеств в лице видного эстонского искусствоведа профессора Кристы Кодрес. Партнером эстонских организаторов явились немецкие коллеги: Центр истории и культуры Восточной Европы в Лейпциге, представленный доктором искусствоведения Мариной Дмитриевой, и Университет им. Гумбольдта в Берлине (профессор Микаела Марек). Конференция стала звеном в реализации масштабного научно-исследовательского проекта «Создание исторической науки об искусстве: вклад в науку эстонского искусствознания в контексте изменяющейся идеологии и развития дисциплины» (руководитель – Криста Кодрес). Два дня оживленных заседаний проходили в особняке Эстонской Академии наук.

Участниками форума двигало стремление переосмыслить с позиций сегодняшнего дня опыт науки об искусстве в период наиболее острых социально-политических трансформаций – от послевоенного времени к эпохе шестидесятых. Естественно, речь шла преимущественно о целом ряде радикальных сдвигов в общественном сознании и гуманитарной мысли, которые коснулись стран Восточной Европы и Советского Союза. В образовавшихся после войны молодых государствах так называемой народной демократии в конце 1940-х восторжествовал догматический марксизм, который по прошествии десятилетия на волне политической либерализации сменился обращением к новым общеевропейским, а также к традиционным, устоявшимся еще в межвоенный период, ценностям в искусстве, культуре, науке о человеке. Эти два крутых поворота испытало на себе и советское искусствоведение, хотя очевидны отличия от соседней, ведь события революции были здесь уже в относительно далеком прошлом, а повестку дня определяла гремучая смесь эйфории от победы в войне и торжества политической реакции в 1940-е годы, а позднее, во времена «оттепели», память, с одной стороны, о сталинских чистках конца 1930-х, а с другой – о значимом интеллектуальном наследии отечественной культуры 1920-х годов. Каким образом на рутинные процедуры искусствоведения – отбор фактов, трактовку современных и исторических процессов влияла официальная идеология и как ей противостояли, как отразились на науке об искусстве националистические тенденции и другие политические веяния 1940-х годов, какими путями наука уклонялась от навязываемой властями догмы или сопротивлялась ей, насколько существенным было участие историков искусства, критиков, эстетиков в процессах обновления общества и каковы были границы этого обновления в условиях социализма, наконец, как на пике радикальных трансформаций складывался новый язык исследований в соотношении с динамикой художественной практики – такие проблемы научного, нравственного и идеологического характера необычайно бурно обсуждались на конференции. А немногочисленный, но сильный состав участников этим «буре и натиску» соответствовал: в эстонскую столицу приехали именитые ученые и их более молодые активно работающие в науке коллеги, представляющие, наряду с Эстонией, искусствоведение Албании, Германии, Литвы, Польши, Румынии, Словакии, Чехии и, разумеется, России. Интересно, что в настоящее время большинство тех, кто собрался в Таллинне, являются профессорами и преподавателями европейских университетов, а также высших учебных заведений США и Канады. Это позволило достичь двойного фокуса во взгляде на отдельные школы и направления искусствоведения: западноевропейский опыт работы докладчиков предопределил широкий диапазон идей и методов, но при этом не терялась из вида неповторимость национальной истории, уникальный «язык» каждой культуры, носителями которых участники конференции выступали.

Пленарная лекция проф. *Бранко Митровича* (Норвежский технологический университет, Тронхейм) «Коллективистская историография и ее методологии» была посвящена фундаментальной проблеме диалога-соперничества между индивидуальным и коллективным в истории общественной мысли, а также ее актуализации в настоящем, личностным и обобщественным началам в науке о культуре как противостоянии частного и государственного. Выступление проф. Митровича базировалось на его недавно опубликованной монографии на тему коллективистской философии и политике в связи с историей науки об искусстве в 1890–1947 гг. Лекция расширила хронологию книги и касалась послевоенного времени и 1960-х годов. Она явилась своего рода полемическим камертоном к последующим выступлениям, задав дух единства противоположностей, основанном на парадоксальности сближений, из которой соткана история XX в. в целом и судьбы Центральной и Восточной Европы в особенности.

Доклады основных секций разделились на несколько проблемно-тематических групп. Наиболее крупная из них – марксистская идеология в искусствознании времен оттепели. Тому, существовала ли она вообще или была неким отображением быстро меняющегося политического ландшафта в Чехословакии накануне событий 1968 г., были посвящены сразу два доклада. В докладе *Ивана Герата* (Братислава) на материале различных подходов к искусству Средневековья и начала Нового времени была поднята важная проблема иконологического метода в чешском искусствоведении: насколько ее сторонники накануне событий 1968 г. ретировались открыто следовать принципам социологии школы Варбурга и Панофского и была ли это лишь политическая мимикрия, прикрытая девизами «социалистической истории искусства». *Тереза Йоханидесова* (Прага) коснулась того,

как пришедшая с Запада волна «иконологического метода» определила прорывные труды выдающегося чешского искусствоведа Яромира Ноймана и как отличны были его взгляды от позиций другого чешского иконолога, Рудольфа Хадрабы, который приспособил новый научный дискурс к требованиям официальной идеологии. *Каролина Лабович-Дыманус* (Варшава) в своем докладе задалась целью выяснить динамику и природу взаимоотношений (от послевоенного десятилетия до «оттепели»), складывавшихся внутри треугольника *власть—художники—искусствоведы*, остро поставив вопрос о том, насколько глубоким было влияние марксизма в период торжества официальной доктрины, а с другой стороны, выразила сомнение в окончательности преодоления в общественном сознании эпохи «культурной колонизации» посредством неоавангарда 1960-х годов. По ее мнению, модернизм как «выпускной клапан» периода «оттепели» лишь отчасти предохранил искусство от контроля со стороны властей.

Значительная часть докладов была посвящена загадочному понятию марксизма в искусствоведении. Загадочному не только потому, что в нынешней России уже выросло поколение, которое не испытало на себе тягот изучения дисциплин вроде диалектического материализма, которые Роман Якобсон в свое время называл противоестественными (в отличие от цикла естественных дисциплин и «неестественных» гуманитарных наук), но и потому, что не всегда осознается дистанция между оригинальной теорией Карла Маркса и практиковавшимися в период социализма ее многочисленными клонами, весьма сильно от нее отходящими. Тем не менее предмет этот интересен в силу изучения разновидностей официальной идеологии в разных странах Восточной Европы, возобладавшей в послевоенное время, а также форм сопротивления ей. *Миленка Бартлова* (Прага) рассмотрела политическую ориентацию чешского искусствоведения начала 1950-х годов с точки зрения механизмов сталинизации культуры на уровне институций и индивидуального выбора участников процесса. А механизмы эти были очень сложны, учитывая довоенное наследие Чехословакии с его в целом неприятием левого искусства, слабым интересом к теориям Маркса, социальным утопиям и доминированием национально ориентированной идеологии. *Алмира Усманова* (Вильнюс) в своем докладе на тему советской версии марксистского искусствознания анализировала под этим углом зрения практику создания многотомных энциклопедических исследований искусства в Советском Союзе, имевших целью переписать мировую историю культуры, в частности, и с точки зрения изменившейся после войны геополитической карты Европы. Венком творения и заключительным этапом истории человечества в этом построении стал, разумеется, соцреализм. Рассмотрение искусствоведческого нарратива в контексте других реализмов (не марксистского типа) позволило поставить ряд проблем, уточняющих понятие, которое вкладывалось тогда и в сам термин марксизма.

Ряд докладов был посвящен модной в наши дни теме переписывания истории. *Кармен Попеску* (Ренн, Франция) в своем докладе «Писать в пустоту: историография современной архитектуры в социалистической Румынии» показала, как во времена социализма фальсифицировалась история искусства (в данном случае архитектуры), что явилось результатом, во-первых, отсутствия профессиональной подготовки искусствоведов в области современной архитектуры, а во-вторых, действия политической цензуры. На примере публикаций в румынском журнале «Arhitectura» она продемонстрировала удивительные эллипсисы представленной истории, где сразу за «феодальными» Средними веками (минувшая века и тысячелетия) следовала «буржуазная» архитектура эпохи модернизма — им обеим противопоставлялась «правильная» архитектура, возникшая в Румынии после 1945 г. Такого рода искусственная выемка румынской архитектуры из контекста европейского развития, по мнению Попеску, явилась следствием копирования советской модели, но превзошла последнюю, потому что делала невозможным сравнение даже с социалистическими странами. Материалы журнала являлись скорее хроникой, нежели историей архитектуры, своего рода ребусом для разгадывания исторического окружения, а описание достижений зодчих предстали как историографический казус. Истории румынской архитектуры в социалистические времена был посвящен и доклад *Юлианы Максим* (Сан-Диего, Калифорния), которая рассмотрела, как менялся с течением времени фундаментальный труд известного румынского искусствоведа Григора Ионеску, где написанная в довоенные годы история архитектуры Румынии в период социализма превратилась в историю румынской архитектуры, и это не просто казуистика: довоенный принцип рассмотрения разрозненных частей страны (одни из которых испытывали

западноевропейские влияния, а другие находились в ареале православной культуры) как суммы традиций был вытеснен при социализме идеологическим императивом выстраивания истории единой нации, к тому же рассмотренный с точки зрения марксистского учения о стадийном развитии общества, классовой борьбе и революционных преобразованиях. И такого рода переписывание истории было весьма типичным в период социализма — настолько, что даже именитые ученые были вынуждены идти на компромисс.

Однако компромисс имел свои границы, и об этом свидетельствует тот сегмент искусствознания, который противопоставил официальным догмам щит альтернативных путей. *Наталья Злыднева* (Москва) рассмотрела в этом аспекте советское искусствознание 1960-х, особенно школу Московского университета. По ее мнению, последняя во многом ориентировалась на немецкую формальную школу, хорошо известную в России 1920-х годов. В эти годы свои первые шаги в филологии делал структурализм, уходящий корнями в русский формализм все тех же 1920-х и глубоко повлиявший на всю гуманитарную науку в стране. Благодаря этой ориентации на имманентную историю искусства, а также профессиональную специализацию (=знаточество), искусствоведам МГУ (а среди них было множество «великих стариков» поколения 1920-х — таких, как А. А. Федоров-Давыдов, В. Н. Лазарев, В. В. Павлов, М. А. Ильин и других, эстафету которых подхватило более молодое поколение — В. Н. Гращенков, Ю. К. Золотов, В. Н. Прокофьев, Д. В. Сарабьянов) удавалось избежать давления официальной идеологии и цензуры, предоставлять студентам качественную профессиональную подготовку, соорудив посредством своей дисциплины своего рода нишу относительной свободы мысли. Н. Злыднева остановилась на творчестве А. А. Федорова-Давыдова, а также провела контент-анализ текстов Б. Р. Виппера с точки зрения «уликовой парадигмы» слов, открывающих глубинную связь с формализмом.

Тема новых путей в искусствознании оказалась близкой и польским коллегам: об известном искусствоведе и пропагандисте современного искусства в 1960-е годы Мечиславе Порембском рассказал *Петр Юшкевич* (Познань). М. Порембски разработал методы анализа произведения искусства с позиций структурализма и семиотики, но этот опыт остался без продолжения в потомках, а работы ученого, которые по сей день не переведены на другие языки, к сожалению, незаслуженно мало известны современной аудитории как в России, так и на Западе. Тем не менее вклад М. Порембского в польскую историю искусства периода социализма трудно переоценить: будучи автором не только методологически революционных исследований, но и вполне идеологически ортодоксальных работ о соцреализме, он отразил яркие противоречия эпохи и региона.

Переосмыслению опыта ведущих искусствоведов были посвящены и несколько докладов на материале советского опыта. Так, *Марина Дмитриева* (Лейпциг) показала, какими неоднозначными были труды Михаила Лифшица, впитавшие в себя всю гамму разнонаправленных явлений в модернизации общества 1960-х годов и положившие начало плодотворной дискуссии о современном западном искусстве и так называемой буржуазной эстетике на страницах журнала «Новый мир», что по существу приоткрывало щель в железном занавесе, отгораживающем советского читателя от внешнего мира. Творческому пути А. А. Федорова-Давыдова был посвящен доклад *Елены Хлопиной* (Москва), показавшей, как жизненный путь этого ученого отразил сложные перипетии истории отечественной культуры в XX в. — начавшись в 1920-е годы с увлечения формализмом, продолжившись в послевоенные годы уже с опытом внедрения в официальную идеологию, а затем перейдя к проблемам «чистого искусства» в 1960-е.

Важная тема, охваченная конференцией, — смещение стратегии в трактовке явлений в истории искусства как результат взаимного наложения разных дискурсов: факты истории искусства, подчас удаленные от эпохи социализма, использовались в пропагандистских целях. В докладе *Николаса Дрососа* (университет Мак Мастер, Канада) на примере польской историографии Ренессанса было показано, как это историческое понятие сначала (в 1950-е годы) трактуется в соответствии с господствовавшей в послевоенные годы идеей национального «возрождения» («прогрессивный» народный реализм), кульминацией которого стал соцреализм сталинистского образца, а затем, по мере наступления «оттепели» 1960-х, это важнейшее явление истории искусства начинает выступать все более свободным от идеологических стереотипов. На близкой проблематике основан

и доклад *Кяди Тальвои* (Таллинн): речь шла о пересмотре художественного наследия Кристьяна Рауда (видного эстонского художника довоенной Эстонии, иллюстратора эпоса «Калевипоэг»). К. Тальвои показала, как интерпретация одной и той же исторической персоны может меняться в зависимости от идеологического контекста той или иной эпохи, в данном случае, ее герой проделал путь от символа «эстонского стиля» на рубеже веков до знамени «соцреализма» в начале 1950-х. Творчеству отдельной личности был посвящен и доклад *Райно Исто* (университет Мериленд, США), а именно Одхизе Паскали (1903–1985), албанского скульптора, на примере которого докладчик показал пути албанского соцреализма, до поры до времени опиравшегося на традиции европейской сецессии, а позже перестроившегося в соответствии с принципами соцреализма социалистической Албании, что полностью отразилось и в динамике интерпретации. В докладе показано, как идеологический заказ эпохи в истории искусства смещает критерии оценки, накладывает отпечаток на интерпретационные стратегии.

Катя Бернхардт (Берлин) рассмотрела процесс перехода академической истории искусства в ГДР 1960-х годов на позиции *Kunstwissenschaft*, что отразило разнонаправленные стремления как соответствовать советской модели искусствоведения (имея в виду доминанту идеологии), так и наследовать традиции немецкого искусствознания 1920-х годов. Тем самым силами искусствознания по существу был перекинут мост между двумя Германиями: аналогичные процессы шли в эти годы и в ФРГ, где проявился интерес к проблемам социальной роли истории искусства.

Что же касается пропасти между эпохами – ее еще предстоит замостить. В заключительной дискуссии были подведены некоторые итоги, главным из которых стала констатация понимания того, насколько разнообразны были формы восприятия и преодоления догматического строя мысли в Восточной Европе, сколь неоднозначны судьбы людей науки и как важно еще и еще раз перелистывать страницы истории, даже если это по своей природе сравнительно далекая от идеологии область истории искусства. Чтобы не забывать ее уроки.

© 2017 г. *Н. В. Злыднева*

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Глубокоуважаемая редакция!

Выражая искреннюю благодарность коллегам журнала за публикацию (Славяноведение. 2014. № 3. С. 107–109) рецензии на сборник «Поэтика юмора» (Poetika humoгу. Vedecký sborník / Ed. J. Waldnerová. Nitra, 2011), прекрасно написанную научной сотрудницей Отдела истории славянских литератур, канд. филол. наук А. Ю. Песковой, считаю необходимым сделать к ней некоторые дополнения. Основательно проштудировав сборник, в котором приняли участие словацкие, чешские, польские, венгерские, македонские, русские ученые, деятели науки и культуры разного профиля, А. Ю. Пескова, представив убедительные аргументы, высоко оценила этот труд, с чем можно только согласиться.

Единственное мое замечание/дополнение к рецензии связано с отсутствием в ней информации о выдающейся роли в возникновении труда профессора Тибора Жилки. В этом нет вины Песковой, которая не обладала необходимой для этого информацией. Ее собиравшись предоставить автор этих строк, но сделать это своевременно не успела. Спешу исправить свое упущение.

В рецензии сказано, что труд подвел итоги работы международной конференции «Юмор в иронии – ирония в юморе», организованной в сентябре 2011 г. факультетом Центральноевропейских исследований Университета Константина Философа в Нитре.

Однако из перечня ее организаторов, к сожалению, выпала кафедра ареальных культур этого факультета. Ее заведующий, профессор Тибор Жилка, на XIV Международном съезде славистов в Охриде (10–16 сентября 2008 г.) был избран руководителем Комиссии по славянской поэтике при Международном комитете славистов. Конференция в Нитре была организована в рамках деятельности этой комиссии, проходила под руководством ее председателя, что показывает основополагающую роль профессора Т. Жилки в создании отрецензированного сборника, в основу которого были положены материалы конференции «Юмор в иронии – ирония в юморе».

И конференция, и сборник, разумеется, не являются лишь формой отчета перед научной общественностью о деятельности Комиссии по славянской поэтике. Они открывают перед исследователями новые горизонты, разжигают интерес к изучению не набивших оскомину сторон мировосприятия и явлений искусства.

В своем предисловии к сборнику, констатируя разнообразие взглядов на юмор и аспектов рассмотрения его поэтики, Я. Вальднерова и Т. Жилка подчеркнули перспективность дальнейших разработок поднятой его авторами проблем: «Публикация сборника “Поэтика юмора”, где суммируются результаты многих исследований, является не их последним словом, а лишь промежуточным звеном, которое, как можно надеяться, многое объяснит, многому научит, на многое вдохновит и будет иметь продолжение» (Poetika humoгу.. S. 8).

Надеюсь, что данные сведения будут полезны читателям журнала.

© 2017 г. Л. Н. Будагова

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЛИПАТОВА

Александр Владимирович Липатов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, действительный член Польской академии наук и искусств, кавалер ордена «Офицерский крест заслуги перед Речью Посполитой Польской» и медали Шафарика. При всех своих регалиях его путь в науку и в науке не был гладким и легким как в силу обстоятельств, так и склада личности ученого, предпочитавшего не плыть по течению, а следовать зову своей души.

Он родился в Днепропетровске в 1937 г., в день рождения А. С. Пушкина — 6 июня. Школу закончил в Донбассе, в поселке им. Карла Либкнехта. До поступления в 1957 г. на филологический факультет МГУ будущий славист с успехом прошел «свои университеты», обретая ранний жизненный опыт в занятиях разными профессиями. После школы он становится рабочим на авторемонтном заводе в Симферополе. Через год начинает сотрудничать в газете «Колхозный путь», издававшейся в Черноморском, районном центре Крымской области. Выдержав там всего полгода (не сложились отношения с шеф-редактором), он переходит в газету Бахчисарайского района «Ленинская правда». Не ограничиваясь журналистикой, выступает своего рода культуртрегером, руководя художественной самодеятельностью молодежи, ставя спектакли и участвуя в них в качестве актера. Позже, в Институте славяноведения, Александр Владимирович будет с удовольствием вспоминать об этом.

Заработав после школы солидный трудовой стаж, А. В. Липатов приезжает в Москву поступать на русское отделение филологического факультета МГУ, но обнаруживает свою фамилию среди принятых в польскую группу славянского отделения, особо при этом не огорчившись. О польской литературе он знал не понаслышке. Ее большими почитателями были его дед и бабушка, рано познакомившие внука с творчеством великого Генриха Сенкевича, первого среди славянских писателей лауреата Нобелевской премии.

Сначала учеба на славянском отделении разочаровала студента засильем политэкономии и военного дела. Он даже собирался расстаться с МГУ, но именно в это время принимается соглашение об обмене студентов МГУ с Варшавским университетом. Об этом сообщил ему внук Льва Толстого, преподаватель сербского языка на филфаке Илья Ильич Толстой.

Илья Ильич, с симпатией присматривавшийся к строптивому студенту, рекомендовал его для продолжения учебы в Варшаве. Воодушевленный радужной перспективой, Саша Липатов сдал экзамены за первый семестр филфака на одни пятерки и начал новый учебный год уже в Варшавском университете, причем — не на первом, как полагалось, а на втором курсе. Не желая терять год, он самостоятельно изучил и сдал разницу между программами первого года обучения в двух университетах. В 1962 г. А. В. Липатов окончил отделение полонистики Варшавского университета, став первым в его истории русским студентом, получившим степень магистра. После обучения в аспирантуре МГУ (1962—1965) А. В. Липатов в 1966 г. защищает кандидатскую диссертацию «Романы И. Красицкого и их роль в развитии этого жанра в польской литературе».

Начав свою научную деятельность в Институте славяноведения в 1965 г. с изучения польского реализма, т. е. с весьма поощряемой проблематики, А. В. Липатов очень скоро увеличивает круг интересов, формируясь в специалиста широчайшего профиля, свободно ориентирующегося не только в польской, но и в других славянских

литературах, не только в культуре XIX в., но и других, гораздо менее исследованных эпох. Углубленное изучение польской литературы, верность А. В. Липатова разным аспектам полонистики сочетаются с потребностью рассматривать польскую словесность не изолированно, а в контексте других национальных литератур, прослеживая их развитие и уделяя особое внимание Средневековью, Барокко, Просвещению, Романтизму.

На его счету несколько монографий, издававшихся в России или в Польше, а именно – «Возникновение польского просветительского романа. Проблема общенационального и общеевропейского» (1974), «Литература в кругу шляхетской демократии» (1993), *Słowiańszczyzna – Polska – Rosja. Studia o literaturze i kultyurze*. Izabelin, 1999; *Rosja i Polska: Konfrontacja i grawitacja. Historia, Kultura, Politika*. Toruń, 2003; *Rosja dzisiaj; między przeszłością i terażnością*. Toruń, 2007. Их написание он успешно сочетал с авторской и редакторской работой в создании ряда коллективных трудов Института: «Славянские литературы в процессе их становления и развитии от древности до середины XIX века» (1980); «Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи» (1979); «Барокко в славянских культурах» (1982) и т.д. Он автор первого тома (М., 1968) двухтомной «Истории польской литературы», нескольких начальных томов «Истории всемирной литературы», созданной ИМЛИ (М., 1983–1988).

Со временем возрастает большая научно-организационная работа А. В. Липатова как ответственного редактора и члена редколлегии ряда изданий, начавшаяся еще в конце 1970-х годов. Так, наряду с Л. Н. Будаговой и С. В. Никольским, Липатов входит в редакционный совет трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (М., 1997, 2001), является ответственным редактором ее первого тома. В списке трудов, руководимых Липатовым, сборник «Россия в глазах славянского мира» (М., 2007). Подключенный к редактированию (на его последнем этапе) международного сборника «Россия и русский человек в восприятии славянских народов» (М., 2014), он обогатил его своими статьями, подчеркнувшими все нарастающий драматизм русско-славянских отношений, исключая их идеализацию.

А. В. Липатов стал первым русским ученым, который еще в 1989 г. защитил во Вроцлавском университете диссертацию «Формирование польского романа и европейская литература. Средневековье. Возрождение. Барокко» на звание доктора филологических наук. Однако случилось это в силу определенного сопротивления соискателю со стороны московских коллег, которых не устраивало его вольнодумие. Не могу забыть «проработки» А. В. Липатова за его поддержку трудов известного польского ученого Жулкевского. Среди голосов в защиту А. В. Липатова раздавались и такие, что, мол, его позиция в принципе «не защитима». К счастью, никаких «оргвыводов» по отношению к Александру Владимировичу сделано не было. Этому помогли и традиции нашего учреждения, и либеральные взгляды директора Д. Ф. Маркова, его зама Ю. В. Богданова, да и большинства сотрудников, предпочитавших догматическим установкам здравый смысл.

Поражает, как плодотворно и дисциплинированно работал (и работает) А. В. Липатов, как много всего успевает. Когда бы Вы ни заглянули в Отдел истории славянских литератур, чаще всего застанете его на своем рабочем месте, что-то читающего или пишущего в любой, самой нерабочей обстановке. В настоящее время юбиляр готовится к реализации проекта «Самосознание славянских народов в зеркале литературы», отдает много сил развитию русско-польского научного сотрудничества, способного, как хочется надеяться, смягчать напряженность политических отношений между Россией и Польшей. Только в 2016 г. он организовал совместно с польской стороной, в том числе с Научным центром Польской Академии наук в Москве, несколько конференций, посвященных изучению российско-польской проблематики. В них принимали участие сотрудники Института славяноведения, Института мировой экономики и международных отношений РАН, РГГУ, Института литературных исследований ПАН, Ягеллонского университета в Кракове и других научных центров. Заглядывая в будущее, А. В. Липатов предложил перспективный план совместной деятельности, который предполагает помимо разработки новой исследовательской методологии (где, к примеру, задействовано цивилизационное начало) переход от частных, фактографических

вопросов к обобщению накопленных материалов. Заметим, что последнее – вообще весьма типично для творческого почерка А. В. Липатова. Его многогранная деятельность, тематическое разнообразие работ связаны сверхзадачами рассмотрения славянства в качестве неотъемлемой части «европейской цивилизации», выявления закономерностей истории славянских литератур и культур. В ряде его трудов рассмотрены теоретические аспекты периодизации, вопросы стереотипов национального восприятия, соотношения национального менталитета и государственно-правового устройства. Выходы в теорию и компаративистику являются естественным следствием глубины и высочайшего профессионального уровня автора, следствием пылкости его мысли и широты кругозора. Теоретические построения А. В. Липатова лишены схоластики и умозрительности, они базируются на солидной материальной базе, на тщательном изучении конкретного материала.

А. В. Липатов весьма востребован и как преподаватель, читающий лекции по страноведению студентам РГГУ и аспирантам Института славяноведения. В последние годы аудитория его слушателей расширилась. Вот уже несколько лет подряд он читает по приглашению польской стороны лекции по славяноведению в Торуне, Варшаве, Кракове, используя для этого командировки и отпуска. При этом он никогда не ходит в должниках Отдела, заранее готовя для его нужд свои статьи.

Пусть и дальше и как можно дольше продолжается жизнь Александра Владимировича, посвященная и преданная Науке.

© 2017 г. Л. Н. Будагова

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Александру Владимировичу здоровья и творческих успехов.

Славяноведение, № 5

К ЮБИЛЕЮ ЛЮДМИЛЫ НОРАЙРОВНЫ БУДАГОВОЙ

3 сентября 2017 г. – юбилей выдающегося российского литературоведа-слависта, доктора филологических наук, автора около трехсот научных трудов, Людмилы Норайровны Будаговой. Окончив славянское отделение филологического факультета МГУ, она прошла путь от аспирантки Института славяноведения АН СССР до заведующего Отделом истории славянских литератур, видного организатора и творческого руководителя научного процесса.

Изначально Людмила Норайровна занималась историей чешской и словацкой поэзии. Ее кандидатская диссертация (1966), а затем и монография «Витезслав Незвал. Очерк жизни и творчества» (1967) посвящены одной из ключевых фигур чешской и мировой литературы, поэта, которого вначале приходилось защищать от нападков догматической критики советского периода как модерниста, а в постсоветский период – от атак по поводу его приверженности коммунизму и любви к Советскому Союзу. Непредвзятый подход к творчеству Незвала, анализ прежде всего творческой специфики автора сделал работы Л. Н. Будаговой всегда актуальными. Верность чешской и словацкой поэзии сопровождала весь путь исследовательницы, ею написаны работы о творчестве К. Г. Махи, Й. Махара, А. Совы, О. Бржезины, К. Главачека, И. Волькера, В. Незвала, В. Завады, Я. Заградничека, Я. Сейферта, М. Флориана, Я. Есенского, Р. Фабри, В. Рейсела и других поэтов. Рассмотрение поэтического материала у Л. Н. Будаговой отличается тонкостью проникновения во внутренний мир художника, неповторимость его поэтики, образный и звуковой строй автора. Видение творчества

славянских писателей в общеевропейском контексте, в соотношении с различными направлениями и течениями в мировом искусстве сочетается у Л.Н. Будаговой с анализом особенностей развития славянских литератур, что постепенно выходило на новый уровень осмысления – к обобщающему взгляду на литературный процесс в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы. Об этом говорит, в частности, тема ее докторской диссертации «Особенности развития литератур западных и южных славян (конец XIX – первая половина XX в.)» (1995).

Сходная эволюция происходила и в сфере участия Л.Н. Будаговой в коллективных трудах Института славяноведения. От глав в «Очерках истории чешской литературы» (1963) и «Истории словацкой литературы» (1970) – до создания уникального, высоко оцененного специалистами трехтомника «История литератур западных и южных славян» (тт. I, II – 1997, т. III – 2001), в котором Будагова была инициатором, организатором, руководителем – и, конечно, автором, в том числе и обзорных вводных глав к разделам.

Изучение творчества Незвала, зачинателя таких авангардных течений в чешской литературе, как поэтизм и сюрреализм, привело Л.Н. Будагову к анализу самого литературного модернизма и авангарда у славянских народов (а отчасти авангарда и в других родах искусства, что связано с сотрудничеством с Институтом искусствознания). Ценным является ее вывод о более мягком варианте антитрадиционализма в модернизме и авангарде у славянских народов, в частности об интересе к традициям романтизма. С докладами о соотношении историко-литературных процессов в славянских литературах и мировой литературе Л.Н. Будагова неоднократно выступала на Международных съездах славистов (в частности в Братиславе в 1993 г., в Кракове в 1998 г., в Любляне в 2003 г.). Она участвовала как автор статей в создании «Энциклопедического словаря сюрреализма» (ИМЛИ, 2007). Исследования в этой области продолжаются в Отделе и по сей день.

Постоянный объект интереса Л.Н. Будаговой – литературные связи славян. В недавние годы по ее инициативе проведен ряд международных конференций и изданы научные труды, посвященные отзвукам творчества классиков русской литературы – А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова в литературах западных и южных славян. Актуальными стали инициированные ею труды по взаимному восприятию России и славянства – «Россия в глазах славянского мира» (2007), «Славянский мир в глазах России» (2011), «Россия и русский человек в восприятии славянских народов» (2014).

Л.Н. Будагова с любовью популяризировала чешскую литературу среди российских читателей. Она – автор предисловий, переводов, комментариев к публикациям К.Г. Махи, И. Волькера, Ф. Грубина, С. Чеха, М. Флориана, И. Тауфера, В. Незвала, словака Я. Есенского и др. Л.Н. Будагова стала постоянным участником ежегодного культурно-просветительского семинара в Шрамковой Сobotке (Чехия). В своих докладах она анализировала не только чешскую, но и русскую литературу, в том числе современную. Эти доклады стали основой книги «О литературе и культуре. Тексты для Шрамковой Сobotки» (2012), изданной на чешском языке. На чешский переведены и другие ее работы, а также на словацкий, польский, сербский, немецкий.

Исследовательница имеет заслуженно высокий авторитет среди коллег, в том числе зарубежных. Ее деятельность оценена премиями Словацкой академии наук, чешского литфонда, избранием в иностранные члены Матицы Сербской (1995), медалью философского факультета Карлова университета в Праге (1998), благодарностью Президента Российской академии наук (1999), медалью Славянского фонда России «За вклад в сохранение и развитие Кирилло-Мефодиевского наследия».

Людмила Норайровна – яркий пример неутомимого ученого, интересующегося всем новым в науке, но с уважением относящегося к сложившимся традициям. Мы знаем ее как строгого и взыскательного руководителя, редактора, внимательного к каждой мелочи, успешного организатора конференций, «круглых столов», создателя (иначе и не скажешь) коллективных трудов Отдела. Но это и бесконечно добрый, отзывчивый, безупречно порядочный человек, вносящий творческую искру в работу своих сотрудников.

Мы желаем Людмиле Норайрвне крепкого здоровья и творческого долголетия!

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ АНДРЕЕВНЫ ПОКИВАЙЛОВОЙ

15 июня 2016 г. — юбилейная дата в жизни Татьяны Андреевны Покивайловой, ведущего специалиста по истории Румынии, старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН, кандидата исторических наук. Окончив аспирантуру Института истории АН СССР, Татьяна Андреевна пришла в 1968 г. в Институт славяноведения РАН, где трудится и по сей день.

Из-под пера Татьяны Андреевны вышли за годы работы в Инславе монографии, разделы и главы в коллективных трудах, многочисленные статьи, документальные публикации. Отдав дань социально-экономической проблематике (в 1966 г. защищена диссертация «Социалистические преобразования сельского хозяйства в Румынии. 1949–1962 гг.»), Татьяна Андреевна неуклонно расширяла свой исследовательский диапазон. Хорошо известны специалистам ее глубокие новаторские исследования по истории румыно-венгерских отношений. Серия статей, посвященная спору из-за Трансильвании, написанная в соавторстве с Т.М. Исламовым монография «Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 гг.», изданные на румынском языке совместно с Т.М. Исламовым и О. Винцелером книги «За кулисами борьбы за Трансильванию», «И все же Трансильвания!» и, наконец, документальная публикация «Трансильванский вопрос. Румыно-венгерский территориальный спор и СССР. 1940–1946», стали значительным событием в научной жизни, вызвали заинтересованный отклик в европейской историографии.

В контексте послевоенного национально-территориального урегулирования Татьяна Андреевна плодотворно изучала такие трудные проблемы советско-румынских отношений, как Бессарабия и Буковина, депортации и переселения на территории Румынии. Не обошла вниманием она и проблему национальных меньшинств в Румынии, рассмотрев на широком хронологическом срезе положение в стране венгров, евреев, цыган и активно участвуя в проекте Отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны «Национальные меньшинства в Восточной Европе как фактор внутривосточного развития и межнациональных отношений».

Исследовательскую работу Татьяна Андреевна успешно сочетает с подготовкой документальных публикаций. Настольными книгами исследователей стали сборники «Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы» (1996) и «Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов» (1998). Много сил отдает Татьяна Андреевна изучению трудной и политически острой проблемы «румынского золота». Несколько лет посвятила она архивным поискам и сейчас на основе выявленных оригинальных документов готовит монографию «Судьба румынского золота в России».

Еще одна грань разносторонней деятельности Татьяны Андреевны — руководство исследовательскими проектами, в том числе межинститутскими и международными. Особо результативным стало изучение истории эмиграции, иммиграции и миграционных процессов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, включая сложные вопросы национальной идентичности и адаптации в условиях социально-политической трансформации в XX в. Были изданы коллективные сборники «В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (2009) и «Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Проблемы адаптации и сохранения национального достояния России» (2011). В апреле 2017 г. в рамках руководимого Татьяной Андреевной научного проекта, поддержанного грантом Президиума РАН, с успехом прошел «круглый стол» по теме «Эмиграция в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1917 — начало 1950-х гг.)».

Т.А. Покивайлова никогда не была исследовательницей одной темы, демонстрируя широкий спектр научных интересов. Политический кризис 1939 г.,

внутриполитическая жизнь Румынии накануне Второй мировой войны, движение Сопротивления в этой балканской стране, поиски выхода из войны на стороне фашистской Германии, «советский фактор» в Восточной Европе; ликвидация информационного плюрализма и блокирование каналов западной информации как один из механизмов утверждения политических режимов советского типа в регионе; формирование «особого курса» румынского руководства, историография новейшей истории Румынии; кризис в стране в конце 1980-х годов и падение режима Чаушеску – это далеко не полный перечень направлений научного поиска юбиляра.

С момента основания в 1972 г. и по сей день Татьяна Андреевна активно работает в Комиссии историков России и Румынии. Долгие годы она успешно выполняла обязанности ученого секретаря, а ныне является заместителем Председателя с российской стороны. Во многом благодаря неутомимой активности Татьяны Андреевны Российско-румынская комиссия принадлежит к числу наиболее активно действующих в системе РАН.

Татьяна Андреевна никогда не отказывает в помощи коллегам и молодым румынистам: консультирует, советует, снабжает книгами, делится архивными находками. Ее бескорыстие, дружелюбие и заинтересованное внимание снискали ей заслуженное уважение.

Поздравляя Татьяну Андреевну с прекрасной датой, желаем ей крепкого здоровья, долгой активной научной деятельности, творческих успехов!

Коллеги и друзья

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Татьяне Андреевне здоровья и творческих успехов.

Славяноведение, № 5

К ЮБИЛЕЮ ГАЛИНЫ ПАВЛОВНЫ МУРАШКО

Юбилейная дата – прекрасный повод выразить глубокое уважение человеку, чья научная жизнь тесно связана с Институтом славяноведения РАН, а увлеченный труд, творческое вдохновение, исследовательский задор неизменно вызывают восхищение у окружающих.

Эти слова о нашей замечательной коллеге – Галине Павловне Мурашко, докторе исторических наук, ведущем научном сотруднике Института славяноведения РАН, известном историке-слависте, специалисте по истории Чехии и Словакии и Восточноевропейского региона.

Г.П. Мурашко родилась 3 января 1932 г. в г. Тейково Ивановской области в семье служащих. Отец – Павел Иванович Резонов – выпускник (1938 г.) Ивановского пединститута, после службы в Красной Армии преподавал историю в военно-политическом училище г. Иваново, аспирант-заочник исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Мать – Елена Николаевна Косырева – преподаватель литературы и русского языка в средней школе г. Иваново.

После окончания школы в 1949 г. Галина Павловна поступила на исторический факультет МГУ, специализировалась по кафедре истории южных и западных славян. Тогда и был сделан ею выбор, во многом определивший всю дальнейшую судьбу – новейшая история Чехословакии. Однако полученный в университете диплом с отличием не сразу привел молодую выпускницу в науку. По распределению она уехала в Белоруссию, где работала преподавателем истории в г. Полоцке, затем в железнодорожной школе № 9 на станции Голицыно Калининской железной дороги. В 1957 г. Г.П. Мурашко поступила в заочную аспирантуру Института славяноведения АН СССР, по окончании которой в 1961 г. была зачислена в штат Института. С того времени и по настоящий день она трудится в Институте, пройдя в нем путь от младшего научного до ведущего научного сотрудника, авторитетного исследователя – богемиста и словакиста. В 1964 г. Галина

Павловна защитила кандидатскую диссертацию «Положение рабочего класса и формирование революционного направления в профсоюзном движении Чехословакии в годы послевоенного экономического кризиса. 1921–1923 гг.», а в 1980 г. — докторскую диссертацию «Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. (Из опыта революций 1940-х гг. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы)».

Галина Павловна никогда не была исследовательницей одной темы. В секторе, руководимом известным советским историком-болгаристом Л.Б. Валевым, она участвовала в разработке ключевой в те годы проблематики — влияния Октябрьской революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, установления и функционирования режимов народной демократии в регионе, истории народных и национальных фронтов. Именно тогда укрепился интерес Галины Павловны к исторической компаративистике: региональная тематика начала занимать все более значительное место в ее творчестве. Перу Г.П. Мурашко принадлежат шесть индивидуальных и написанных в соавторстве монографий, разделы и главы в коллективных трудах Института, десятки статей, получившие значительный резонанс в научном сообществе. Новаторский подход, серьезная научная интерпретация исторических источников, доказательность и обоснованность выводов характеризуют ее исследовательский почерк. Особенно плодотворным явился период «архивной революции» в России, когда по инициативе Галины Павловны в Институте был создан Научный центр истории сталинизма в Восточной Европе. Им она руководила более десяти лет, в 1993–2004 гг.

В те годы в отечественной науке решалась важная задача создания новой исследовательской парадигмы, связанной с кардинальными изменениями в жизни Советского Союза и стран «социалистического содружества». Начинаясь рассекречивание архивных фондов и коллекций. В этих условиях сотрудники Центра определили в качестве главной задачу содействовать формированию новой источниковой базы для исследований советской внешней политики и международных отношений, роли советского фактора в Восточной Европе. Предстояла масштабная работа по выявлению и введению в научный оборот документов, раскрывавших динамику общественно-политических процессов в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии на рубеже войны и мира и в первые послевоенные годы. Многолетние усилия Центра по публикации новых документов и материалов получили высокую оценку коллег-историков, политологов и обществоведов, как в России, так и за рубежом: исследователи получили в свое распоряжение свыше полутора тысяч оригинальных документов, ранее находившихся на особом режиме хранения. Научная интерпретация опубликованных документов нашла выражение в фундаментальных монографиях серии «Москва и Восточная Европа», в написании которых самое активное участие приняла Г.П. Мурашко. Ее плодотворная научная деятельность в 2010 г. была отмечена медалью Славянского фонда России «За вклад в изучение истории славян». Понимая важность укрепления международных научных связей, Галина Павловна активно участвует в работе двусторонних комиссий историков России и Чехии, России и Словакии.

Важной гранью научной деятельности Г.П. Мурашко является постоянное участие в научных дискуссиях. Коллегам-историкам запомнились ее выступления по наиболее острым, спорным проблемам историографии — о феномене народной демократии и альтернативности развития региона после Второй мировой войны, о сущностных характеристиках сталинизма в Восточной Европе, о внедрении в регионе советской общественно-политической модели, утверждении политических режимов советского типа, роли советского фактора в общественно-политической жизни, о процессе установления властной монополии компартий, политических репрессиях в регионе, деятельности советских советников, о конфессиональной ситуации и положении нацменьшинств в регионе и пр. Эта впечатляющая по сложности и объему работа сопровождалась поисками новых методологических подходов, новых ракурсов видения исторических явлений, обновлением понятийного аппарата. В поле зрения Галины Павловны — состояние отечественной и зарубежной историографии по близкой ей тематике: свет увидели ее статьи о некоторых спорных трактовках вопросов политического развития Чехословакии после Второй мировой войны, о типах тоталитаризма, о специфике исторического опыта сталинизма в Восточной Европе.

В последние годы внимание Г.П. Мурашко привлекли начальная стадия «десталинизации» и первые системные кризисы в странах «социалистического лагеря». Она изучает общественные настроения в Чехословакии в 1950-е годы, отклики чехов и словаков на советско-югославский конфликт 1948–1953 гг., влияние «Пражской весны»

на формирование в Советском Союзе «внутрисистемной оппозиции» неосталинизму, анализирует оценки чехословацких событий 1968 г., даваемые в коммунистических и рабочих партиях Западной Европы. Не ослабевает ее интерес и к публикаторской деятельности: под ее руководством завершается подготовка документального сборника «Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944—1951 гг.». Большинство представленных в нем архивных материалов будет опубликовано впервые. Внимание к источникам личного происхождения и литературно-публицистическому наследию чешских политиков и общественных деятелей — современников тех событий выразилось в публикации перевода мемуаров одного из видных реформаторов-«шестидесятников» Ч. Цисаржа, к которой Галина Павловна написала содержательное предисловие и научные комментарии, а также содействию подготовке к изданию русского перевода книги М. Гаека «XX век. Воспоминания о судьбах чешских левых».

Кипучая научная деятельность Г.П. Мурашко всегда органично сочеталась с общественной и организационной. Много лет она возглавляла профком Института славяноведения, входила в состав Ученого совета, способствуя выработке тематики исследований и научных направлений работы Института. Настойчивость в отстаивании своей позиции, неравнодушие, искренний интерес к окружающим, готовность помочь и поддержать коллег, внимание к молодежи снискали Галине Павловне заслуженный авторитет.

Поздравляя дорогую коллегу со славным юбилеем, желаем ей здоровья и успешного завершения намеченных творческих планов.

Коллеги и друзья

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Галине Павловне здоровья и творческих успехов.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Szymczak D.</i> (Poznań). «We understand each other ...». Francis Joseph and the Poles in Galicia....	3
<i>Filimonova A.I.</i> (Moscow). The First Croatian National Catholic Congress: beginnings of political Catholicism	14
<i>Seleznev F.A.</i> (Nizhniy Novgorod). Manifesto of Grand Duke Nikolai Nikolaevich to Poles on August (1)14, 1914.....	28
<i>Shakhin Ju.V.</i> (Sevastopol). At the down of centripetal processes: Slovenian republicanism during the making of federative Yugoslavia.....	42
<i>Edemsky A.B.</i> (Moscow). The role of subjective factor in the activating of the Soviet-Yugoslav relations in the early 1960s	54
<i>Nikitin V.V.</i> (Moscow). The visit of Patriarch Alexy II to Slovakia. The pretext and preparations.....	69

REPORTS

<i>Khavanova O.V.</i> (Moscow). «I have sent Eichenfeld to him ». Biography and career of a secretary of the Austrian embassy in St.-Petersburg.....	80
--	----

REVIEWS

<i>Belov M.V.</i> В. Таки. Царь и султан. Османская империя глазами россиян.....	88
<i>Strelets M.V. Mezga N.N.</i> А.Л. Кузьминых, С.И. Старостин. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.).....	93
<i>Gusev Ju.P.</i> П. Надаш. Книга воспоминаний. Роман	98
<i>Kosik V.I.</i> В. Бондаренко. Русский некрополь на Шипке	102
<i>Kosik V.I.</i> Р. Михнева, К. Грозев, Г. Рупчева. «Малката Русия» на жълтите павета.....	104

SCHOLARLY LIFE

<i>Frolova M.M.</i> VI Nikitin Readings. Slavs and Russia. Problems of war and peace in the Balkans. From the eighteenth to the twenty-first century. To the centennial jubilee of academician Juri Pisarev	106
<i>Klopova M.E.</i> Seminar «Francis Joseph: peoples' historical experience and a (supra)national myth»	111
<i>Zlydneva N.V.</i> International conference «Art history and socialism after World War Two»	113
<i>Budagova L.N.</i> Back to the published	118

JUBILEES

<i>Budagova L.N.</i> To the jubilee of Aleksandr Vladimirovich Lipatov	119
To the jubilee of Ludmila Norairovna Budagova.....	121
To the jubilee of Tatiana Andreevna Pokivailova.....	123
To the jubilee of Galina Pavlovna Murashko	124

Сдано в набор 31.05.2017 Подписано в печать 16.08.2017 Дата выхода в свет 28.09.2017
Формат $70 \times 100^{1/16}$ Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 1,6 тыс. Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0 Тираж 150 экз. Зак. 1381 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
121099, Москва, Шубинский пер., 6